This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Slav 4313.1.16

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

РОМАНЫ И ПОВѢСТИ
ВАСИЛІЯ НАРѢЖНАГО.
ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1836.

3000
236M
#30-9

Digitized by Google

Digitized by Google

CYR

РОМАНЫ и ПОВѢСТИ,

СОЧИНЕНІЯ

Василія Нарѣжнаго.

ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ.

Изданіе второе.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ АЛЕКСАНДРА СМИРДИНА.

1836.

Digitized by Google

Slav 4313.1.16 (10)

Digitized by Google

PGR 1796
1836

Печатать позволяется,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. С. Петербургъ, 1 Августа 1834.

Цензоръ П. Гаевскій.

Digitized by Google

СЛАВЕНСКІЕ

ВЕЧЕРА.

Digitized by Google

Digitized by Google

СЛАВЕНСКІЕ ВЕЧЕРА.

ВЕЧЕРЪ I.

КІЙ И ДУЛЕВЪ.

Гордо возвышались на берегахъ Днѣпровскихъ грозныя стѣны пышнаго города *Кіева**. Юный вождь юнаго еще народа съ удовольствіемъ Духа *Бѣлаго* ** взиралъ на возрастающую славу своихъ тысячей. Наро-

* Князь *Кій* есть основатель города своего имени.

** Геній древнихъ Полянъ.

Digitized by Google

ды иноплеменные, дикія и грозныя толпы, скитавшіяся среди горъ Днѣпровскихъ, познали благо общежитія, и покорили умы свои Кію, мудрому Князю Полянскому. Онъ далъ имъ миръ и судъ,—и сердце его веселилось ихъ счастіемъ. Одинъ Дулебъ, бурный вождь и Князь свирѣпыхъ племенъ, посившихъ имя его, не позналъ силы его оружія, не вкусилъ сладости въ повиновеніи владыкѣ мудрому.

Покрытый кожею сраженнаго имъ медвѣдя, окруженный тысячами дикихъ своихъ послушниковъ, люшый Дулебъ неоднократно нападалъ на селенья народа Кіева, предавалъ все мечу и пламени, и свирѣпая душа его веселилась, и кровожадныя уста его осклаблялись при видѣ труповъ, омытыхъ кровію. Быстро потомъ укрывался онъ въ вертепахъ горъ своихъ, и въ шумной радости торжествовалъ безчеловѣчную люпость свою. Онъ упивался кровью плѣнныхъ, и дикій, неистовый вопль радости его народа мѣшался съ ревомъ звѣрей пустынныхъ, отдаваясь съ шумомъ въ дубравахъ отдаленныхъ.

Digitized by Google

Но, къ великому удивленію Князя и народа Полянскаго, когда уже три краты нараждался и умиралъ мѣсяцъ на небѣ полуночномъ, Дулебъ пребывалъ покоенъ въ нѣдрахъ пещеръ своихъ.

«Благодареніе Свѣтовиду,—вѣщалъ Кій къ своимъ сподвижникамъ: «Дулебъ позналъ преступность своихъ дѣяній, и покорился внушеніямъ Духа Бѣлаго.»

Среди града, на возвышенномъ холмѣ, воздвигнутъ былъ храмъ Перуну, державному обладателю грома и молніи. У подножія храма сего, окруженный сподвижниками и оруженосцами, сопровождаемый вождями племенъ чуждыхъ, покорившихся законамъ Кіевымъ, съ появленіемъ дня каждаго, приносилъ Князь жертвы — Богу невидимому, но великому, и потомъ давалъ судъ своему народу. Вдохновенный божествомъ, соприсутственнымъ мѣсту тому, Кій поучалъ народы свои познавать боговъ и чтить ихъ велѣнія. Онъ открывалъ имъ таинства, какъ земля, изрытая плугомъ, принимая въ себя сѣмена сельныя, отдаетъ ихъ съ лихвой своему по-

Digitized by Google

печителю. Онъ научалъ ихъ, какъ крѣпкія сосны, падшія подъ остреемъ сѣкиры, бывъ соединены вервіемъ, носятся по волнамъ Днѣпровскимъ, и служатъ человѣку способомъ сообщаться со странами, отдѣленными отъ него волнами глубокими. Онъ говорилъ,—и тысячи мнили видѣть въ лицѣ его юное нѣкое божество, мудрое и благодѣтельное.

Въ единый день, когда Кій совершалъ по обыкновенію великое дѣло владычествованія, являются къ нему два воина иноплеменные. Поляне толпились за ними, и воины Кіевы провождали ихъ къ своему обладателю. Звѣриныя кожи покрывали рамена пришельцевъ сихъ, отягченныхъ луками и колчанами стрѣлъ смертоносныхъ. Они опирались на огромныя булавы дубовыя, усѣянныя шипами желѣзными.

«Повелитель племени Полянскаго!» сказалъ старѣйшій изъ нихъ, приближаясь къ Кію: «Владыкѣ моему, могущему Дулебу, страшному врагамъ своимъ, и высокоцѣнимому друзьями, наскучили брани кро-

Digitized by Google

вавыя, и мышца его даруетъ покой тебѣ и твоему племени. Для сего хощетъ онъ заключить съ тобой союзъ братства, и утвердить его на времена грядущія. Отдай ему въ жену Лебёду прекрасную, сестру твою.»

Кій пребылъ въ молчаніи. Взоры старѣйшинъ и воинства устремлены были на вождя своего.

Кій вѣщалъ: —

«Да изыдетъ Дулебъ изъ вертеповъ своихъ на поля Днѣпровскія, и поселится съ народомъ своимъ на землѣ нашей; да преклонитъ колѣна предъ изображеніями боговъ нашихъ, и покорится законамъ Кіевымъ: тогда вручу ему Лебёду, сестру мою, и обниму въ немъ брата дружелюбнаго.»

«Дулебъ никогда сего не сдѣлаетъ,» отвѣчалъ посолъ его.

«Не отдамъ прекрасной сестры своей на жертву звѣрю люотому.»

Дулебянинъ беретъ изъ колчана своего стрѣлу острую, преломляетъ ее наполы, и одинъ конецъ подаетъ Князю Кію. —

Digitized by Google

Стремительно принимаетъ Кій знакъ брани кровавой, и полки его возшумѣли; загремѣли доспѣхи бранные, и звучный гласъ щитовъ, копьями ударяемыхъ, разлился по стогнамъ града.

«Война свирѣпому Дулебу, обладателю вертеповъ мрачныхъ; кровавая война лютому рушителю тишины благословенныя!» вѣщалъ Кій.

И воины иноплеменные, съ мрачною душею, со свирѣпыми взорами, тихими шагами направили обратный путь свой.

День прошелъ въ приготовленіяхъ къ битвѣ.

Какъ скоро шумящій Днѣпръ увѣнчался послѣдними багряными лучами закатывающагося великаго свѣтила небеснаго, Кій съ сподвижниками своими выступилъ изъ града, дабы въ темнотѣ ночной, при свѣтѣ мѣсяца сребрецвѣтнаго, пройти пространство земли своей, и воспретить гордому Дулебу внести опустошеніе въ его предѣлы.

Едва Зимцлера * златоблестящая, вѣч-

* Аврора древнихъ Славенъ.

Digitized by Google

ноюная, прелестная невѣста Свѣтовидова, отверзала врата неба величественному жениху своему, едва начали померкать звѣзды небесныя предъ алыми ея лампами,— Кій и воинство его узрѣли мрачнаго Дулеба, выходящаго изъ лѣсовъ своихъ съ тысячами. Грозно, подобно бурѣ, казалось чело его, когда узрѣлъ онъ, что уже подняты мечи на его пораженіе, направлены щиты, для отраженія мощнаго паденія булавы его. Онъ идетъ, и вождь Полянскій выступилъ впередъ; — сонмы его за нимъ слѣдовали, — до тѣхъ поръ, какъ гласъ каждаго могъ слышимъ быть врагомъ его, и какъ пущенное копье могло вонзиться въ груди непріязненной.

Они остановились.

«Владыка племени Полянскаго, и обладатель береговъ Днѣпровскихъ!» сказалъ Дулебъ гласомъ, подобнымъ реву горныхъ вѣтровъ, стенанію волнъ во время бури. — «Извѣстна тебѣ крѣпость мышцы моей; подвиги мои не уклонились слуха твоего. Многіе изъ сильныхъ и могущихъ пали подъ ударомъ булавы сей, и пуп-

Digitized by Google

никъ не находитъ мѣста, гдѣ плѣютъ разгромленныя кости ихъ. Велики и почтенны мои пріятели. Гордые цари града Константинова трепещутъ имени Дулебова,—и безчисленная рать ихъ не дерзаетъ остановить на себѣ гнѣвнаго взора моего. — Избирай теперь: друга ли вижу въ тебѣ, или врага противника?»

«Не ищу,» рекъ величественно Кій: » не ищу себѣ друга сильнаго;—ищу друга мудраго. Покорись условіямъ, объявленнымъ мною послу твоему, — и Кій познаетъ въ Дулебѣ брата своего. »

«Никогда!» возгласилъ Дулебъ.

И ратники его подняли булавы на рамена свои; — оба воинства двинулись, — и се —

Отъ среды рядовъ Кіевыхъ отдѣляется и становится по средѣ обоихъ воинствъ старецъ, вооруженный доспѣхами. Бѣлая брада его развѣвалась по груди, покрытой желѣзными листами. Льняная мантія струилась на раменахъ его, подобно легкому туману, когда онъ, при восшествіи царя свѣтилъ небесныхъ, колеблясь по верши-

Digitized by Google

памъ дубовъ древнихъ, спускается на праву злачную, и обѣщаетъ красной день трудолюбивому землепашцу. Въ десницѣ его сіяла арѳа работы иноземной; — онъ шелъ, опираясь на копіе, и взоръ его, устремленный къ небу, былъ тихъ и величественъ.

Воинства, — какъ бы движимыя внушеніемъ воли Невидимаго, — остановились. Взоръ и поступь мужа великаго приковали булавы къ раменамъ полчищъ Дулебовыхъ.

Старецъ налагаетъ персты свои на златыя струны: — раздался звонъ, стройный и сильный, кроткій въ величествѣ своемъ. — Онъ произноситъ слова, сопровождая ихъ звуками приличными.

«Хвала и честь мужамъ мудрости! Гибель и поношеніе сынамъ гордости и неразумія!

«Куда стремитесь вы, обитатели горъ и вертеповъ? чего ищете вы, бурные дѣти страстей своихъ?

«Веселіе питаетъ душу земнаго странника; но веселіе кровопитіемъ не обрѣтается! — Радость свойственна душамъ

нашимъ;—но радость не обитаетъ въ долинахъ, усѣянныхъ трупами! — Необходимо для духа великаго—искать блага;— но кто обрѣтетъ его въ насиліи?

«Куда жъ спремитесь вы, обитатели горъ и вертеповъ? Чего ищете вы, бурные дѣти страстей своихъ?»

Дулебяне опустили на землю булавы свои, и, опершись на нихъ, въ изумленіи внимали словамъ старца.

«Что есть настоящая радость ваша?

«Она есть веселый вопль звѣря пустынаго, терзающаго въ когтяхъ своихъ добычу робкую! — Но радость таковая не есть удѣлъ человѣчества!

«Что есть слава ваша?

«Слава духа Чернаго, упѣшающагося бѣдствіемъ и преступленіемъ человѣковъ! Но не таковая слава опредѣлена благороднѣйшему изъ созданій.

«Что есть вся жизнь ваша?

«Она есть мракъ дубравной пещеры, въ которой вѣютъ вѣтры бурные, раздается свистъ, — и дикіе звѣри съ ужасомъ у-

Digitized by Google

клоняются. Но таковая ли жизнь назначена наперснику небесъ?

«Такъ судили боги, благіе обладатели всея земли: боги Полянъ и Дулебянъ — боги странъ отдаленнѣйшихъ!

«Вы возвращаетесь съ полей битвы пораженные. И пустынныя супруги ваши не прольютъ слезы сожалѣнія! Вы не дали имъ познать радостей жизни, и прелестей свободы!

«Вы возвращаетесь побѣдителями. И робкія подруги жизни вашей, и юные плоды любви вашей не встрѣчаютъ васъ улыбкою!—Они привыкли взирать на васъ побѣдителей, какъ на буйныхъ властелиновъ, прихотливыхъ рабовъ гордости и жестокости!

«Что же вся жизнь ваша, когда солнце радости не озлащаетъ дней вашихъ; когда мѣсяцъ, пропекая нощное небо ваше, изливаетъ лучи свои на страну хладнаго уныпія?»

Тишина душевная разлилась въ свирѣпыхъ взорахъ Дулебянъ; — мракъ и звѣрство улетѣли мгновенно съ лицъ ихъ

Легкій, кроткій гулъ разлился въ воинствѣ.

Старецъ вѣщалъ:

«Обратитесь же, сыны мрака и горести, на путь жизни истинной; и вы будете мгновенно друзья и братья племени Полянскому, вы учинитесь дѣти свѣта и веселія. Улыбка возсіметъ на лицахъ вашихъ, и въ дому вашемъ водворится цѣль жизни нашея, награда величія, утѣшеніе во дни мрака душевнаго, отрада во всякое время, водворится любовь со всѣми своими прелестями.»

Старецъ умолкъ; — но звуки арфы его долго струились еще въ воздухѣ, и нѣжили слухи полчищъ Дулебовыхъ, подобно кроткому, сладкому дыханію вѣперка, который принесъ къ намъ запахъ розы, пролетѣлъ мимо. Мы все еще чувствуемъ сладость ея благоуханія, и прохладу отъ легкихъ крылъ юнаго сына весны цвѣтущія.

Длилось безмолвіе въ рядахъ Дулебовыхъ. Мало-по-малу прояснились взоры его ратниковъ. Наконецъ нѣкій восторгъ

Digitized by Google

одѣлъ ихъ свѣтомъ радости и сердечнаго упоенія. Возшумѣли полки рапные, — подвигнулись, и вопль ихъ загремѣлъ въ пространствахъ долины:

«Хвала и честь Кію, мудрому обладателю племени Полянскаго! Мы хотимъ поклониться ему, — и познать счастіе жизни» —

«Вы познаете его» — вѣщалъ Кій, — и обнялъ старѣйшинъ. Полчища смѣсились, — и оба воинства заключили другъ друга въ братскія объятія.

Вдали спокоялъ Дулебъ на холмѣ возвышенномъ. Поражающіе взоры его обращались на отпаденіе своихъ воиновъ. Трикраты поднималъ онъ булаву свою, дабы одному вторгнуться въ ряды и поразить вѣроломныхъ, и трикраты опускались мышцы его. Гордость и злоба волновали грудь широкую. Наконецъ—раздался грозный гласъ отчаянія:

«Не хощу быть рабомъ твоимъ, коварный честолюбецъ! Не хощу унизиться предъ обольстителемъ народа!»

Стремительно берешъ онъ съ рамень

своихъ колчанъ великій, вынимаетъ стрѣлу крѣпчайшую, и вонзаетъ ее въ грудь свою. Раздался звонъ, и кровь черная пролилась на землю. — Кій и старѣйшины устремились къ отчаянному, — но уже взоръ Дулебовъ закрылся, и безчувственный витязь лежалъ на пескѣ сыпучемъ. Вдали носилась хищная птица, готовая терзать бездушные остатки мужа сильнаго.

«Незабвенна да будетъ память твоя въ родахъ отдаленныхъ! — вѣщалъ Кій. Свирѣпа была душа твоя, но ты былъ храбръ во дни битвъ кровавыхъ. Имена храбрыхъ да будутъ священны для потомковъ!»

По его велѣнію, возвысился мгновенно курганъ высокій надъ тѣломъ Дулебовымъ, — тамъ, гдѣ кедры и сосны осѣняютъ его подножіе.

Часто, въ бурную ночь, когда вѣтры потрясали въ корнѣ древа сіи вѣчнозеленыя, — когда молніи, разсѣкая небо и громы, рыкая на вершинахъ горъ, приводили въ трепетъ неустрашимыхъ странниковъ; когда мѣсяцъ, едва мерцая сквозь тучи свинцовыя,

Digitized by Google

бледно посребрялъ крылья ихъ быстропе-кущія,—часто ловцы звѣрей и странные вишязи видѣли, какъ Духъ Дулебовъ, въ видѣ столба огненнаго, грозно носился надъ вѣсшилищемъ праха своего, опер-шись на облака громовыя.

ВЕЧЕРЪ II.

СЛАВЕНЪ.

Мрачна душа моя, подобно дню осен-нему; мысли мои разсѣяны, какъ легкія струи тумана, вѣтромъ развѣваемаго; хлад-ны чувства мои, какъ снѣга, покрываю-щіе брега озера Ильменя, когда бѣлая зи-ма одѣнетъ ихъ мраною ризой. Много великихъ и сильныхъ склонили намъ гла-вы свои,—но гдѣ имена ихъ?—Процвѣтали

Digitized by Google

грады и веси многолюдныя! но гдѣ мѣста ихъ существованія? Увы! Се ли награда доблести? Се ли ушѣшеніе въ трудахъ, коими пріобрѣтается слава міра сего?—пріобрѣтается имя Великаго?

Двадесять шестую весну жизни моей встрѣчаю я на каменистомъ берегу семъ, въ который ударяются свирѣпѣющія волны моря Варяжскаго. Дико восемъ вѣковъ въ ущелья кремнистыя, — и душа моя не находитъ мира и радости въ обновляющейся природѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ впервые взглянулъ я на страну подлунную, и первый вопль мой ознаменовалъ участь жизни, до сихъ минулъ, сколько пало царей съ ихъ престолами! Сколько областей вольныхъ преклонили главы свои подъ цѣпями буйства и насилія! сколько мужей славныхъ и великихъ сокрыты въ могилахъ, или осуждены не видать страны отеческой, не дышать воздухомъ привычнымъ, не зрѣть солнца надъ гробами отцевъ своихъ! Участь, ужаснѣйшая смерти!

Обновляю же въ мысли моей воспомина-

Digitized by Google

нія дѣлъ отдаленнѣйшихъ, ратныхъ и великихъ подвиговъ предковъ нашихъ. — Заглушу въ душѣ моей, именами ихъ, имена гордыхъ властелиновъ сего времени, забывшихъ права правды и человѣчества.

Приближьтесь ко мнѣ, юныя дщери племени Славенскаго, вы, коимъ за доблести предковъ — благое Небо красоту и любезность сдѣлало общимъ наслѣдіемъ. Раздадутся громкіе звуки арфы моей, потрясутъ воздухъ и превысятъ звономъ свисты вѣтровъ, играющихъ съ вершинами дубовъ и кедровъ. Приближьтесь! Я знаю, сколь пріятно красотѣ внимать звучному пѣнію о подвигахъ ратныхъ.

«Возвратился ты съ побѣдой на поля наши! Пали многочисленные враги твои, какъ стада враповъ хищныхъ отъ рыкнаго удара орла небеснаго. Не придутъ болѣе гордые Варяги нарушить спокойствіе твоего народа. Надменный владыка ихъ, Радимиръ, лежитъ окованъ цѣпями плѣна у ногъ побѣдителя.»

Такъ пѣли въ восторгѣ радости граждане благодарные, исходя во срѣтеніе

Князю Славену, шекущему съ побѣдой надъ Варягами. Они смѣшались съ его ратниками, познали въ нихъ друзей и кровныхъ, и гласы побѣдоносные пресѣкли гласы радостные; — и Славенъ, — подобно кедру высокому, коего вершина опалена уже пламенемъ молніи, и лѣта пожелтили изумрудныя вѣтьви, — и Славенъ, покрытый сѣдиною и ранами дней мужескихъ, — опершись на дебелое копіе свое, — обративъ къ народу взоръ веселія, осклабивъ уста старческія улыбкою мира, повелѣлъ быть пиршеству великому, подъ открытымъ небомъ, ибо черноги владыки добраго не вмѣстятъ въ себѣ дѣтей его, — народа, ему подвластнаго.

Запылали дубы вокругъ береговъ озера Ильменя; свирѣпые валы рѣки Мутныя * озарились отъ огней пиршественныхъ. Возсѣлъ Славенъ и старѣйшины его. У ногъ ихъ лежалъ скованный Радимиръ, Князь береговъ Варяжскихъ и ужесъ сосѣдей; — вмѣстѣ съ нимъ вождп его. Ю-

* Такъ назывался въ старину Волховъ.

Digitized by Google

ные сподвижники Славеновы, опершись на копья и луки, сполли вокругъ въ молчаніи, и внимали жадно словамъ Славена и его совѣтниковъ; — ибо въ часы битвы кровавой и пиршества дружескаго, онъ не памѣнялся; мудрость вѣщала устами его.

Взошелъ мѣсяцъ на небо лазуревое и освѣтилъ пурпуръ веселія на лицахъ старческихъ Славена и друзей его.

«Хощу, — вѣщалъ Князь, — хощу — да старѣйшій изъ васъ повѣдаетъ въ пѣснѣхъ мои подвиги. Не лести ищетъ старецъ, во браняхъ посѣдѣвшій; — но боги и мое сердце вѣщаютъ мнѣ: я былъ добръ и любилъ славу моего народа. Да научится же Волхвъ, сынъ и наслѣдникъ мой, — что есть благо владѣнія и слава народа, — и Радимиръ, дерзнувшій нарушить тишину въ странѣ нашей, да познаетъ, что одинъ стыдъ и униженіе бываютъ наградой надменному, который дерзаетъ грозить владыкѣ, любезному своимъ подданнымъ, грозить Князю Россійскому.»

Вѣщалъ —

И мудрый Добромыслъ возсиаетъ въ ве-

селіи. Онъ беретъ серебряный щитъ, ударяетъ въ него прикрашы копьемъ сшальнымъ;—молчаніе разлилось въ долинѣ, звуки пѣсни его разслались по брегу и валамъ рѣки Мушныя: —

«Далеко опсель къ востоку солнечному, за кремнистыми подошвами Кавказа-исполина, обиталъ народъ отъ племени Скиескаго, народъ сильный крѣпостію мышцъ своихъ, и дружелюбіемъ, господствовавшимъ въ нѣдрахъ его отчизны между монархомъ и народомъ, народомъ и жрецами.

«Долго длилось благоденствіе въ долинахъ нашихъ, и древнѣйшіе спарцы вѣщали намъ, юнымъ, что шесть колѣнъ уже сокрыты въ могилахъ, какъ оружіе Скиевъ было въ покоѣ: ибо ужасъ онаго останавливалъ всякую дерзость. Но онъ не могъ остановить надменнаго любочестія и корысти. Гордые властелины міра, потомки братоубійцы Ромула, всосавшіе въ себя кровожадность съ молокомъ матернимъ, возжелали и насъ ввергнуть въ пучину бѣдствія, ихъ обуревавшаго. Они вторглись въ предѣлы наши съ мечемъ и

Digitized by Google

пламенемъ,—и въ одинъ мѣсяцъ непрерывной бишвы палъ повелитель нашъ, любезный богамъ и народу; онъ палъ и съ нимъ два старшіе сына его, и съ ними вмѣстѣ народъ Скиѳскій.

«Хищники ушли, оставя насъ въ ужасѣ и унынін, и сей ужасъ и унынie до нѣхъ поръ владѣли душами нашими, пока, по прошествіи тридцати появленій мѣсяца на небѣ нашемъ, явился къ намъ юный Россъ, — послѣдняя отрасль злополучнаго нашего обладателя.

«Собери и утѣшь разсѣянныя полпы твоего народа, повелѣвай нами и содѣлай счастливыми,—возопили старѣйшины, и— Россъ вѣщалъ:

«Народа счастіе—въ рукѣ боговъ небожителей; вспросимъ ихъ и помолимся, да научатъ меня и васъ, какъ достигнуть счастія, нами утраченнаго.»

«Появленіе Россово украсило цвѣтами надежды сердца наши. Слухъ о его прибытіи разнесся во всѣхъ концахъ его владѣнія, и съ восходомъ свѣтила дневнаго, на третій день, шаперъ его окружился шы-

Digitized by Google

слчами избѣгшихъ отъ пораженія злодѣйскаго. Старцы и младенцы, матери и дѣвы юныя ожидали исхода Россова.

«Среди лѣса дремучаго, осѣняемаго кипарисами и соснами, была пространная долина, среди коей возвышался священный холм:. Вверху его три огромные дуба, сплетшись своими вѣтвями, составляли сѣдалище божества, обыкшаго посѣщать мѣста сіи, склонясь на молепія народа. Сюда притекъ Россъ съ своимъ народомъ, вопросить боговъ и узнать судьбу свою. — Сонмъ жрецовъ востекъ на холмъ, и старѣйшій изъ нихъ вѣщалъ, воздѣвши длани свои:

«Ты, — повелѣвающій небомъ и землею, вѣтрами небесными и свѣтилами дня и ночи! Склонись на мольбы наши, и удостой мѣсто сіе Твоимъ присутствіемъ! Россъ хощетъ вопросить Тебя.

Мрачная туча показалась на небѣ противу холма священнаго.

Жрецъ продолжалъ: —

«Вопли и стоны чтущаго Тебя народа, конечно достигли слуха Твоего. Съ вы-

Digitized by Google

соты горней Ты зрѣлъ токи крови мужей, и слезы женъ и матерей ихъ. Россъ хощетъ спасти ихъ; онъ хощетъ вопросить Тебя.

Туча спустилась ниже, — и полетъ ея устремлялся съ быстротою вѣтра.

Жрецъ вѣщалъ:

«Одни мрачные сыны земли питаютъ гордость и неправосудіе. Ихъ только сердца спокойно взираютъ на пораженіе жертвы несчастія. Но не такова воля боговъ. Милость и щедрота есть свойство небожителей. Сойди же къ намъ, великій Повелитель неба, и объяви волю твою. Россъ хощетъ вопросить Тебя. —

Онъ рекъ, и грозная туча разлеглась на холмѣ; раздался звукъ грома, и струи молніи разсыпались у подошвы.

«Приближься, Россъ!»—вѣщалъ гласъ съ вершины дубовъ, —

«И Россъ—съ кипѣніемъ груди и спѣсненіемъ сердца бодро потекъ на священный холмъ — внять слова божества о судьбѣ своей и своего народа. Онъ взошелъ, — повергъ у корней дубовъ булаву свою,

лукъ съ колчаномъ, — княжескую діадиму, и самъ повергся лицемъ къ землѣ.

Гласъ вѣщалъ:

«Возьми народъ твой, жепъ и дѣтей ихъ, и теки въ страну иную. Славу твою и благоденствіе твоего народа продлю до вѣковъ позднѣйшихъ. Знаменемъ небеспымъ открою тебѣ мѣсто твоего господствованія. Теки по теченію звѣзды сѣверной. Ты обрѣтешь народы дикіе и испытаешь сердца оледенѣлыя; — укроти и просвѣти ихъ. Приложи къ обработыванію земли, — и научай знанію сему тебѣ подвластныхъ; — се есть верховная воля моя! Въ священныхъ сновидѣніяхъ открою тебѣ таинства сея науки.»

«Гласъ умолкъ. Россъ возсталъ и народъ его. Туча священная уже сокрылась. Дневный свѣтъ озарилъ ихъ паки, — и Россъ зрѣлъ у подножія священнаго холма двухъ бѣлоснѣжныхъ тельцовъ; на выяхъ ихъ висѣлъ яремъ, держащій стальный плугъ со всѣми орудіями.

«Россъ устремился въ путь свой, и прежде нежели солнце совершило годичное

Digitized by Google

свое кругообращеніе, достигли мы береговъ Ильменя, нами, гдѣ рѣка Мутная вливаетъ въ него волны свои. Тутъ паки услышали мы гласъ небесный:

«Остановись, Россъ! Се предѣлъ пути твоего. Землю сію даю въ удѣлъ тебѣ и твоему племени!»

«Тутъ нашли мы народъ дикій, живущій безъ законовъ. Своенравіе управляло дѣлами каждаго. Звѣриная ловля и хищничества продолжали жизнь ихъ.

«Долго вели мы брани съ симъ народомъ; — наконецъ кротость и мудрость Россова побѣдили ихъ, когда оружія не сильны были учинить того. Мало-помалу они усмирялись, преклоняли выи свои подъ кроткій скипетръ Россовъ, и дивились, находя его орудіемъ ихъ счастія. Сперва съ изумленіемъ, а послѣ съ радостью и веселіемъ взирали они, какъ мы, раздирая нѣдра земныя плугами, ввергали въ оныя сѣмена; какъ они возникали, росли, зрѣли и наконецъ приносили въ воздаяніе трудолюбиваго плодъ сторичный. Миръ и довѣренность водворились; два народа со-

единились въ одинъ,—и, по истеченіи полвѣка, ни кто не помнилъ прежняго своего сосѣдства, — Скифы, чтобы они когда-либо вели брани съ своими хозяевами; сіи—чтобы когда нибудь могли дикостію и звѣрствомъ раздражать Росса и боговъ небожителей. Сосѣди и народы отдаленные рѣдко дерзали возмущать тишину нашу, ибо видѣли внутри насъ миръ и дружелюбіе. Въ противномъ случаѣ бѣдствіе и раскаяніе были ихъ неминуемымъ удѣломъ. Наконецъ всѣ страны, ближнія и дальнія, пораженныя удивленіемъ къ добродѣтелямъ и доблестямъ Росса, единодушно и единогласно нарекли его Славеномъ,—и народъ его Славенами, любимцами славы. Россъ, соглашаясь съ волею боговъ, принялъ имя сіе, и градъ свой на берегахъ Ильменя нарекъ Славенскомъ. И въ преклонныхъ уже лѣтахъ своихъ, дабы тѣснѣе соединиться съ новымъ его народомъ, по кончинѣ первой своей супруги, взялъ онъ другую отъ семейства своихъ хозяевъ; и Всемила, плодъ любви ихъ и краса страны нашей, была виною битвы послѣ полувѣковаго мира.

Digitized by Google

«Радимиръ, со дней дѣтства обитавшій въ странѣ отцевъ своихъ, положилъ славу въ кровопролитіяхъ, и утѣхи свои въ хищеніяхъ. Часто съ дружинами своими востекалъ онъ на корабли быстроходные, предавался волнамъ ярящимся, противуборствовалъ вѣтрамъ гнѣвнымъ, и опустошалъ страны прибрежныя. Слухъ имени его ужасалъ храбрѣйшихъ, — всѣ трепетали его, кромѣ Славена и чадъ его.

«Слухъ о красотѣ юной отрасли Славеновой, громкая слава о прелестяхъ Всемилы достигли дикаго слуха Радимирова. Возжелалъ онъ имѣть ее супругою, — но безнадежность успѣть въ семъ, привела его въ неистовство. Въ первый разъ Радимиръ оставилъ насиліе, и устремился къ коварствамъ.

«Собираетъ онъ отличнѣйшихъ изъ дружины своей, и назначаетъ скрытное шествіе ко граду Славенову. Одинъ мѣсяцъ и звѣзды небесныя освѣщали пути его. Наконецъ прибылъ онъ къ предѣламъ града, и сокрылся въ пещерахъ, осѣненныхъ дремучими лѣсами. Оттуда устрем-

лялъ опъ жадные взоры свои къ дѣвическому перему Всемилы, — и конечно богамъ угодно было покрыть его вѣчнымъ посрамленіемъ: — сего утра съ появленіемъ Свѣтовида великаго, возжелала Княжна насладиться пѣніемъ пташекъ воздушныхъ и благоуханіемъ цвѣтовъ сельныхъ. Съ вѣрными своими рабынями и подругами ея дѣвства, выходитъ она изъ чертоговъ родительскихъ ко брегамъ рѣки Мутныя.

«Сего ожидалъ Радимиръ неукротимый. Подобно звѣрю хищному, нападающему на жертву робкую, — устремился онъ ко Всемилѣ, объялъ ее руками сильными и воспекъ на коня своего, держа безчувственную въ своихъ объятіяхъ. Пыль поднялась до облакъ отъ копытъ коней ратныхъ.

«Болѣзненный вопль рабынь Всемилы разнесся по волнамъ рѣчнымъ, и дошелъ до слуха Волхова, сына Славенова. Позналъ онъ вину сея печали, и, подобно вихрю, устремился ко граду. Возтрепеталъ Славенъ и весь градъ его объ участи

Княжны прелестной. Мгновенно потекли они во слѣдъ похитителей, и въ началѣ третіей зари утренней настигли буйнаго.

«Брань длилась до полудня. Тогда Радимиръ, отчаянный смятеніемъ своихъ сопутниковъ, собираетъ послѣднія усилія, и возноситъ копіе къ челу Славенову. Мгновенно пораженный булавой Волхова — просперся по землѣ, — и безчувствіе надолго оковало его. Воины преклонили оружіе, — и нарекли себя рабами плѣнными. —»

Добромыслъ умолкъ, и сопиршествующіе восплескали.

«Чего ожидаетъ Радимиръ? вопросилъ Славенъ, обращя къ нему слово свое.

«Смерти *люпыя*,» — отвѣчалъ сей со скрежетомъ, и погрузилъ во прахѣ главу свою.

«Не позналъ ты Славена, — вѣщалъ старецъ. Смерть плѣннаго навлечетъ на меня гнѣвъ боговъ и нареканіе отъ потомства. Ступай съ миромъ въ страну свою, — и если, по прошествіи двенадце-

Digitized by Google

сяти полныхъ обращеній мѣсяца — услышимъ мы, что Радимиръ столико же великъ въ добродѣтеляхъ мирныхъ, колико грозенъ въ бранѣхъ кровавыхъ, — тогда пріиди въ мои палаты, и пребуй Всемилы. Она назначена быть наградой мудраго, — а никогда свирѣпаго.»

Радимиръ потекъ въ страну свою. Онъ оставилъ, — и воспретилъ другимъ хищничества. Обратилъ умъ свой къ познанію мудрости, и сердце ко внушеніямъ добродѣтели. Грады его отверзлись мирнымъ мореплавателямъ, — и украсились богатствомъ, безъ пролитія крови пріобрѣтеннымъ.

Протекло время, Славеномъ назначенное. Радимиръ, окруженный прежде буйными оруженосцами и грабителями неистовыми, — теперь въ кругу старѣйшинъ, великихъ двора его по ихъ отличной мудрости и доблестямъ, прибылъ въ градъ Славеновъ, и преклонилъ колѣна предъ обладателемъ.

Славенъ подалъ ему дружелюбно десницу свою, и — на третій день послѣ пир-

шества великаго, Всемила, юная и прекрасная, украсила собою брачное ложе Князя Варяжскаго.

ВЕЧЕРЪ III.

РОГДАЙ.

Восшелъ Свѣтовидъ во славѣ своей надъ долинами Полѣсскими. Багряная риза его разостлалась по небу лазуревому, ночный туманъ палъ на лоно земли, — и разсѣевался въ образѣ мужа грознаго, изнемогающаго отъ пораженія.

«Близка смерть витязя сильнаго,» — вѣщалъ Рогдай, обратясь къ Слопану, своему оруженосцу.

«Вижу я густой туманъ, що предвѣщающій! Конечно боги посылаютъ мнѣ знаменіе сіе.»

Digitized by Google

Онъ рекъ, и дума мрачная покрыла крилами своими взоры его. Буреподобный конь его шелъ медленными стопами, — и грозно ударялъ копытами въ землю пиердую.

Слопанъ не дерзалъ нарушить молчанія своего вишязя.

Вдругъ опъ лѣсу со страны десныя появляется и достигаетъ ихъ гонецъ земли Русскія.

«Вишязь!» возопилъ онъ, — если любезно тебѣ отечество и спокойствіе Князя Владиміра, — теки поспѣшно со мною. Жестокіе Печенѣги окружили Бѣлградъ, — и пользуясь далекимъ отсутствіемъ Князя, грозятъ продать всѣхъ погибели, разрушить храмы боговъ и черпюги Князевы; сокрушить все, не щадя пиремовъ Владиміровыхъ, гдѣ укрываются пирисна наперсницъ Князя веселаго.

«Велика ли сила непріязненная?—вскричалъ Рогдай — и просперъ десницу къ Слопану.— Сей вручилъ ему копіе тяжелое, и булаву желѣзную.

Digitized by Google

«Триста воиновъ — въ повелѣніяхъ грознаго Буйслава, — хищнаго, подобно тигру Ливійскому, неукротимому, подобно бурѣ.»

«Веди меня,» — вѣщалъ Рогдай; — обнажилъ мечъ свой; повѣсилъ по бедрѣ булаву, и устремился въ путь.

«Вышязь!» сказалъ Слошанъ въ недоумѣніи, —

«Или не внялъ ты словамъ гонца Бѣлоградскаго? Триста воиновъ ожидаютъ насъ.» —

«Мольбы народа, на помощь коему стремлюсь, испросятъ мнѣ у Небесъ силы достаточныя! Пріятно, сладостно вкусить смерть за отечество, — говорили воины Святославовы, и поражали робкихъ Грековъ, какъ поражаетъ орелъ горъ Днѣпровскихъ, слабыхъ горлицъ.» —

Вскорѣ достигли они до стана Печенѣжскаго. — Рогдай вострубилъ въ трубу рашную, — и враги возмутились. Жители града услышали звукъ сей, и познали крѣпкую грудь Россійскую. Они устреми-

Digitized by Google

лись на стѣны градскія, — зрѣть прю великую.

Буйславъ со своими оруженосцами вышелъ къ нему во срѣщеніе, на конѣ, питомцѣ пещеръ Кавказскихъ. Поражающи были взоры его;—въ нихъ открыта была душа негодующая на дерзость Рогдаеву.

«Чего ищешь ты?» возопилъ онъ гласомъ бурнымъ: «чего ищешь, витязь незнаемый въ станѣ нашемъ? — Труба твоя звучитъ брань свирѣпую; но она возвѣщаетъ твою погибель неизбѣжную! Удались же, древній витязь! Съ мужами испытанными первыхъ дней Владиміровыхъ испытывалъ я крѣпость копія своего, и оставался непостыженнымъ. — Сѣдый витязь! Ты зришь Буйслава и дружину его!»

Печенѣгъ умолкъ, и съ равнодушіемъ извлекалъ великій мечъ свой.

«Рогдаю ли судили боги слышать гордость сію?» возревѣлъ Рогдай, и со всею крѣпостію мышцы своей повергъ въ него копье тяжелое.

Раздался пресѣкъ сокрушенной брони Буй-

славовой, восколебался онъ — и мгновенно простерся на сырой землѣ, подобно упесу скалы дикія, отторженному громомъ и поверженному въ пѣнящіяся волны свирѣпѣющаго отъ вѣтровъ моря.

Быстро Слотанъ устремляется къ оглушенному Буйславу, и связавъ его вервями шелковыми, прикрѣпляетъ къ стремени Рогдаеву. Побѣдитель печетъ ко граду. Тщетно рашники Печенѣжскіе порываются на него съ неистовствомъ. Булава Рогдаева, — свистя вокругъ главы его, очищаетъ путь ему и его сподвижнику. Кровь Печенѣжская льется ручьями, — и болѣзненные вопли ихъ смѣшиваются съ радостными восклицаніями жителей града.

Они, узрѣвъ со стѣны паденіе Буйслава гордаго, исходятъ съ оружіемъ, и поражаютъ непріятеля съ тылу.

Печенѣги, видя такое разстройство рядовъ своихъ, отчаялись получить спасеніе. Едва малая часть отъ нихъ осталась.

Остановились, — возвысили гласы умо-

Digitized by Google

лительные, прося пощады, и вонзили въ червленную землю мечи свои.

Рогдай опустилъ булаву, и отеръ кровь и потъ съ лица своего.

«Довольно!» вѣщалъ онъ: «дерзость наказана, и не восторжествуетъ болѣе. Теките съ полей нашихъ безразсудные, и возвѣстите чадамъ своимъ, чего могутъ ждать непріятели на поляхъ Россіихъ.»

«Витязь непобѣдимый!» воскликнули старѣйшины Печенѣжскіе: «будь столько же великодушенъ, колико неустрашима душа твоя. Возврати намъ бездушные останки нашего повелителя, да воздадимъ ему послѣднюю почесть по обычаю земли нашей. Цѣной злата и сребра искупаемъ ихъ.»

«Никогда,» рекъ Рогдай — «не оцѣню жизни своей для сребра и злата; и послѣднюю каплю ея цѣню дороже богатствъ всего Свѣта. Единственно отечеству посвящена жизнь витязя земли Русскія, — для него только проливается кровь его. Возвращаю вамъ Буйслава, вашего повелителя, — и оставляю себѣ мечъ его и броню желѣзную.»

Digitized by Google

Печенѣги въ знакъ согласія преклонили главы свои. Слотанъ совлекъ съ Буйслава броню его и мечъ великій; вонзилъ ихъ на копье свое, и тако всѣ потекли къ Бѣлграду спасенному.

Жены, дѣти и старцы изшли имъ во срѣтеніе съ веселіемъ; и прелестный сонмъ любимицъ Князя Владиміра, въ одеждахъ брачныхъ, проводили его въ палату пиршества.

Долго послѣ заката солнечнаго длилось оно; веселіе носилось на взорахъ каждаго; каждый воспѣвалъ любезность и прелести дѣвъ Славянскихъ; каждый восхищался, повѣствуя о подвигахъ ратныхъ Росскихъ витязей.

Digitized by Google

ВЕЧЕРЪ IV.

ВЕЛЕСИЛЪ.

Едва Свѣтовидъ явился на долинахъ Полянскихъ во всемъ блескѣ своего величія, Велесилъ, одинъ изъ древнихъ винязей двора Владимірова, другъ его на поляхъ кровавыхъ, и пиршествахъ шумныхъ его собесѣдникъ, Велесилъ, коему изъ всѣхъ храбрыхъ владыки Кіевскаго могли противоборствовать Рогдай и Добрыня, мужи непобѣдимые, — Велесилъ съ Бориполкомъ, своимъ оруженосцемъ, сполъ у подножія холма высокаго, и слезы спрунились по сѣдой брадѣ мужа великаго.

На вершинѣ холма того споялъ кипарисъ возвышенный; на вѣтвіяхъ его висѣли доспѣхи рашные, булава и мечъ великій. Съ другой спраны низменный древесный крестъ, къ дерну склонившійся.

Мрачный винязь длилъ безмолвіе свое.

Digitized by Google

Наконецъ, — онъ поднимаетъ тяжкую десницу свою, опускаетъ ее со стремленіемъ на широкую грудь;— глухой стонъ раздался вокругъ холма; Велеславъ вѣщалъ, указывая перстомъ на крестъ могильный:

«Тамо, Бориполкъ, тамъ подъ полуистлѣвшимъ крестомъ симъ сокрыто все, что было въ мірѣ семъ прекраснѣйшаго и драгоцѣннѣйшаго для моего сердца. И любовь моя, — безмѣрная, безпредѣльная любовь дней пылкой юности, повергла несчастную въ обитель вѣчнаго мрака. — Боже! Обладателю земли! Кто воззоветъ ее отколѣ?»

Умолкъ; — горестная тишина носилась по челу его. Се есть печать тоски неумолимыя.

Бориполкъ воспріялъ рѣчь:

«Десятое лѣто служу я тебѣ, витязь непобѣдимый! Бывалъ съ тобою въ средѣ битвъ кроволитныхъ, и при столахъ Князя Владиміра съ красотами теремовъ его. Вездѣ видѣлъ я горесть и уныніе, царствовавшія во взорахъ твоихъ,—и до сей минуты не познаю жены истинныя. Если

благо твое сокрыто въ нѣдрѣ земли мрачныя, — се предѣлъ, коего преторгнуть не можетъ ниже сила витязей величайшихъ.»

«Не можетъ — ниже власть цѣлыя вселенныя,» возопилъ Велесилъ, — и болѣзненно склонился къ подножію холма на дернѣ зеленомъ.

«Возсядь,» вѣщалъ онъ оруженосцу, «и познай вину вѣчныя тоски моея.»

Бориполкъ послѣдовалъ его велѣнію, и Велесилъ продолжалъ:

«Съ седьмаго-на-десять года жизни моей началъ я слѣдовать Владиміру, юнѣйшему сыну его родителя. Всѣмъ сердцемъ и душею возлюбилъ я моего повелителя, — и поклялся богами всемогущими — до конца жизни моей не покидать его ни въ биваxъ, ни въ веселіяхъ.

«Святослава не стало! Междоусобныя брани возгорѣлись. Ярополкъ — лестію и коварствомъ любимца сразилъ брата своего, Олега, — и Новогородскій владыка, Владиміръ, любитель браней и веселія, возшумѣлъ оружіемъ въ перему красотъ Сѣвера; — онъ подвигся, — Ярополкъ палъ! —

Digitized by Google

взошелъ Владиміръ на тронъ полуночи,— и я при Дворѣ его явился въ числѣ первыхъ его вишязей.

«Недолго длилось общее спокойствіе. Сынъ Святославовъ любилъ подвиги ратные,—Греки нарушили условіе, заключенное съ бранноснымъ его родителемъ,— и мы съ грознымъ ополченіемъ двинулись наказать вѣроломныхъ.

«Подобно тучѣ, носящей въ нѣдрахъ своихъ громы ревущіе,— протекали силы наши чрезъ области Греческія; подобно молніи небесной,—мечъ Владиміровъ поражалъ неустрашимѣйшихъ. Не было препоны нашему шествію.

«На берегу свѣтлаго Иллиса обитали пастыри дружелюбные. Глава ихъ вышелъ къ намъ во срѣтеніе, и предложилъ дары сельскіе.

«Не разоряй жилищъ нашихъ, Князь непобѣдимый!—сказалъ онъ Владиміру, простершись во прахѣ ногъ его.

«Мы не имѣемъ оружія, — не знаемъ битвъ поражающихъ. Если нужно тебѣ успокоеніе, — хижины наши отверзты;

плоды древесные и млеко стадъ нашихъ уполянъ жажду и алчбу твою.»

«Князь склонился на слова старца, и ни одинъ пастырь не пролилъ слезы горестной.

«Но—что значитъ великость смертнаго въ мирѣ семъ! Что значитъ его мужество, его терпѣніе, его умѣренность, всѣ добродѣтели души его!—Не сонъ ли онѣ одинъ призракъ, вскорѣ исчезающій? одно мечтаніе, мгновенно проходящее! одинъ лживый блескъ, который обольщаетъ неопытнаго странника во время ночи? — Владиміръ, великій во брапяхъ, и мужественный въ горестяхъ жизни, — Владиміръ обратилъ страстные взоры свои на Софію, юную дщерь старца гостепріимнаго.

«Прекрасна была она, подобно цвѣту нѣжному, едва возникшему. Плѣнительны были взоры ея, и возвышенная грудь обѣщала адемъ небесный счастливому смертному, который возбудитъ въ ней о себѣ вздохи. Любовь, подобно быстрому стремленію стрѣлы, пущенной рукою витязя спльнаго, любовь пронзила сердце мое. Я

устыдился самъ себя,—но тщетны были мои усилія; и Велеспль, не находившій себѣ равнаго въ предѣлахъ міра, Велеспль готовъ былъ пасть предъ робкою, кроткою дѣвицею, и повергнуть сильное оружіе свое у ногъ ея.

«Владиміръ, — выведя меня изъ селенія на берега рѣки серебристыя, — вѣщалъ дружелюбно:

«Велеспль! знаю крѣпость руки твоей, и твою любовь къ своему другу и повелителю. Ты щитъ мой въ часы битвъ, и лучшій цвѣтъ моего пиршества. Я теку на брань, и побѣжду; — хощу, да по прибытіи моемъ въ Кіевъ, когда сердца народныя упоеваться будутъ радостію,— хощу, да первый, кто поздравитъ меня съ побѣдой, — будетъ прелестная Софія. Исполни просьбу друга и непремѣнную волю повелителя.

«Онъ обратился къ воинству, и потекъ въ дальній путь свой. Я, подъ предлогомъ болѣзни, остался въ хижинѣ моего хозяина, дабы вскорѣ повергнуть его

Digitized by Google

въ гробъ похищеніемъ дщери, единственной отрады скорбной старости его.

«На третій день, съ появленіемъ зари румяныя, — Блистаръ, оруженосецъ мой, осѣдлалъ мнѣ коня ратнаго и препоясалъ мечъ булатный. Я возсѣлъ,—и юная Софія съ отцемъ своимъ возжелала провести меня до береговъ Иллиса, дабы намъ собрать себѣ цвѣтовъ сельныхъ. Несчастная! она не знала, что сіе было собственное мое желаніе. Мы достигли берега.

«Прости, витязь благородный — земли Русскія,—сказала Софія съ кроткою слезой на глазахъ.

«Прости, прелестная!» отвѣчалъ я, и простеръ къ ней руки свои.

«Она подошла. Я склонился, обнялъ ее мощми мышцами, — посадилъ на коня, и мгновенно, съ быстротой вихря устремился вдоль берега. Софія безъ чувствъ пала ко мнѣ въ объятія; — и смертная блѣдность покрыла лаптицы ея.

«Блистаръ долго слышалъ стоны и рыданія несчастнаго старца, отца ея.

«Не буду описывать тебѣ тѣхъ воплей

горестныхъ, которые проспирала Софія къ Небесамъ, умоляя ихъ—лишить ее жизни, или поразить похитителя.

«Многіе соотчичи, — слыша жалобы ея горькія, испытывали исхитить ее изъ рукъ моихъ силою оружія; но — Боже великій! кто въ свѣтѣ могъ произвести сіе? Кто могъ побѣдить Велесила, когда Софія, объявая его рукою, сидѣла у груди его!

«Мы прошли страны Греціи, Сербіи, Молдавіи, и вступили въ предѣлы земли Славенскія.

«Всякое чувство премѣнно въ человѣкѣ:— радость — мыслилъ я — превращается въ равнодушіе; печаль утолится надеждою; все премѣнно, все временно! Я обманулся: — горесть Софіи была неизмѣнна.

«Софія! сказалъ я,—воззри. И въ странѣ нашей блистаетъ солнце красное,— и свѣтитъ мѣсяцъ серебряный, благоухаютъ цвѣты пролестные, и птицы поютъ пѣсни на вѣтвіяхъ зеленыхъ.»

«Куда ты везешь меня, витязь?»— вопросила она.

Digitized by Google

«Въ теремъ Князя Владиміра,» отвѣчалъ я со вздохомъ тяжкимъ. — Сквозь стальный панцырь видно было волненіе груди моей и трепетъ сердца.

«О чемъ вздохнулъ ты, витязь?»

«Софія! — отвѣчалъ я, — и голосъ мой подобенъ былъ реву отчаяннаго. Я схватилъ ее сильными руками, обратилъ къ себѣ, — и пламенный поцѣлуй запечатлѣлся на губахъ Софіи.

«Долго хранили мы молчаніе. Наконецъ она вѣщала мнѣ: — я равнодушна! Владиміръ ли Князь Кіевскій, — или Велесилъ витязь и другъ его; — ни того ни другаго не будетъ любить сердце мое.

«Почему, Софія?

«Поклонники идоловъ безумныхъ презрѣнны въ душѣ моей! Кровожадные убійцы не найдутъ мѣста въ сердцѣ моемъ.

«Таковыя слова ея премѣнили мысли мои. Я забылъ долгъ свой, — свою обязанность; забылъ Владиміра и пріязнь его. Одна мысль — обладать Софіею, — была сильнѣе всякой другой мысли, и я утвердился на ней.

Digitized by Google

«Видишь ли, Борполкъ, два великіе дуба сіи? Тушъ сидѣлъ я единожды, — и подъ пѣнью ихъ ожидалъ, пока раскаленное небо охладится. Софія сидѣла подлѣ меня, въ унынін. Я всталъ, взялъ ее въ свои объятія,—поднесъ къ пещерѣ сей и сказалъ, опуская на землю:

«Ты будешь моя, — Софія!

«Никогда, — отвѣчала она.

«Я послалъ Блистара въ ближайшій городъ привезти мнѣ пужнѣйшихъ украшеній для сей пещеры. Скоро сдѣлалъ ее удобною для жизни, и оставилъ въ ней Софію, — одну съ Блистаромъ и ея безмѣрною горестію.

«Разставаясь съ нею, я сказалъ ей:

«Иду на поля кровавыя, подъ знамена Владиміра. Образъ твой, Софія, будетъ напечатлѣнъ въ душѣ моей. Съ каждымъ появленіемъ весны юныя, — ты будешь видѣть меня у ногъ своихъ. Надѣюсь, время и любовь моя склонятъ тебя къ сообщѣтствованію.

«Никогда! отвѣчала она —

«И я съ ядовитою горестію въ сердцѣ

моемъ, съ растерзанною душею устремился къ своему повелителю. — Онъ принялъ меня съ распростертыми объятіями, — и первое слово его было: утѣшилась ли Софія?

«Она тамъ теперь, — отвѣчалъ я, указывая на небо.

«И слезы сожалѣнія пали наланиту Владиміра.

«Звукъ брани, разнообразіе мѣстъ, нами протекаемыхъ, ослабили въ Владиміръ чувство любви, и онъ скоро успокоился о потерѣ. Но не таково было съ другомъ его Велесломъ. Пламень клубился въ груди моей, и пожиралъ мою внутренность. Образъ слезящей Софіи, — прелестный, обольстительный образъ ея носился безпрерывно предъ моими глазами, и во всякомъ измѣненіи былъ драгоцѣненъ душѣ моей. Съ каждымъ новымъ днемъ я становился спрасшѣе и—злополучнѣе. Часто покушался я оставить войско и Владиміра, — уклониться въ уединеніе, — испросить у христіанскаго отшельника благословенія, и погрузиться въ воду очистительную.

Digitized by Google

«Тогда-то—мечталъ я,—тогда-то буду благополученъ! Одинъ въ своемъ уединеніи, — одинъ съ своею Софіею, найду я блаженство небожителей.

«Но въ то же время грозная мысль измѣнить другу и богамъ отцевъ своихъ — потрясала душу мою, и я оспаривался въ прежнемъ положеніи. Подобно тигру упивался я кровію Грековъ; свирѣпствовалъ,—и былъ часъ-отъ-часу злополучнѣе.

«Битвы кончились. Отягченные добычами и покрытые славою, возвратились мы на родину, — и я устремился къ Софіи. Блѣдно было лице ея, и пасмурны ея взоры.

«Чудовище!» были первыя слова ея.

«Обагренный кровію, облитый слезами, покрытый проклятіемъ моихъ соотичей, — ты дерзаешь предстать глазамъ моимъ!»

«Удостой меня любви своей, Софія, и все измѣнится,» — отвѣчалъ я, простершись предъ нею.

«Никогда!» — сказала она, и отвратила взоры свои.

«Такъ прошли лѣта многія. — Я обра-

Digitized by Google

щался въ битвахъ, и отчаяніе, водившее моею рукою, дѣлало всегда меня побѣдителемъ. Я погружался въ веселіяхъ, — и самый Владиміръ удивлялся неумѣренности моей и благодѣтельнымъ дарамъ небесъ, оградившихъ меня непзмѣнною крѣпостію. Все испыталъ я, дабы погасить пламень, поѣдающій мою внутренность,— и опыты мои были тщетны. Часъ-отъчасу я дѣлался злополучнѣе и недовольнѣе своимъ существованіемъ; всякую весну навѣщалъ я непреклонную Гречанку, и всякой разъ находилъ ее блѣднѣе, мрачнѣе и—непреклоннѣе. Подобно догарающей былинкѣ, едва, едва мерцала жизнь въ полугасшихъ взорахъ ея.

«Часто, сидя въ мрачномъ безмолвіи подлѣ Софіи, — и видя сколь горестна и плачевна жизнь ея, и вмѣстѣ сколь еще горестнѣе, сколь плачевнѣе собственная участь моя, — часто со стремленіемъ извлекалъ я мечъ, дабы вонзить его въ грудь свирѣпыя, и тѣмъ мгновенно окончить ея и свои мученія; но всякой разъ невидимая сила останавливала буйную руку

Digitized by Google

мою, и мечъ опускался, — и я удалялся, проклиная свое пришествіе. Тако, Боримолкъ, такъ прошли многіе годы.

«Сѣдины означили приближеніе времени преклоннаго; морщины открыли мнѣ пробѣжавшія печали мои; но чувство любви оставалось въ прежнемъ кипѣніи. Небесныхъ и преисподнихъ боговъ умолялъ я испребить его, — но мольбы мои оставались тщетными.

«Кому не извѣстно шествіе Владиміра на Грековъ, когда онъ, послѣ многихъ битвъ жестокихъ, далъ имъ миръ, — онъ ихъ принялъ крестъ и Анну, прекрасную сестру Кесарей?

«Съ чувствомъ непзъяснимаго восторга погрузился я въ купѣль священную, и, казалось, грозное бремя, меня тяготившее, пало съ раменъ моихъ.

«Съ быстротой вѣтра устремился я къ Софіи; — не зналъ отдохновенія въ пути моемъ; въ зной полуденнаго солнца и во мракѣ глубокой ночи — летѣлъ я на крылахъ любви, — и въ тридесятый день увидѣлъ падали обиталище Софіи.

*

«Кто изобразитъ чувства души моей? Я оставляю коня, врываюсь въ пещеру, и всѣ громы великаго міродержателя, раздробясь надъ моею главою, не могли бы столько поразить меня.

«На возвышенномъ одрѣ лежала Софія, блѣдная, подобно мѣсяцу въ осень глубокую. Закрыты были уста ея и взоры. Цвѣтный вѣнецъ лежалъ на главѣ страдалицы, и малый крестъ въ рукахъ ея. Вокругъ одра стояли возженные свѣтильники. Сѣдый Епистаръ сидѣлъ у ногъ ея, и горькія слезы старца лились по щекамъ его.»

«Ея нѣтъ уже! витязь,» — сказалъ онъ, обратясь ко мнѣ,—и я палъ, подобно дубу высокому, громомъ пораженному.

«Съ появленіемъ третьяго дня, открылъ я впервые взоры свои. Мертвая тишина господствовала въ душѣ моей. Я не могъ произнесть ни одного вздоха, ни одного слова. Все,—всякое чувство во мнѣ было скована цѣпями неразрывными. Одно слабое движеніе показывало, что я еще не прахъ бездушный.

Digitized by Google

«Исполняя послѣднюю волю несчастныя, зарылъ Блистаръ могилу подлѣ сихъ дубовъ вѣковыхъ. Тутъ предали мы землѣ прекраснѣйшее созданіе природы. Мы насыпали холмъ возвышенный, и я водрузилъ крестъ древесный.

«Оставя Блистара хранить священное мѣсто сіе, обратился я ко Двору Владиміра, дабы по крайней мѣрѣ сохранить мою клятву, ему данную, клятву—не оставлять друга до гроба.

«Подобно скитающейся тѣни отверженнаго Небомъ грѣшника, блуждалъ я по граду Кіеву. Видѣлъ богатство и великолѣпіе, видѣлъ пиршества и веселіе, — но ничто уже въ мірѣ не могло занять пустоты души моей. Такъ правосудіе горней власти грозно отмщаетъ старцу за преступленіе юноши.

«Протекли десять плачевныхъ годовъ, — и Владиміра—друга моего не стало! — Я отдалъ послѣдній долгъ мужу великому, и обратился къ моей пещерѣ, моему святилищу. Одинъ ты Борислокъ восхотѣлъ слѣдовать витязю въ его уединеніе.

Digitized by Google

«Тупъ, на дубахъ спхъ, повѣсилъ я мечъ мой и копье великое; щитъ и колчанъ со стрѣлами быстрыми.

«По кончинѣ Блистара, — ты одинъ остался мнѣ отъ всего міра пространнаго.

«Тупъ — съ вершины холма сего, — у ногъ моей Софіи, смотрю я иногда, какъ солнце выходитъ изъ за-лѣсовъ дремучихъ во всемъ блескѣ красоты своей.

«Таково было появленіе мое въ мірѣ семъ, думалъ я, — и священное безмолвіе природы усугубляло восторгъ мой.

«Иногда вижу я, какъ грозныя тучи, собравшись вмѣстѣ, закрываютъ солнце отъ взоровъ міра, и покрываютъ природу гороспинымъ мракомъ. Вижу, какъ молніи, раздирая нѣдра небесныя, вьются по тверди подобно змѣямъ зіяющимъ: — онѣ летятъ, обрушиваются на кедры великіе,—раздается ревъ и трескъ, и растерзанное древо падаетъ въ корнѣ своемъ. Тогда съ стѣсненнымъ сердцемъ падаю я на могилу Софіи, обнимаю землю хладную и восклицаю къ бунтующей природѣ: не се

Digitized by Google

ли образъ дней моихъ — во время старости?»

Умолкъ Велеславъ, и съ болѣзненнымъ стенаніемъ палъ у холма. Борислокъ преклонилъ колѣна, — поднялъ сѣдую голову вышняя, и сказалъ, указывая на полуденное солнце:

«Видишь ли, Велеславъ, сколь блистательно теперь шествіе свѣтила великаго? Еще не много часовъ, и — оно закатится; природа во мракъ облачится, и нощныя привидѣнія разсыплются на верхахъ горъ и деревъ высокихъ.»

Digitized by Google

ВЕЧЕРЪ V.

ГРОМОБОЙ.

—

Владиміръ, — сынъ Святославовъ, возсѣлъ на престолѣ единоначалія. Мятежи прекратились, спокойствіе разлилось по челу Россіи отъ предѣловъ Сѣвера къ Югу и Западу. Упомленные мечи въ ножнахъ покоились, вопли и стоны прекратились,— вездѣ тишина благословенная.

Въ сіе время мира всеобщаго, Добрыня, витязь, другъ и дядя Владиміра, господствовалъ въ великомъ Новѣградѣ. Душа его не привыкла къ покою, — и сердце трепетало радостно при звукахъ ратныхъ. «Громобой!» вѣщалъ онъ своему оруженосцу: «сѣдлай моего коня браннаго, готовь мечъ крѣпкій и копье булатное; мы идемъ странствовать. Спокойствіе въ Россіи воцарилось. Тишина господствуетъ въ палатахъ вишлей и хижинахъ хлѣбо-

Digitized by Google

пашцевъ. Но есть страны иныя, есть люди не Русскіе, есть области цѣлыя, гдѣ невинность угнетается, гдѣ доблесть не получаетъ награды должныя, гдѣ великіе—исполнены лжи и жестокости, и Князья—на тронахъ бездѣйствуютъ; гдѣ льются слезы кровавыя, и болѣзненные стоны къ Небу возлетаютъ! Сѣдлай коня моего браннаго, и готовь оружіе крѣпкое. Идемъ наказать власть жестокосердую, и защитить невинность угнетенную!»

На утріе другаго дня,—съ появленіемъ Зимцерлы румяныя на свѣтломъ небѣ,—потекъ Добрыня путемъ своимъ. За нимъ слѣдовалъ въ мрачномъ молчаніи юный оруженосецъ его, Громобой, коему едва исполнилось придесятое лѣто.* Волнистый туманъ плавалъ на травѣ злачной, и громкое пѣніе птицъ, вьющихся въ пространномъ небѣ, казалось, привѣтствовало витязя въ благонамѣренномъ пути его. Много дней длилось ихъ шествіе; а доко-

* Въ то время мужчина въ 30 лѣтъ почитался еще юношею.

лѣ протекали они предѣлы земли Русскія, мечи и копья ихъ были въ покоѣ. Вездѣ радость встрѣчала ихъ, вездѣ провождали ихъ рукоплесканія. Наконецъ, къ исходу двадесятаго дня,—при закатѣ солнечномъ, приблизились они къ рубежамъ Россіи. Тутъ остановился витязь со своимъ оруженосцемъ, дабы дать отдыхъ конямъ своимъ, и рѣшиться, въ которую страну первѣе вступятъ они, — въ Косожскую, или Печенѣжскую. Имъ предлежали границы обоихъ княжествъ.

При входѣ въ лѣсъ дремучій, на долинѣ, усыпанной цвѣтами благоухающими, при пѣнящемся источникѣ, возсѣли витязь и спутникъ его. Закатывающееся солнце златило края неба и доспѣхи странниковъ. Веселіемъ сіяло лице Добрыни; — онъ снялъ тяжелый шлемъ свой и повѣсилъ на дубѣ.

«Громобой!» — вѣщалъ онъ — «какъ прекрасно солнце при безмятежномъ склоненіи своемъ въ волны морскія! Таково уклоненіе въ могилу витязя великаго, когда жизнь его была подобна соли-

Digitized by Google

цу въ возвышенномъ его шествіи; когда любилъ онъ добродѣтель, и жертвовалъ ей жизнію; когда награждалъ онъ доблесть, будучи чуждъ самолюбія.»

Спокойствіе разлилось на лицѣ его, — и сладкая задумчивость поселась въ его взорахъ, подобно прибрежному цвѣтку, коего образъ представляютъ въ себѣ кроткія волны.

«Куда направишь отсель шествіе твое, витязь?» — вопросилъ Громобой.

«Въ землю Косожскую» — Добрыня отвѣтствовалъ.

Взоръ юноши покрылся мракомъ, — и быстрое трепетаніе груди его возвѣщало бурю душевную.

«Оставимъ страну сію» — сказалъ онъ въ смятеніи, и видъ его былъ робокъ и преклоненъ.

«Что значитъ сіе волненіе души твоей, юноша? вѣщалъ Добрыня, —

«Что значитъ брань, кипящая въ крови твоей?—ибо я примѣчаю ее, и хочу знать вину истинную.»

Digitized by Google

«Воля вишяя для меня священна,» — отвѣчалъ оруженосецъ, —

«И сколь ни жестоко уязвлю я сердце мое воспоминаніемъ прошедшихъ горестей, — но ты познаешь вину тоски моея; и если когда либо былъ ты неравнодушенъ къ силѣ прелестнѣйшаго въ мірѣ семъ,—то ты простишь унынію, царствующему въ душѣ моей!»

Кроткое осклабленіе разлилось по лицу вишяя. Дружелюбно простеръ онъ руку къ оруженосцу, и вѣщалъ:

«Юноша! Я познаю болѣзнь твою: — не любовь ли называется она? Но не тревожься. Это есть язва, общая всѣмъ, живущимъ подъ солнцемъ; но она — благодареніе богамъ небеснымъ — она несмертельна. Громы оружія заглушаютъ вздохи, — и блескъ мечей затмѣваетъ ядовитый взоръ предмета любимаго. Успокойся, Громобой. Болѣзнь твоя пройдетъ, — какъ проходитъ всякое мечтаніе, горестное ли оно, или пріятное. Се воля боговъ! Было время, — не стыдясь возвѣщу тебѣ,—было время, когда и Добрыня, по-

Digitized by Google

добно рабу, ничтожному сыну Греціи, носилъ оковы сей лютой страсти.

«Вмѣсто того, чтобы согласно великому назначенію витязя, и сродника княжаго, быть мнѣ безпрерывно въ битвахъ и трудахъ достойныхъ моего имени, — я праздно покоился въ объятіяхъ красотъ Сѣвера, и забывалъ все, даже стремленіе прославить имя свое. Ничтожность одна была въ умѣ моемъ и сердцѣ. Въ одинъ разъ,— нашедъ красоту суровую, скитался я въ отчаяніи по полямъ и дебрямъ, съ подобными мнѣ безумцами. Вѣтръ разносилъ вздохи мои, и одинъ мѣсяцъ былъ свидѣтелемъ моего неистовства. И спѣ того-то, друзья мои и товарищи, болѣзнуя о несчастномъ, составили завистельную пѣснь, будто Добрыня, — чародѣйственно своей обладательницею, прелестною Гречанкою, немилосердо превращенъ будучи въ тура рогатаго, скитается по полямъ и вертепамъ. Вскорѣ всѣ Кіевляне воспѣли пѣснь сію, и я въ моей пустынѣ услышалъ ее, устыдился своего безумія, возвратился къ

должности, — и съ тѣхъ поръ дозволяю себѣ наслаждаться веселіемъ, доколѣ оно не опасно для свободы духа моего.»

«Не могу тебѣ совѣтовать идти вѣрно по слѣдамъ моимъ, ибо ты юнъ еще и неопытенъ; — но повѣрь Добрыня, все пройдетъ, и воспоминаніе о страсти сей — въ лѣта мужества покроетъ румянцемъ стыда лавины твои. То, что дано намъ для увеселенія, не должно быть страстію; иначе мы противимся назначенію боговъ, и достойно наказуемся.»

«Разумны слова твои, витязь; но ты иначе судишь будешь, когда познаешь всю сокровенность души моей» — сказалъ Громобой.

«Хочу знать ее,» — рекъ Добрыня, и Громобой началъ:

«Я сынъ Любомира, вельможи двора Слопанова, Князя Древлянскаго. Младенецъ былъ я, когда свирѣпые Печенѣги обложили престольный градъ съ великою силою рашною. Князь Слопанъ, и съ нимъ родитель мой съ избраннѣйшими изъ воиновъ, пали на полѣ брани, защищая стѣ-

Digitized by Google

ны отечественнаго града, который вскорѣ наполнился пламенемъ и врагами кровожадными. Устрашенные обитатели съ воплемъ устремились въ бѣгство, — и съ ними вмѣстѣ увлеченъ былъ я въ лѣса, Искоростъ * окружающіе.

«Тамъ, среди пастырей протекла первая юность моя. Наступило двадесятое лѣто жизни моей, — и неизвѣстная тоска, стѣснивъ грудь мою, давила сердце. Ясно чувствовалъ я, что не къ мирной жизни пастырей судьбы боговъ меня назначили. Дабы сколько нибудь дать отраду мятущемуся духу моему, — я, вооружась булавою, уходилъ въ непроницаемыя мѣста лѣсныя, сражался съ волками и медвѣдями, — и утѣшался оставаясь побѣдителемъ; и тако проведя пять лѣтъ, оставилъ я жилища пастырей, и покровенный кожею звѣря, мною сраженнаго, вооруженный одною булавой, устремился я въ путь—совершать судьбу свою.

«Ея велѣніемъ, — блуждая чрезъ страны

* Столица Древлянъ.

Digitized by Google

и области, я нашелъ себя въ предѣлахъ Князя Косожскаго. Я устремился къ двору его, отличилъ себя на единоборствіяхъ,—и назначенъ Княземъ въ его оруженосцы, доколѣ подвиги мои дадутъ мнѣ право искать достоинства богатырскаго.

«Дворъ наполненъ былъ славными витязями и Князьями странъ отдаленнѣйшихъ. Они спеклись ратовать за Княжну Миловзору, единородную дщерь обладателя. Долго искали они руки ея и сердца, но видя непреклонность и равнодушіе Княжны прекрасныя, начали искать одной руки ея. Князь предоставилъ выборъ изволенію своей дщери; и Князья и витязи,— одни удалялись въ отчаяніи, другіе являлись съ надеждой; — но одинакая участь ожидала ихъ; и дворъ Княжескій бывалъ или торжищемъ многолюднымъ, или пустынею дремучею.

«Наконецъ, въ великое празднество Лады, богини любви и веселія, — я впервые узрѣлъ ее.

«О витязь! И каменная грудь размягчи-

Digitized by Google

лась бы, и стальное сердце забилось бы новою жизнію отъ взора ея!

«Седьмая-на-десять весна жизни ея наступила. Подобно звѣздѣ утренней, взоръ ея былъ быстръ и блистателенъ; подобно полной розѣ, цвѣли ея ланиты; и каждое ея движеніе, каждое колебаніе груди прелестной — упоевало меня отравою. — Я вышелъ изъ храма отчаяннымъ, и впервые возроптал на боговъ, почто не витязь я, почто не сынъ обладателя великаго.

«Уклоняясь подъ тѣнь вязовъ и тополовъ, устремлялъ я жадные взоры мои къ дѣвическому терему Миловзоры. Подобно истукану безчувственному, провождалъ я дни отъ явленія зари небесныя до глубокой ночи; и такъ протекла весна на долинахъ Косожскихъ.

«Настали дни знойные, пылающее небо изливало утомленіе на всю природу; — но грудь моя дышала огнями жесточайшими, и примѣтно изсушала корни жизни моей. Много разъ видалъ я Княжну пре-

Digitized by Google

лестную, и каждый разъ становилась жизнь моя мучительнѣе.

«Въ одинъ день,—о! когда забудетъ его душа моя? — въ одинъ день, когда я въ безмолвіи лежалъ на берегу источника, и помышлялъ о будущей судьбѣ моей, — рѣшительность наполнила меня крѣпостію.

«Доколѣ, вскричалъ я, буду томиться въ бездѣйствіи? и для того ли оставилъ я мирную жизнь пастырей, дабы здѣсь погрязнуть въ уничиженіи и пещаяться въ убивающей меня праздности?—Я долженъ прежде совершить подвиги великіе, долженъ прославить имя свое въ битвахъ, и тогда—помышлять о радостяхъ міра сего!—

«Возстаю, и зрю предъ собою престарѣлаго Битобара, чашника Княжескаго.»

«Куда устремился, Громобой?» сказалъ онъ мнѣ съ привѣтливостью.

«Искать подвиговъ, достойныхъ мужа! отвѣчалъ я. Бездѣйствіе погубитъ меня.

«Мнѣ нужно съ тобой бесѣдовать, вѣщалъ онъ; — и сея ночи, когда звѣзда ве-

Digitized by Google

черпля взойдешъ надъ сими тополами, — я надѣюсь здѣсь найти тебя. Съ начала утра ты можешь располагать собою.

«Я исполню твое желаніе, сказалъ я, — и онъ удалился; но смутное предчувствіе воспламеняло кровь мою. Я ждалъ его съ трепетомъ.

«Возсіяла звѣзда на небѣ лазуревомъ; природа въ сладкой дремотѣ покоилась; не колебались листья на древахъ зеленыхъ; и фіялка, кроткая красота ночи, поднявъ прекрасные листки свои, разливала благоуханіе. Одна душа моя подобилась небу, раздираемому вѣтрами во время бури; мысли мои колебались подобно волнамъ моря Варяжскаго, когда буйные чада грознаго Похвиста * свирѣпствуютъ на челѣ его.

«И се — престарѣлый Вишбаръ явился, и съ нимъ —

«Совокупный блескъ тысячи солнцевъ не поразитъ шакъ слѣпорожденнаго, коему благія небеса мгновенно откроютъ взоры, —

* Богъ вѣтровъ, у древнихъ Славенъ.

Digitized by Google

«И купно съ нимъ — Миловзора!»

«Грозобой, — сказала она, и простерла ко мнѣ руку свою!»

«Толико кротокъ, толико животворящъ былъ гласъ Перуна, бога державнаго, по коему первобытная нестройность стихій пришла въ порядокъ. Таково было движеніе десницы его, — и погруженныя на дно бездны свѣтила дня и ночи возникли и засіяли на тверди небесной.

«Что повелишь прекрасная Княжна Косожская? отвѣтствовалъ я съ трепетомъ.

«Чувствуешь ли величіе въ духѣ твоемъ, и крѣпость въ мышцахъ твоихъ?

«Вели, — и я устремлюсь пропляву цѣлыхъ полчищъ!»

«Сочувствіе, вѣщала она, сей даръ, вліянный небомъ нашему полу, далъ познать мнѣ вину плоски твоей. Ободрись! Завтра искатели руки моея будутъ утверждать право свое силою оружія. Соединись съ ними. Витбаръ вручитъ тебѣ доспѣхи богатырскіе. Облекись въ нихъ, и опустя наличникъ шлема твоего, сразись съ ненавистными иска-

телями. Если боги даруютъ тебѣ побѣду, тогда предстань моему родителю. Твоя храбрость и мольбы мои убѣдятъ его.

«Она удалилась. Витбаръ повѣдалъ мнѣ, какъ Свѣтодаръ, Князь Косожскій, склонясь на мольбы своея дщери, объявилъ, что одна храбрость и побѣда надъ прочими, даруютъ Милозору ея искателю.

«Я вооружился, и возлегши у дуба великаго, ожидалъ восхода солнечнаго за три выстрѣла изъ лука отъ стѣнъ города.

«Воспелъ Свѣтовидъ на небо голубое, и обрадованная природа воспѣла благодарныя пѣсни своему воскресителю. Я преклонилъ колѣна и сотворилъ молитву.

«Неизвѣстная мнѣ дотолѣ бодрость и надежда разлились въ груди моей. Я сѣлъ на коня рапнаго, взялъ копье тяжелое, мечъ булатный, булаву крѣпкую, — и медленнымъ ходомъ обратился къ городу.

«Вскорѣ звукъ трубы бранныя раздался въ пространствахъ воздушныхъ, — и я быстрѣе стрѣлы устремился.

Digitized by Google

«Уже влюбленные Князья и витязи собрались на площадь пространную. Уже готовы были они мешать жребій, — но узрѣвъ меня, остановились. Взорами вопрошали они другъ друга: кто сей витязь незнаемый?»

«Кто ты, витязь? обратился ко мнѣ Бурнвой, Князь Печенѣговъ.

«Соперникъ пивой въ любви — и оружій! отвѣчалъ я.

«Вскорѣ явился Князь Косожскій, — и съ нимъ Миловзора.

«Судьбы управили жребіемъ, и я первый сталъ на мѣстѣ битвы кровавой, и поднялъ копіе свое.

«Подобно вѣтру быстрому устремился ко мнѣ повелитель Мерянъ и Бѣлаозера;— я пустилъ копье, раздался звукъ раздробленной брони его; — восколебался онъ, палъ, — подобно юному кедру, въ корнѣ сраженному, и смертныя пѣни окружили его.

«Участь сію испытали Князья Полоцкій и Чехскій, и многіе изъ витязей странъ отдаленнѣйшихъ.

Digitized by Google

«Подобно тучѣ, готовой родить громы и молніи, — мраченъ, какъ глубокая ночь осенняя, — тихими шагами потекъ ко мнѣ Буривой, владыка свирѣпыхъ Печенѣговъ.

«Какъ два вихря противные, текущіе сразить одинъ другаго, — роютъ землю и исторгаютъ древа великія на пути своемъ, наконецъ встрѣтясь, борются, и уничтожа другъ друга равною силою, исчезаютъ; пыль подъемлется къ облакамъ и тишина наступаетъ: такъ сразились мы съ Буривоемъ. Съ первыхъ ударовъ, копья наши сокрушились, и кони пали на землю. Я схватилъ мечъ тяжелый, и поразилъ въ грудь врага жестокаго; полилася черная кровь его по брони; но межь тѣмъ, подобно удару грома, булава его обрушилась надъ главой моей, расторглись ремни крѣпкіе, разсыпалась сталь блестящая, и шлемъ мой, сокрушенный на части, палъ на землю.

«Съ яростнымъ ревомъ поднялъ я булаву свою, — но Буривой уклонился.

«Остановись!» вскричалъ онъ, опустя

Digitized by Google

на землю булаву свою: — оружіе Князя Печенѣжскаго не будетъ поражать оруженосца на единоборствіи.

«Дерзновенный! вѣщалъ ко мнѣ Князь Косожскій: толико ль твое просвѣщенное ослѣпленіе! Ты не усомнился сразиться съ Князьями и витязями; ты — оруженосецъ — за Княжну Косожскую, дщерь мою единственную! Прощаю безразсудной юности твоей. Спѣши оставить страны наши, и воспрети себѣ когда-либо касаться моихъ предѣловъ.

«Онъ удалился. — Всѣ уклонились во дворъ его.

«Долго стоялъ я въ безчувствіи. Казалось, земля подо мною разверзлась; я устремился погрязнуть въ бездну, — но небо было ясно, безоблачно; земля цвѣла въ травѣ злачной, цвѣтами испещренной.

«Косными шагами уклонился я изъ града, въ коемъ царствовали свирѣпость и жестокосердіе. Подобно скитающемуся привидѣнію, блуждалъ я по степямъ и дебрямъ; день и ночь слились для меня воедино; я проходилъ горы кремнистыя,

Digitized by Google

долины песчаныя; переплывалъ рѣки быстрыя,—и душа моя не чувствовала бытія своего.

«Такъ провелъ я осень мрачную и зиму жестокую, пока не настигъ тебя, витязь, какъ сражаясь съ лютымъ исполиномъ лишился ты своего оруженосца. Ты принялъ меня съ кротостью,— я — никогда тебя не оставлю!»

Умолкъ Громобой. Долго Добрыня хранилъ безмолвіе. Дума тяжелая носилась по челу его. Наконецъ, обратясь къ нему съ кроткою улыбкою, вѣщалъ:

«Боги наказали тебя за твое невѣріе. Ты ли, бывъ при мнѣ столько времени, не позналъ меня:—не позналъ, что первое движеніе моего сердца, есть — наградить доблесть истинную, и первое движеніе руки—наказать гордость неразумную. Давно бы прошло твое уныніе, когда бы имѣлъ довѣренность къ твоему витязю. Я протекалъ грады и веси, страны и области, ища невинныхъ страждущихъ; — ты былъ при мнѣ — и молчалъ. Можетъ быть, ты лишалъ меня лучшаго утѣше-

Digitized by Google

нія въ жизни, лишая случая сколько времени исполнить должность мою. Устремимся ко двору великодушнѣйшаго моего Князя Владиміра. Онъ обратишь на тебя взоры свои, — и клянусь моимъ именемъ, ты первый будешь, кого онъ при появленіи нашемъ ополчитъ мечемъ вящая, и возложитъ на грудь гривну Княжескую!»

ВЕЧЕРЪ VI.

Между тѣмъ, какъ Добрыня и другъ его Громобой шли путемъ своимъ въ престольный градъ Владиміровъ, — Буривой, Князь грозныхъ Печенѣговъ, и Бориполкъ, повелитель Кривичей, блуждали окрестъ терема прелестной Княжны Косожскія, и

Digitized by Google

черная горесть пѣснила буйныя сердца ихъ, и мысли ихъ были пасмурны подобно облакамъ, носившимся въ ночь ту по небу Косожскому.

«Долго ли,»—возопилъ Бурнвой, и взоры его подобно молніи засверкали во мракѣ ночи, — «долго ли мы, Князья и вишязи, будемъ блуждать въ странѣ чуждой, не имѣть мира въ душахъ нашихъ, и въ сердцахъ покоя.?»

«Мы содѣлались стыдомъ своихъ народовъ,» отвѣтствовалъ Борнполкъ.

«И будто бы наказанные великимъ Чернобогомъ *, лишеніемъ разсудка, — спремимся за привидѣніемъ, всегда отъ насъ уклоняющимся; —

«Пятое лѣто плѣнъ мы въ бездѣйствіи; —

«Ни одинъ подвигъ не ознаменовалъ нашего существованія!

«Забудемъ же безразсуднаго Свѣтодара, Князя земли сея.

* Богъ, мстителя порочныхъ, у древнихъ Славянъ.

Digitized by Google

«Забудемъ свирѣпую Княжну, и презрѣнную любовь ея; —

«И вкупѣ, союзными силами ратными возгремимъ оружіемъ, —

«Низвергнемъ престарѣлаго повелителя, и непреклонная дочь его да будетъ наградою —

«Кому судьба боговъ безсмертныхъ вручитъ ее по жребію!»

Тупъ Князья, въ знакъ согласія ихъ намѣреній, въ безмолвіи подали другъ другу руки, и удалились въ шатры свои.— Возникающее солнце утреннее озарило ихъ въ пути отдаленномъ. Подобно вихрямъ на степяхъ, прибрежныхъ морю Хвалынскому *, крутились они во спирали свои, дабы собравъ рать сильную, исполнить уговоръ свой.

Свѣтодаръ возвѣстилъ Миловзорѣ о ихъ отшествіи, и съ давняго времени прелестная впервые улыбнулась.

Прошло лѣто знойное и осень суровая. Засвистали вѣтры лютые, — и снѣга покрыли землю Косожскую.

* Древнее имя Каспійскаго моря.

Digitized by Google

Печально лицо земли во время зимы свирѣпыя. Окованная природа — въ каждомъ дыханіи вѣтра — сѣтуетъ о своемъ обнаженіи. Мрачныя облака, отягченныя снѣгами и бурями, каждое мгновеніе грозятъ ниспасть на лоно земли, и погребсти все земнородное. Тщетно солнце стремится распоргнуть воздушную рапь эту; оно уступаетъ, и опъ спыда покрываетсл мракомъ. Но—среди сихъ непогодъ и ужасовъ, — кто покоенъ въ духѣ и миренъ самъ съ собою, у того радость проявляется во взорахъ, и улыбка цвѣтетъ на устахъ невинныхъ. Таково было съ прелестною Княжною Косожскою.

Въ сообществѣ подругъ дѣвства своего сидѣла она въ безмолвномъ терему своемъ, и родитель часто присутствовалъ при невинныхъ ихъ забавахъ. Тогда Миловзора, — при радостномъ звукѣ цѣвницъ и бубновъ, подобно легкокрылому Погодѣ *, носилась плавно по помосту терема, и каждымъ движеніемъ, каждымъ взоромъ уве-

* Зефиръ Славенскій.

Digitized by Google

кала за собою всѣхъ взоры и движенія. Или — возвысивъ свѣтлый, звонкій гласъ свой, воспѣвала она прелести весны благословенныя, когда она маніемъ очей своихъ сгоняетъ съ раменъ земли льдистыя оковы, и повелѣнъ цвѣтамъ возникнуть, древамъ опушиться въ одежду зеленую, и птицамъ воздушнымъ воспѣть торжествено ея пришествія.

Тогда мнилось всѣмъ, что они внемлютъ сладкому пѣнію пѣвцовъ небесныхъ, и на грудахъ снѣга видятъ алую розу и бѣлоснѣжную лилію.

Такъ прошла зима на земляхъ Косожскихъ, и прелестный цвѣтень * возвратился. Благоуханіе разлилось въ долинахъ; поверхъ горъ повѣяли вѣтры кроткіе.

Среди таковыхъ невинныхъ увеселеній двора Косожскаго, въ одинъ день, когда Святовидъ совершилъ половинное шествіе свое, узрѣли изъ черноговъ Княжескихъ пыль высокую съ двухъ сторонъ столицы. Вскорѣ засверкали вдали копья булатныя,

* Такъ назывался Апрѣль мѣсяцъ.

Digitized by Google

а стальные шлемы разливали огненное сіяніе. Два сильныя воинства представились, и вскорѣ бѣлые шатры воздвиглись на холмахъ въ виду обитателей.

Шумъ и смятенный гулъ раздался по двору Княжескому, — и вскорѣ по всѣмъ спогнамъ града великаго.

«Что значитъ пришествіе рати иноплеменныя?»

Восклицали граждане, и безпокойство непогодъ военныхъ раскинуло мрачныя крила свои поверхъ черногов Княжескихъ и хижинъ земледѣльцевъ, поверхъ селенія многолюднаго и храмовъ боговъ отечественныхъ.

Престарѣлый Свѣтодаръ призываетъ къ себѣ Витбара, и вѣщаетъ ему:

«Иди въ станъ пришельцевъ иноплеменныхъ, — и знамя мира да возвѣститъ въ тебѣ вѣстника дружелюбія. Чего хотятъ отъ меня вожди съ ихъ воинствомъ?»

Витбаръ пошелъ, и въ срединѣ стана совокупныхъ силъ вражескихъ, подъ шат-

Digitized by Google

ромъ златотканнымъ, — позналъ Буривоя съ Бориполкомъ.

«Чего ищете вы въ странѣ нашей съ силою ратною? вопросилъ онъ: —

«Чертоги Свѣтодара всегда были для васъ отверзты; столы его отягчались яствами избранными и питьемъ сладкимъ, при вашемъ присутствіи. Чего же ищете вы съ воинствами,—и что возвѣщу о прибытіи вашемъ повелителю?»

«Иди, Випбаръ! — рекъ Буривой, — возвѣсти престарѣлому Свѣтодару, что гордость его неугодна намъ болѣе, и непреклонность дщери его противна велѣніямъ небесъ, и будетъ наказана. Возвѣсти ему, что миръ и война въ десницахъ нашихъ. Если спокойствіе дома и народа любезно сердцу Князеву, — единое средство осталось продлить его, и средство сіе есть: — «да изыдетъ онъ въ станъ нашъ съ дружиною малолюдной, лишивъ себя всякаго оружія; да наведетъ съ собою горделивую дщерь свою, Княжну Миловзору. Я и Бориполкъ кинемъ жребій, и тогда счастливый обладатель

ея обниметъ въ Свѣтодарѣ родителя высокаго,—несчастный соперникъ въ молчаніи отыдетъ во страны свои.

«Се воля наша непремѣнная!

«Иначе — мечъ и огнь, гибель и опустошеніе вторгнутся въ стѣны града вашего, — и всеобщее разрушеніе накажетъ и повелителя высокомѣрнаго и народъ, ему повиновавшійся!»

Въ горестномъ безмолвіи прибылъ Витбаръ въ чертоги Князевы, — и робкими устами повѣдалъ изволеніе пришельцевъ ратныхъ.

Яростью возпылали взоры Свѣтодара,— и уста его покрылись блѣдностью гнѣва и негодованія.

«Ослабѣла сила въ мышцахъ моихъ,» — рекъ онъ съ грозою сильною,—

«Но духъ мой цвѣтетъ еще пламенемъ юности. Любовь народа и милость боговъ защитятъ права невиннаго. Не допущу врага похитить силою то, что могу только дарить другу любезному. Война кровавая, брань и пораженіе!»

Ко[illegible] — и ночь цѣлая прошли въ

Digitized by Google

приготовленіяхъ къ битвѣ. Вездѣ слышны были звуки мечей и щитовъ тяжелыхъ, звонъ стрѣлъ смертоносныхъ, и вопль народа раздраженнаго.

Свѣтодаръ поднялъ знамя брани, и юноши и мужи окружили его. Старцы взошли на стѣны; всѣ ожидали появленія дня, дабы ознаменовать его сѣчею кровавою.

Миловзора, съ блестящею слезой на глазахъ, съ стѣсненнымъ сердцемъ — сидѣла въ безмолвномъ терему своемъ, и тяжкіе вздохи ея возносились къ богамъ, да пошлютъ побѣду ея родителю.

Уже Зимцерла раскинула багряный шатеръ свой по небу голубому. Уже видны стали златоблестящіе власы великаго Свѣтовида. Туманъ поднялся въ долинахъ, и, носясь въ пространствахъ воздуха, образовалъ мужей великихъ и сильныхъ, творящихъ брань совокупную.

Свѣтодаръ двинулся съ воинствомъ.

Когда двѣ тучи громоносныя идутъ одна другой въ срѣтеніе, сходятся, — разливается пламен[illegible] небес-

Digitized by Google

ныхъ, и трескъ раздается въ горахъ и вертепахъ, дубы и кедры въ корняхъ сокрушаются, и отторженныя скалы гранитныя рушатся въ пѣнящіяся волны Днѣпра свирѣпаго: — тако сошлись два воинства.

Раздался громъ и трескъ; разсыпались искры отъ булатныхъ мечей и стальныхъ шлемовъ,—кровь багряная пролилась по песку желтому.

Издали слышны были вои звѣрей пустынныхъ и крики врановъ плотоядныхъ, собравшихся терзать остатки мужей падшихъ.

Долго творилась сѣча свирѣпая, и побѣда была сомнительна. Но наконецъ — вѣчный промыслъ боговъ небожителей! — наконецъ Буривой, подобно тигру, жителю степей Африканскихъ, собравъ дружину крѣпкую, ринулся въ средину воинства противнаго. Что могло противиться шумному движенію меча его? Онъ идетъ — и грады пораженныхъ знаменуютъ сіе шествіе. Вскорѣ настигаетъ онъ Свѣтодара, и исторгаетъ мечъ и зна-

Digitized by Google

мя изъ рукъ его, — и опидаешъ дружинѣ своей влечь плѣннаго въ шатеръ свой.

Узрѣло воинство плѣнъ своего повелителя, и блѣдность покрыла лапиты неустрашимыхъ; мечи и копья опустились, и робкіе предались бѣгству. Народъ, стоявшій на стѣнахъ града, узрѣлъ сіе, и вопль его возвѣстилъ погибель неизбѣжную. Они отверзли врата побѣдителю, и старѣйшины преклонили колѣна предъ Буривоемъ и Бориполкомъ, прося пощады.

«Щажу, — вѣщалъ надменный побѣдитель, — щажу кровь вашу, женъ и дѣтей вашихъ. Не крови жаждалъ я и не корыстей Косожскихъ; — хотѣлъ наказать Князя безразсуднаго и Княжну высокомѣрную. Изведите ее изъ терема дѣвическаго въ Княжескій станъ мой. Тамъ ждемъ ее, пока жребій расположитъ ею.»

Рекъ, и удалился. Тишина воцарилась, и робкіе граждане, трепеща возобновленія битвъ гибельныхъ, идутъ во множествѣ въ теремъ стѣнящей Миловзоры. Не взирая на ея стоны и вопли, не взирая на ея мольбы и колѣнопреклоненія,

Digitized by Google

малодушные облекаютъ ее въ одежды брачныя, — и ведутъ въ жертву звѣрямъ свирѣпымъ.

При узрѣніи приближенія ея къ шатрамъ воинскимъ, Буривой съ Борислокомъ осклабили суровыя уста свои. Воинство произнесло радостный вопль. Одинъ злополучный ея родитель, обремененный цѣпями плѣна, стоялъ прикованный къ дубу высокому.

Миловзора съ горькимъ стенаніемъ пала у ногъ старца злополучнаго.

«Княжна Косожская! вѣщалъ Буривой: право войны отдаетъ тебя въ руки наши; право жребія доставитъ тебя единому изъ насъ; — онъ будетъ твоимъ повелителемъ, и разрѣшитъ оковы твоего родителя.»

Онъ вѣщалъ, и великій первосвященникъ началъ приготовлять жребіи, моля боговъ показать преступника, который дерзнетъ нарушить права, ими даруемыя. — Но мгновенно —

При самомъ станѣ узрѣли двухъ витязей, подъѣзжающихъ съ двумя оруженос-

Digitized by Google

цами. Злато и сребро, украшавшее ихъ доспѣхи, и златыя гривны, висѣвшія на грудяхъ, открыли въ нихъ витязей славныхъ двора Кіевскаго. Наличники шлемовъ были опущены. Воинство Печенѣговъ и Кривичей съ благоговѣніемъ открыло имъ путь къ Князьямъ своимъ.

«Привѣтствуемъ васъ, витязи незнаемые, — вѣщалъ Буривой. Какая вина вашего присутствія?

«Я Добрыня,—вѣщалъ одинъ изъ нихъ, и се юный другъ мой. Хотимъ знать вину торжества великаго.»

Буривой повѣдалъ ее.

«Почто жребіи? вскричалъ Громобой, —то былъ онъ,—и сильная грудь его затрепетала подъ тяжелымъ панцыремъ. Миловзора обратила на него взоръ кроткой благодарности.

«Такова воля наша, отвѣтствовалъ Буривой надменно, —

«И премѣнить ее ни что не сильно!»

Громобой вѣщалъ: —

«Я витязь земли Русскія, — и равенъ Князю Печенѣговъ и Кривичей. Разрушаю

Digitized by Google

обѣты ваши, и симъ мечемъ буду защищать Княжну Миловзору отъ всякаго дерзновеннаго, который пожелаетъ найти смерть въ ея похищеніи. Кинемъ жеребьи: кто первый изъ васъ долженъ со мною рановать?»

«Утверждаю слова его,» вѣщалъ Добрыня.

Мгновенно разлилась тишина по всему воинству. Буривой и Бориполкъ въ безмолвіи опустили руки въ сосудъ священный, и Бориполкъ первый исторгъ мечъ свой.

Заавенѣли трубы бранныя; воинели возсѣли на коней своихъ, приняли копья отъ оруженосцевъ, и устремились другъ ко другу.

Слаба и неопытна была десница Бориполкова. Съ трескомъ палъ онъ съ коня крѣпкаго на землю песчаную,— и обагреннаго кровію отнесли воины въ шатеръ его. Воинство издало стонъ, — и Буривой, съ пылающимъ взоромъ, съ пѣнящимися устами сѣлъ на коня своего.

Они съѣхались, — и кони ихъ пали на

Digitized by Google

колѣна отъ перваго удара. Витязи спѣшились. Уже мечи ихъ багрѣли въ крови противниковъ: латы были во многихъ мѣстахъ раздроблены; ярость усугублялась. Наконецъ Буривой, желая кончить прю великую, собралъ всѣ силы свои, поднялъ мечъ булатный, занесъ —

Громобой уклонился, —

И свирѣпый Печенѣгъ, подобно кедру, разсыпался по земли. Громобой устремился къ нему, — и тяжкія оковы загремѣли на раменахъ кичливаго.

«Рази, — ревѣлъ онъ къ Громобою —

«Не хощу жизни, отъ тебя даруемой.»

«Не жизни твоей искалъ я, — рекъ Громобой; но желалъ отнять право на Княжну прекрасную!»

«Боги, управлявшіе твоимъ оружіемъ, тебѣ ее даруютъ,» — вѣщалъ Печенѣгъ, и кровавая слеза вылилась изъ глаза его.

«Я дарую тебѣ свободу, — отвѣчалъ Громобой: — будь другъ нашъ и собесѣдникъ. Храбрость пріятна для души моей!»

Онъ рекъ, и уклонился къ Князю Ко-

Digitized by Google

сожскому. Разрѣшилъ оковы его, — снялъ наличникъ шлема своего, и преклонилъ колѣна предъ Миловзорою.

«Громобой!» возопила она, — и въ безчувственной радости повергласъ въ объятія своего родителя.

«Громобой!» воскликнулъ Свѣтодаръ, и дружелюбно просперъ къ нему руку свою.

«Се Громобой, — вѣщалъ Добрыня; витязь Двора Кіевскаго и другъ Добрыни, дяди Князя великаго. Онъ избавитель твой, — и хочетъ получить въ награду прелестную Княжну, дщерь твою Миловзору.»

Свѣтодаръ радостно обнялъ Громобоя. Съ торжествомъ возвратились во градъ,— и великій служитель Лады совокупилъ чету прелестную.— Ночь прошла въ пиршествѣ и веселіи; — одинъ Буривой въ станѣ своемъ пребылъ мраченъ, какъ ночь осенняя. Съ появленіемъ звѣзды утренней, возсѣлъ онъ на копя и обратился къ своимъ предѣламъ. Воинство его за нимъ слѣдовало. Миръ, прелестный сынъ неба, осѣнилъ златыми крылами Громобоя и

Digitized by Google

Миловзору, и сѣдовласый Свѣшодаръ купно со своимъ народомъ возслали мольбы сердечныя къ богамъ покровителямъ, и воздвигли истуканы Громобою и Добрынѣ.

Вѣки отдаленные! Времена давно прошекшія! Кто изъ сыновъ Славена воспомянетъ объ васъ безъ кротkаго трепетанія сердца и благодарной слезы на глазахъ—въ дань памяти предкамъ, великимъ своими доблестями? — Тогда величіе и крѣпость духа возводили на верхъ славы и счастія,—и красота была наградою достойною. Не обладалъ тогда древній, изможденный сластолюбецъ юными красами дщери Славенскія,—хотя бы обладалъ онъ златомъ Востока цѣлаго. Вѣки отдаленные! времена давно-прошекшія! Когда возвратишесь вы на землю Славенскую?

Digitized by Google

ВЕЧЕРЪ VII.

ИРЕНА.

—

Прелестна заря утренняя, когда лани-ты ея сіяютъ на чистомъ небѣ; благо-ухающъ вѣтръ кротkаго вечера, когда вѣетъ онъ съ лона розы и лиліи; бли-стательны прелести ваши, дѣвы Славен-скія, когда кротость души и спокой-ствіе сердца изображаютъ свѣтлые взо-ры ваши!

Не подражайте дщерямъ земель иноплe-менныхъ, которыя славу свою полагаютъ въ искусствѣ прельщать, не чувствуя влеченія сердечнаго. Тщеславятся онѣ числомъ побѣдъ своихъ, коварствомъ пріо-брѣтаемыхъ. Прелестью жизни называ-ютъ онѣ свободу буйную не покаряться святымъ законамъ стыдливости, лучше-му украшенію пола прелестнаго. Не по-дражайте имъ, дщери Россійскія. Внемли-

Digitized by Google

те древней пѣсни моей. Вы познаете, что побѣды таковы непродолжительны. Время откроетъ коварство, развратъ, сокрытые подъ личиною кроткой любезности. Тогда исчезнетъ торжество мнимое, и преступная прелестница будетъ жертвою несчастною своихъ замысловъ!

Давно уже царствовало спокойствіе и радость въ престольномъ градѣ Кіевомъ; веселіе роскошно обитало въ палатахъ Князя Владиміра; упоеніе пиршествъ блистало во взорахъ Княжескихъ, и всѣхъ вельможъ и витязей Двора его. Съ появленія Зимцерлы румяныя, до восхода звѣзды вечерней, народъ и воинство воспѣвали пѣсни мирныя; Князь ласково угощалъ каждаго во Дворѣ своемъ; витязи безоружны. Казалось, небо возжелало осчастливить народъ, крѣпкій и твердый во бранихъ грозныхъ, и мудраго повелителя ихъ, неутомимаго во дни невзгодъ военныхъ, неподражаемаго въ часы веселія роскошнаго.

Вѣроломные Греки обратили пасмурные взоры свои къ свѣтлому небу Россій-

Digitized by Google

скому,— и черныя души ихъ наполнились завистью ядовитою; — они возстенали, зря счастье чуждое.

«Веселится грабитель богатствъ нашихъ, — вѣщали повелители града Константинова; —

«Злато наше блистаетъ въ его чертогахъ; виноградными нашими украшаетъ онъ стѣны шатровъ своихъ, и нашими перлами, — камнями богатой Индіи, — освѣщаетъ онъ любимицъ своихъ безчисленныхъ. Пойдемъ наказать жестокаго, пока не возбудился онъ отъ упоеній роскоши, пока орды его послушниковъ, разсѣянныя по долинамъ мирнымъ, поютъ пѣсни любовныя!»

Вѣщалъ Кесарь, — и полки Греческіе, подобно вранамъ хищнымъ, спекаются подъ знамена вѣроломнаго рушителя слова своего царскаго, условій мира долговѣчнаго.

Тогда одинъ отъ среды старѣйшинъ совѣта великаго, вѣщалъ:

«Не тако, повелитель, надлежитъ намъ вести войну съ Владиміромъ. Не рать

его безчисленная устрашала полки наши; —его витязи, подобные столбамъ адамантовымъ, всегда были преградою побѣдѣ. Опытны битвъ протекшихъ увѣряютъ въ семъ тебя, твое воинство и міръ подсолнечный. Доколѣ они окружаютъ Владиміра, нѣтъ въ свѣтѣ ему поборника. Отнимемъ прежде отъ него сію ограду крѣпкую, и богатства Россійскія отягчатъ твоихъ воиновъ; злато и камни самоцѣтные возсіяютъ въ твоихъ чертогахъ.»

«Но кто отниметъ у Владиміра избранныхъ друзей его?» вѣщалъ коварный повелитель.

«Сила воинства великаго его не сдѣлаетъ,» — отвѣтствовалъ совѣтникъ; — «но душа Князя Владиміра тебѣ открыта. Подобно древнему Соломону, возлюбилъ онъ мудрость и блескъ прелестей женскихъ; непобѣдимый во бранихъ, теряетъ силу свою и мочь великую въ объятіяхъ черемовъ своихъ. Витязи его — ему послѣдуютъ. Симъ оружіемъ нападемъ прежде на Дворъ Княжескій, — и пока

Digitized by Google

не пробудился Князь отъ сна, его упоевающаго, отвлечемъ отъ него друзей преданныхъ,—и обезоруженный отъ богатырей своихъ, будетъ умолять о мирѣ и помилованіи!»

Рѣчь сія понравилась. Собрался совѣтъ мудрѣйшихъ, и опредѣлилъ рѣшительно отослать ко Двору Кіевскому опаснѣйшую изъ дѣвъ Греческихъ, прекраснѣйшую солнца весеннаго, коварнѣйшую самаго ада, отослать Прену, первую любимицу Кесаря.

Она отправилась со свитою малолюдною. Прелести, коварство — струнились по слѣдамъ ея.

Веселый Владиміръ не предвидѣлъ сего новаго перуна, готоваго пасть на Дворъ его изъ рукъ прелестной обольстительницы. Безпечно угощалъ онъ друзей своихъ и незнаемыхъ: — какъ вдругъ, въ одинъ прекрасный день, узрѣли они — вдали Кіева, на изумрудной долинѣ, омываемой ручьями, подлѣ рощь плѣнительныхъ,—узрѣли они шатры бѣлоснѣжные,

и въ срединѣ ихъ одинъ, съ блестящею золотой главицей.

«Теки, Папаевичъ!»—вѣщалъ Владиміръ одному изъ друзей своихъ,—

«Иди въ станъ пришельца иноземнаго; познай вину его пришествія на землю Русскую. Если онъ жаждетъ единоборства, — здѣсь есть витязи неробкіе. Если ищетъ веселія, — палаты мои отверзты, и столы мои дубовые отягчены яствами и питіемъ сладкимъ.»

Папаевичъ потекъ, — и вскорѣ возвратился! Кто опишетъ пріятное изумленіе Владиміра и его витязей?

Ирена,—не было въ мирѣ ни чего ей подобнаго,—Ирена, въ свѣтлоголубой одеждѣ, усѣянной цвѣтами златыми, медленными стопами шла во слѣдъ витязю, въ чертогъ пиршества. Таково теченіе мѣсяца, когда онъ на свѣтломъ небѣ, окруженный звѣздами кроткими, смотрится въ тихія струи Днѣпровскія.

Возшумѣли витязи; молніи засверкали во взорахъ каждаго; пурпуръ разлился по

Digitized by Google

лапитамъ ихъ, и широкія груди роскошно волновались.

«Великій повелитель народа великаго!» вѣщала Ирена, преклонивъ робкіе взоры свои, —

«Не единоборства ищу я въ областяхъ твоихъ! — Слава твоего имени и друзей твоихъ привлекла сюда стопы мои; я пришла увѣриться, справедливъ ли слухъ о ласковомъ Князѣ Владимірѣ, когда онъ, забывъ битвы кровавыя, покоится мирно въ своихъ чертогахъ?»

Владиміръ съ кротостію подалъ ей руку свою,—и уже равнодушные витязи бросили на нее влюбленные взоры свои. Добрыня, Рогдай, Папаевичъ, Бурновѣй и многіе не столь знаменитые, казалось, читали во взорахъ одинъ другаго: «она моя, хотя бы должно сразиться съ цѣлою вселенною!»—Тако коварная прелесть эпа мгновенно окружила ихъ сѣтями цвѣточными. Одинъ мудрый Велесилъ оставался дикъ и пасмуренъ. Казалось, присутствіе прелестной Гречанки умножало суровость его непобѣдимую.

Digitized by Google

Прошло тридесять дней пребыванія ея на землѣ Кіевской, и витязи непрестанно становились влюбленнѣе. Всякой изъ нихъ мнилъ преимущественно ей понравиться,—но красавица упорствовала объявить имя своего побѣдителя.

«Вы всѣ открыли мнѣ любовь свою,» рекла она въ одинъ день кругу витязей: — «прежде нежели изберу кого-либо себѣ повелителемъ, хощу опытовъ любви его. Завтра, съ появленіемъ зари утреннія, сниму я шапры свои бѣлые. Хощу видѣть области другихъ Княжествъ, Кіеву сопредѣльныхъ. Кто изъ васъ будетъ моимъ путеводителемъ?»

«Я хощу быть имъ!» раздалось со всѣхъ сторонъ.

Витязи взглянули другъ на друга съ негодованіемъ, — и впервые братская дружба ихъ склонилась къ раздору. Смертоносная ревность начала точить сердца безстрашныя, и ненависть взаимная обнаружилась. Владиміръ вздохнулъ, и удалился.

На утріе, — едва небо Кіевское озари-

Digitized by Google

лось румянцемъ, уже не видно было блестящихъ шатровъ гостьи вѣроломной. Ирена, на гордомъ конѣ своемъ, удалялась отъ Кіева. Сонмъ Русскихъ витязей въ безмолвіи окружалъ ее.

Опечалѣлъ Владиміръ въ пространномъ дворѣ своемъ; грусть жестокая тѣснила доброе сердце Княжеское.

«Таково,» вѣщалъ онъ, обратясь къ Велеславу, (онъ одинъ только не оставилъ его): «таково, Велеславъ, сердце человѣческое! Они оставили друга и благодѣтеля, и устремились за бренными красами прелестницы.»

Онъ обнялъ друга, и слезы скорби появились на глазахъ мужа кроткаго.

Уже мѣсяцъ совершилъ полное теченіе свое по небу Россійскому, и никто не могъ возвѣстить ясно, что сталось съ его витязями. Одни слухи народные возвѣщали, что они съ повелительницею своею направили путь къ Чернигову.

Ежедневно Владиміръ угощалъ по прежнему своихъ и чужеземцевъ,—но взоры его

Digitized by Google

были пасмурны, и тѣнь горести носилась постоянно по челу его.

Мгновенно является гонецъ съ предѣловъ областей Русскихъ; пыль и потъ покрывали вѣстника; взоры его предвѣщали невзгоды военныя.

«Повелитель!» вѣщалъ онъ Князю, «Греки съ многочисленнымъ ополченіемъ вторглись въ предѣлы земли Русскія. Мечи ихъ полдаютъ твоихъ подданныхъ; огнь вражескій истребляетъ жилища наши и храмы боговъ безсмертныхъ.»

«Накажемъ вѣроломныхъ!» рекъ Владиміръ, — и по звуку трубы военныя, начали собираться ратники къ чертогамъ Княжескимъ. Тамъ, у крыльца кедроваго, развѣвались знамена войны кровопитныя.

«Понимаю хитрость коварныхъ Грековъ,» вѣщалъ Велесилъ. «Теки Князь съ твоими тысячами! Я устремлюсь искать неблагодарныхъ друзей твоихъ, — найду ихъ, и возвращу тебѣ — къ ужасу Грековъ клятвопреступниковъ!»

Князь съ воинствомъ устремился къ

Digitized by Google

предѣламъ страны своей; Велеславъ съ оруженосцемъ къ Чернигову, склонясь на слухи народные.

Три дня провелъ онъ въ полѣ; въ четвертый узрѣлъ сѣнѣны Чернигова, и на берегу Десны кроткія, на улыбающихся долинахъ шатры Иренины.

Кто изобразитъ недоумѣніе его? Онъ зритъ —

На шелковыхъ златотканныхъ коврахъ возлежитъ Ирена, въ полномъ блескѣ красоты своей. Въ нѣкоемъ отдаленіи стоятъ витязи, вооруженные доспѣхами, съ обнаженными мечами. Копи ихъ осѣдланы, — и оруженосцы подняли копья, для врученія ихъ богатырямъ своимъ.

Смутились витязи преступные, узрѣвъ прибывшіе мудраго Велеслава.

«Что значитъ намѣреніе ваше?» вопросилъ онъ: «я зрю приготовленіе къ единоборству!»

«Ты правъ,» отвѣтствовалъ Добрыня съ нѣкіимъ смятеніемъ: «вскорѣ увидишь ты кровавыя единоборства между витязей Русскихъ. Прелестная Ирена, всѣми

Digitized by Google

равно обожаемая, — рѣшила сего упра участь нашу. Тому отдаетъ она сердце свое, кто явится его достойнѣйшимъ. Побѣдитель соперниковъ будетъ обладателемъ ея прелестей.»

«Безумные!» возгремѣлъ Велесилъ: «Если любовь ваша къ отечеству и признательность къ державному благодѣтелю? Вы обольщены коварствомъ Грековъ; и вѣра преступная лесть ихъ—орудіе къ общему погубленію. Уже Греки вторглись въ предѣлы земли Русскія, уже кровь невинная сообщниковъ нашихъ уполняетъ землю, ими раздѣленную; Владиміръ послалъ наказать дерзкихъ, — но горесть о попранѣ друзей раздираетъ сердце владыки добраго! Малодушные! ужели вы оставите его въ часы смерти, оставите отца чадолюбиваго въ жертву врагамъ коварнымъ и преступнымъ?»

Витязи возмутились; они опустили мечи свои, и тяжкіе вздохи поколебали ихъ грудь.

«Устремите,» продолжалъ Велесилъ — «обнаженные мечи свои противъ Грековъ!

Digitized by Google

Пусть познаютъ нарушители правъ народныхъ, что земля Русская имѣетъ дѣтей великихъ, что Князь не лишился друзей отъ гнуснаго ихъ чарованія.

«Впрочемъ вѣдайте, что всякій изъ васъ, забывшій честь своего имени и желающій обладать сими красами, мерзящими величіе духа Русскаго, всякій шаковой да сразится прежде со мною, и по трупу друга и брата достигнетъ прелюбодѣйнаго ложа ея. Пусть кровь моя озлатитъ руки ваши, се будетъ торжество сея ехидны, сего смертнаго орудія ненавистныхъ враговъ нашихъ!»

Витязи познали мудрость словъ Велесиловыхъ. Мысли ихъ озарились, чарованіе прошло, они устыдились сами себя, и въ безмолвномъ раскаяніи пали въ объятія Велесиловы.

«Познаю дѣтей славы гремящія, подпоръ престола блестящаго, друзей владыки великодушнаго,—познаю витязей Двора Росскаго!

«Теперь —

Онъ подходитъ къ устрашенной Ире-

Digitized by Google

нѣ. Изумленная прелестница прочла осужденіе свое въ сверкающихъ взорахъ мужа раздраженнаго. Она преклонила колѣна, и трепещущія уста ея издали звукъ ужаса. Мгновенно голова ея отдѣляется мечемъ витязя, и поднятая на копье тяжелое, отдана устрашеннымъ ея сопутникамъ.

«Идите къ преступнымъ своимъ сообщникамъ,» — вскричалъ Всеслѣвъ: «вручите главу сію Кесарю, — возвѣстите ему, какъ наказано коварство его, и сіе будетъ предвѣстіемъ его собственнаго посрамленія!»

Витязи устремились къ полчищамъ Княжескимъ. Въ третій день настигли оныя, въ часы битвы смертоносной. Уже рады Владиміровы начали разстроиваться; уже Князь, подобно льву разъяренному поражавшій враговъ тьмочисленныхъ, начиналъ чувствовать утомленіе, и взоры его простерлись къ небесамъ, прося помощи.

И вотъ — вопленіе его возопило, — Князь обращаетъ взоры, и познаетъ избран-

ныхъ друзей своихъ, вторгшихъ смерть и опустошеніе въ ряды Греческіе. Видъ битвы мгновенно премѣнился. Робкіе Греки познали прибытіе вишязей, возстенали и обратились въ бѣгство. До появленія мѣсяца преслѣдовали ихъ побѣдители. Стонъ и вопль умирающихъ раздавался въ долинахъ, въ лѣсахъ и шумящихъ волнахъ Буга священнаго.

Владиміръ обнялъ раскаявшихся, и раздѣлилъ воинству добычи богатыя.

Онъ обратился къ Кіеву; радостныя пѣсни побѣдителей раздавались подъ небомъ безоблачнымъ.

«Хвала и честь великому обладателю земли Русскія; хвала и честь грознымъ вишязямъ, друзьямъ его.»

«Подобно орламъ небеснымъ, вьющимся надъ вершинами Кавказскими, носились они по грудамъ тѣлъ бездушныхъ Грековъ. Враги разсыпаны, какъ разсыпается прахъ отъ дыханія бури.

«Не возвеселятся дщери Греческія о своихъ возлюбленныхъ. Отцы и матери не прижмутъ ратниковъ къ родитель-

Digitized by Google

скимъ сердцамъ своимъ. Тщетно для нихъ весна украситъ поля и долины цвѣтами благовонными; тщетно лѣто блестящее и златая осень предложатъ имъ багряные плоды свои; тщетно дѣвъ юныхъ пышныя груди возвысятся, подобно кротким волнамъ Дона по берегамъ цвѣточнымъ;— лежатъ они повержены по холмамъ и долинамъ, и не возстанутъ на вопль, ихъ призывающій. Взойдетъ солнце и закатится; родится мѣсяцъ и состарѣется,— они будутъ лежать, подобно древамъ, поверженнымъ въ пустыняхъ чуждыхъ. Громы небесные не возбудятъ ихъ отъ сна долговѣчнаго. Чрева волковъ свирѣпыхъ будутъ имъ могилами, и одни плотоядные враны воспоютъ имъ пѣсни надгробныя!»

Digitized by Google

ВЕЧЕРЪ VIII.

МИРОСЛАВЪ.

—

Послѣ грозной бурной ночи настало утро прелестное. Блистательно было солнце среди небесъ лазуревыхъ, величественно въ тихихъ волнахъ Днѣпровыхъ, кротко въ капляхъ росы, блиставшей на листьяхъ поверженныхъ дубовъ и тополей, и скромной незабудки, безопасно проведшей ужасы ночи тоя, склоня низменную головку свою къ матернему лону земли-защитницы.

Мирославъ, вышедъ изъ пустынной хижины своей, взошелъ на холмъ прибрежный. Бѣлая брада показывала въ немъ мужа древняго; чистый, свѣтлый, спокойный взоръ его къ небу, означалъ мудраго, коего жизнь текла порядкомъ устроеннымъ.

Онъ, воздѣвъ длани, вѣщалъ:

Digitized by Google

«О Ты, существо великое и премудрое! На закатѣ дней моихъ я позналъ тебя, и душа моя обновилась; природа явилась мнѣ въ новомъ видѣ, и сердце мое стало биться жизнію, доколѣ неизвѣстною. Благословляю Тебя, существо непостижимое, но великое и благодѣтельное!

«Грозно было чело Твое въ ночь протекшую; Ты возвысилъ длань, и небеса воспламенились, произнесли стонъ и вопль, земля затрепетала, страшась своего уничтоженія!

«Увы! Познаю вину истинную, почто Богъ любви и милосердія ополчается гнѣвомъ великимъ, разрушаетъ жизнь, прежде дарованную, — и приводитъ въ трепетъ міры съ ихъ обитателями!

«И теперь, когда гремишь Ты въ превыспреннихъ, сгущаешь тучи желѣзныя, ниспосылаешь грады и наводненія, когда риза Твоя горитъ огнями поражающими, — и теперь есть убійцы и хищники, есть клятвопреступники и обольстители! — Чию же было бы на землѣ несчастливой, когда бы злобные обитатели ея безпре-

Digitized by Google

рывно зрѣли вѣчную благость Твою, никакими злодѣйствами непзмѣняемую?

«Благословляю Тебя, существо непостижимое, но великое, благодѣтельное и правосудное!»

Умолкъ, палъ ницъ на землю, и мольбы его воскрилялись къ престолу Вѣчнаго.

Возставъ отъ земли, узрѣлъ онъ двоихъ странниковъ: юношу въ бронѣ богатырской, но безъ оружія, и дѣву красоты отличныя. Робость питала взоры пришельцевъ сихъ, движенія ихъ означали нерѣшительность; одежды показывали, что нощь цѣлую провели они въ странствіи трудномъ и забодливомъ, подъ открытымъ небомъ.

«Странники!» возопилъ Мирославъ: «се хижина сварца отверзта. Не ищите нѣги и роскоши, — и вы покой обрящете.»

Юноша косными шагами приближился. Юная подруга его едва могла ему слѣдовать, опершись на рамена возлюбленнаго. Каждый взоръ ея, къ нему обращенный, каждое движеніе его показывало, что путеводитель ея — есть другъ сердца, есть

щитъ ея добродѣтели, бытія ея, отрада послѣдняя.

«Почтенный житель пустыни безлюдныя!» вѣщалъ юноша, приближась къ Мирославу: «я познаю мудрость твою великую. Ты оставилъ людей съ ихъ злодѣйствами. Ты оставилъ прелесть роскоши житейскія, и наслаждаешься счастіемъ. Боже великій! Почто не оставилъ я чертоговъ Княжескихъ, злата и сребра, въ нихъ блистающаго! Тогда я не позналъ бы бѣдствій, меня удручающихъ, и сей юный, прелестный цвѣтъ любви моей не томился бы пагубнымъ бездождіемъ!»

Онъ сказалъ, склонился на грудь прелестной сопутницы; слеза повисла на сѣдыхъ рѣсницахъ Мирослава; онъ произнесъ тяжкій вздохъ, и заключилъ обоихъ странниковъ въ свои объятія.

«Кто ты, юноша благородный?» возопилъ онъ, проливая слезы: «кто ты, дѣва прелестная?»

Юноша отеръ слезы свои, еще разъ обнялъ старца, и съ сердечною довѣренностію отвѣщалъ ему:

Digitized by Google

«Я Святославъ, сынъ Владиміровъ!»

Мирославъ въ изумленіи отступилъ отъ него.

«Ты — Святославъ, убѣгающій злобы и мщенія Святополка, брата моего! И невинная, юная, кроткая Исменія есть виною его неистовства!»

«Но что Владиміръ, родитель твой?» вопросилъ Мирославъ съ трепетомъ.

Святославъ покрылся блѣдностію. Онъ возвелъ взоры свои къ небу.

«Понимаю,» сказалъ Мирославъ: «видѣлъ я звѣзду свѣтлую, падшую съ высоты неба Кіевскаго. Кровавая туча заступила мѣсто ея; слышны были удары грома рьянаго, и блескъ ослѣпляющей молніи! — Или и его — »

«Нѣтъ болѣе — »

Возрыдалъ Святославъ, и палъ на колѣна; Исменія склонилась на выю его. Се мгновеніе грознаго молчанія!

«Тако оканчивается поприще жизни!» — рекъ Мирославъ, —

«Обладатель свѣта и рабы послѣдніе склонятъ главы свои. Пройдетъ время не-

Digitized by Google

долгое, — разсыплются памятники пышные, и путникъ не найдетъ мѣста, гдѣ плѣютъ остатки мужей великихъ. Участь міра подлуннаго!

«Но по что возненавидѣлъ васъ Святополкъ, грозный сынъ кротkаго Владиміра?»

Святославъ вѣщалъ: «умоляю тебя дать убѣжище и покой утомленной моей сопутницѣ. Послѣ повѣдаю тебѣ вину горестнаго моего странствованія изъ дому родительскаго, изъ града отечественнаго.»

Онъ рекъ, — Мирославъ взялъ Исмепію за руку, ввелъ ее въ хижину, и предложилъ убогій одръ свой. Она возлегла; — старецъ съ Святославомъ взошелъ на прежній холмъ,—возлегли шамъ, и Святославъ началъ свое повѣствованіе: —

«Склонилось солнце Владимірово къ своему западу. Слабы стали мышцы старческія править браздами владѣнія обширнаго. Померцающіе взоры его съ трудомъ уже отличали друга вѣрнаго отъ льстеца коварнаго, и гордое исканіе почестей отъ благородной любви

къ чести отечества. Въ таковое время жизни его возлюбилъ онъ, болѣе прочихъ сыновъ своихъ, гордаго, неукротимаго Святополка, и вѣрилъ ему покой и благо отечества.

«Грозенъ, подобно тучѣ, взоръ Святополковъ; буренъ духъ его, какъ вихрь, сынъ песчаныхъ долинъ Днѣпровыхъ. Не любилъ онъ покоя, и одни кровопролитія веселили его. — Онъ возбудилъ недовѣрчивость въ Ярославѣ, старшемъ сынѣ Владиміра, владыкѣ великаго Новаграда.

«Развѣялъ сей знамена бунта кроволитнаго, двинулись ко граду Кіеву преступныя полчища его, расперзалось сердце отца чадолюбиваго, и грозное воинство, имъ предводимое, пялось на поляхъ ратныхъ. Побѣда увѣнчала сѣдую главу рыдающаго о ней Владиміра.

«Не задолго предъ тѣмъ, неопытный взоръ любви моей остановился на дщери благороднаго Леона, бывшаго болѣе друга Владимірова, нежели Князя плѣннаго; — я возлюбилъ Исмену, и счастіе мое исполъ-

Digitized by Google

нилось совершенно, когда познала я взаимную любовь ея.

«Я палъ къ стопамъ родителя, и соизволеніе его возвеличило меня превыше всѣхъ обладателей міра. Господствующій Святополкъ, въ свирѣпой душѣ коего никогда любовь не обитала, былъ бѣденъ, ничтоженъ въ глазахъ моихъ. Увы! какъ мало постигала я вину изступленія и свирѣпости Святополковой.

«Подобно раскаленному жерлу горы Сицилійскія, давно пламенѣло сердце его къ прелестямъ Исменіи; подобно стрѣлѣ молнійной, которая раздирая сгущенный помостъ неба, убійственными взорами ищетъ высотъ на землѣ устрашенной, находитъ и раздробляетъ древа и камни; — такими взорами провождалъ всегда Святополкъ юную подругу души моей, когда она шла по стезяхъ моихъ увѣнчанная цвѣтами прелестными.

«Онъ открылся Леону, Греку честолюбивому,—и владѣющій злодѣй предпочтенъ имъ безъудѣльному сыну Князеву; онъ далъ ему позволеніе искать ея соотвѣт-

Digitized by Google

ствія, — обѣщавъ, по окончаніи браней междоусобныхъ вручить ему и руку ея. Я также ждалъ сего, полагаясь на изволеніе родителя.

«Владиміра не стало!—Три дня рыдали осиротѣвшіе дѣти и народъ его.

«Въ сіе время Святополкъ собралъ рать безчисленную, и ожидалъ приближенія Ярославова. Сей прибылъ въ утро протекшее, и сталъ по другую страну Днѣпра ревущаго. Едва показалась заря на небѣ Кіевскомъ, все предвѣщало ужасный день и ночь еще ужаснѣйшую. Мрачныя облака носились на тверди, и затемняли златые верхи храмовъ божественныхъ.

«Исменія!» вѣщалъ я, подавая руку юному другу своему: —

«День сей рѣшитъ судьбу трона и народа Россійскаго. Пойдемъ ко гробу великаго нашего родителя; благословимъ память его, и оплачемъ участь нашу горестную.

«Мы пришли, пали на колѣна у подножія гробницы, и слезы наши полились градомъ.

Digitized by Google

«Великій родитель нашъ!» возопилъ я— «благослови насъ теперь съ небесъ, какъ благословлялъ нѣкогда на земли; и умоли Предвѣчнаго, да осчастливитъ Ярослава побѣдою, землю Россійскую паденіемъ свирѣпаго Святополка!»

«Злополучные!» раздался ревъ, подобно грому: онъ повторился межъ сводовъ каменныхъ, — и вѣковы кипарисовъ возшумѣли.

«Обратились мы,—ужасъ оковалъ члены наши; мы оспалися къ землѣ пригвожденными. —

«Стоялъ Святополкъ, опершись на копіе свое. Кровавые взоры его сверкали, подобно углямъ раскаленнымъ. Онъ хотѣлъ продолжать, но гнѣвъ сковалъ уста его. Стража стояла за нимъ въ безмолвіи.

«Святославъ!» наконецъ вѣщалъ онъ: — «время уже открыть тебѣ твое безуміе. Никогда не будешь ты обладать Исменіею, какъ духъ отверженный свѣта красами Эдемскими. Мнѣ будетъ принадлежать она! Се воля моя — и Леона, ея

родителя. Давно бы постигла тебя участь Глѣба и Бориса, если бы любовь Владимірова была къ тебѣ столь же неумѣренна. Иду на битву кровавую, — возвращусь побѣдителемъ. Ты теки изъ владѣній моихъ, да не обрѣту тебя по моемъ возвращеніи. Кровію твоею омою я брачныя одежды Исменіи, и взойду на ложе ея по твоему трупу; — иди поспѣшно. Со послѣдняя милость моя, крови родственной даруемая. Исменія въ теремѣ будетъ ждать моего возврата съ полой битвы.»

«Онъ рекъ и удалился. Нѣкоторые изъ стражей повлекли Исменію во дворецъ; я остался одинъ; безчувствіе покрыло меня своею дланію, цѣлая природа для меня исчезла.

«Ощупивъ себя, нахожу день уже склонившимся. Мракъ господствовалъ въ природѣ. Громы ревѣли на тверди, и молніи освѣщали ужасъ мятущагося неба.

«Подобно изступленному, возстаю я отъ земли, бѣгу въ виноградны Княжескіе, дабы въ послѣдній разъ узрѣть при блескѣ молніи въ окнахъ теремовъ рыда-

Digitized by Google

ющую Исменію, — узрѣть ее, и желѣзомъ пронзить сердце свое несчастное.

«Я пробѣгаю изъ конца въ конецъ, попираю ногами цвѣты и травы, насажденныя руками Исменіи,—дотолѣ бывшія мнѣ драгоцѣннѣйшими всѣхъ перловъ Индіи;— имя Исменіи взываю на каждомъ шагѣ, и свисты вѣтровъ тщетно оное повторяютъ.

«Но — кто изобразитъ прелесть моего вступленія, когда я наконецъ узрѣлъ ее, ко мнѣ пришедшую! Она пала въ мои объятія.

«Кто возвращаетъ мнѣ Исменію? вопросилъ я небо, —

«Ударъ грома мнѣ отвѣтствовалъ.

«Я палъ на колѣна и молился. Когда первое упоеніе свиданія прошло, Исменія вѣщала мнѣ, что бунтъ природы, и безпрерывно перемѣняющіеся во дворѣ слухи объ участи битвы, породили смятеніе и безпорядокъ въ палатахъ. Она воспользовалась; проникла сквозь сонмъ стражей, достигла вертограда, познала голосъ друга своего, и душа ея оживилась.

Digitized by Google

«Мгновенно мы оставили вертоградъ, оставили дворъ родительскій, оставили городъ, зрѣвшій рожденіе наше, храмы Божіи, и прахъ великаго Владиміра.

«Путями неизвѣстными устремили мы шествіе по брегамъ Днѣпровымъ; я отвращалъ отъ Исмены препинаніе вѣтвей древесныхъ, преносилъ ее чрезъ камни острые, согрѣвалъ ее моими объятіями отъ хлада почи бурныя, и яко мы къ восходу солнечному пришли къ обители твоей, старецъ благодѣтельный. Если любезна сердцу твоему память добродѣтелей моего родителя,—дозволь въ хижинѣ твоей пробыть время малое несчастному сыну его!»

«Благословляю щедрое Провидѣніе,»—рекъ старецъ съ благоговѣніемъ, —

«Пославшее мнѣ малый случай доказать сыну, сколь драгоцѣнна для меня память его родителя.»

«И се — внезапно узрѣли они поднявшуюся пыль вдоль берега. Топотъ коней и шумный вопль ратниковъ возвѣщали бѣгущихъ съ полей битвы.

Digitized by Google

Старецъ и юный Князь возникли.

Они узрѣли Святополка, покрытаго ранами, облитаго кровію, бѣгущаго съ малою дружиною, толико же пораженною.

«Се воля твоя,» стенялъ Святополкъ — «се опредѣленіе власти твоей, Богъ гнѣва и мщенія! Кровь Глѣба и Бориса, на мнѣ запекшаяся, омываешся теперь моею кровію!»

«Узрѣлъ онъ юнаго Святослава, осадилъ коня своего, приспѣлъ подобно вихрю шумному, и ревъ его раздался по брегу и водамъ Днѣпровымъ:

«Ты здѣсь, малодушный любимецъ счастія? Не возвратишься ты во дворъ Княжескій веселиться съ Ярославомъ; не будешь поржествовать бѣдствія моего у груди Исменіи. Не возвеселишся неблагодарная о твоемъ прибытіи!»

Вѣщалъ, и тяжелый мечъ его водрузился въ груди юноши. Онъ палъ, и багряная кровь его оросила землю хладную.

Святополкъ быстро удалился. Издали слышны были тяжкія завыванія груди его.

Digitized by Google

Вняла злополучная Исменія воплямъ и гуламъ раннымъ; воспекла онъ ложа пустыннаго, и быстро устремилась къ старцу, стоявшему на колѣнахъ у охладѣвшаго трупа Святославова. Она узрѣла, — блѣдностью покрылись ланиты ея и уста прелестныя; поколебались колѣна, она пала подлѣ друга, и духъ ея устремился вслѣдъ за своимъ любимцемъ.

Долго пустынный жилецъ хладными взорами смотрѣлъ на юныя жертвы злобы и безчеловѣчія землеобитателей. Онъ изрылъ дряхлыми руками могилу, опустилъ въ нее трупы любившихся, сдѣлалъ насыпь высокую и усадилъ ее цвѣтами благовонными.

Тогда палъ онъ на колѣна, пролилъ впервые источники слезъ, и, обративъ полуугасшій взоръ и трепещущія руки къ небу, вѣщалъ:

«Тако восхотѣлъ Ты, великій повелитель міра! Земля не достойна была украшаться прелестными сими цвѣтами. Ты восхитилъ ихъ въ вертограды вѣчнаго эдема, да познаютъ тамъ счастіе любви не-

Digitized by Google

вишныя. Вожделѣннѣе для сердца чувствительнаго расперзаться у гроба любимца своего, чѣмъ съ мужемъ его ненависти, взойти на ложе брачное.»

ВЕЧЕРЪ IX.

МИХАИЛЪ.

Ты склонишься уже, солнце небесное, отъ взоровъ нашихъ! Въ послѣдній разъ сего вечера блистишь ты жемчужныя крылія облака легкаго, на коемъ нѣкогда, во дни давнопрошекшіе, безплотные духи вишзей великихъ любили покоиться, и въ послѣдній разъ упиваться вечернимъ свѣтомъ твоимъ.

Посли же, солнце любезное, посли къ намъ звѣзду вечернюю и мѣсяцъ серебря-

Digitized by Google

ный; я хочу пѣть о любви къ отечеству, священной любви, достойной мужа великаго, но и еще священнѣйшей — любви къ вѣрѣ отцевъ своихъ.

На западѣ разостлались розы зари прелестныя, на востокѣ засеребрились листья дубовъ и тополовъ отъ востекающаго мѣсяца. Нѣжны лучи его для взоровъ нашихъ, любезно для груди дыханіе вѣтра тихаго, какъ онъ, развѣясь по лицу земли, съ кроткимъ журчаніемъ лобызаетъ росу на лонѣ гордой лиліи и кроткой гвоздики.

Такова была заря алая, таковъ былъ мѣсяцъ свѣтлый, когда плѣнный Михаилъ, Князь Черниговскій, стоялъ на берегу Дона тихаго съ другомъ своимъ и вельможею Ѳеодоромъ, подъ игомъ Батыя, Царя гордаго Золотой Орды. Рубища покрывали рамена ихъ, вѣтръ развѣвалъ власы ихъ, потъ и слезы струились по ланитамъ, и стекшись на запекшихся устахъ, умирали отъ дыханія пламеннаго стѣсненной груди витязей.

Михаилъ копалъ гряды для цвѣтника Царевны, сажалъ цвѣты, поливалъ ихъ,

Digitized by Google

берегъ, лелѣялъ: это была должность его, наложенная Ханомъ—побѣдителемъ. Князь, лишась сладкаго удовольствія управлять народомъ и дѣлать его счастливымъ, смотрѣлъ съ улыбкою, когда юная роза или лилія отверзали къ нему свои объятія, и кротко благоухали къ своему творителю.

Михаилъ склонился; оперся на заступъ свой, долго смотрѣлъ на небо лазуревое и на прямайчивый свѣтъ мѣсяца; на струи Дона тихаго и листки фіялки, окропляющіеся росою.

«Творецъ міра сего,» вѣщалъ онъ, устремивъ взоры къ небу, и обративъ къ нему руки свои, какъ обращаетъ юное алчущее дитя къ сосцамъ матери;—«Творецъ міра сего и всѣхъ красотъ, въ немъ разсѣянныхъ! Почто всѣ страны его населилъ Ты радостію, и вездѣ видна десница Твоя отеческая? Почтю въ Ордѣ кровожаждущей, среди народа дикаго и звѣрскаго, непознавшаго Тебя и щедротъ Твоихъ, почтю и здѣсь то же солнце, тѣ же звѣзды, то же кроткое пѣніе птицъ и цвѣтовъ благоуханіе, какъ и въ Россіи, гдѣ

Digitized by Google

воздвигаются Тебѣ храмы и на алтаряхъ Твоихъ курится фиміамъ сердечный?»

«Богъ создалъ людей,» началъ рѣчь Ѳеодоръ,—«и оградилъ ихъ крѣпостію мышцъ не для того, дабы они, подобно звѣрямъ хищнымъ, ловили другъ друга въ добычу своему неистовству. Онъ повелѣлъ землѣ въ нѣдрахъ своихъ производить мѣдь и желѣзо, для созданія орудій къ воздѣлыванію земли, а не для того, чтобы мы мечами источали кровь одинъ у другаго и были виновниками бѣдствій взаимныхъ!»

«Но что сдѣлалъ я?» вѣщалъ Михаилъ: «почто привлекъ грозную десницу Неба? Я любилъ миръ, ибо я любилъ людей. Я жаждалъ покоя, награждалъ трудолюбіе, и ни одна неистовая мысль любочестія или корыстолюбія не имѣла для себя ни одного біенія сердечнаго. И онъ много-то народъ мой болѣе уподоблялся пастырямъ стадъ, нежели воинамъ. Нашествіе врага люта́го погубило меня и всѣхъ совокупно.»

«Предадимъ судьбу свою волѣ Небесъ, и они ихъ будемъ ожидать или отрады,

Digitized by Google

или конечной гибели,» рекъ Ѳеодоръ, — подалъ съ улыбкой утѣшенія руку юному своему Князю, и они возсѣли на холмѣ, омываемомъ Донскими струями, въ безмолвіи взирая на небо кропкое и волны едва зыблющіяся.

Уже ночь совершила половину своего теченія, всеобщая тишина царствовала въ долинѣ,—одни голоса плѣнниковъ изрѣдка колебали воздухъ; какъ вдругъ узрѣли они: отъ шатровъ царскихъ появились шествующія къ нимъ Царевна съ своею вѣрною рабынеи. Бѣлоснѣжная одежда ея, исткапная серебряными цвѣтами, украшенная драгоцѣнными каменьями Востока, разливала вокругъ ея сіяніе. Багряное покрывало висѣло по лицу ея. Она шла, очарованіе спрутилось по слѣдамъ ея; легкое колебаніе груди подобилось пѣнистымъ волнамъ Дона, когда вѣтры раздирали воздухъ и громы ревѣли на шверди.

Такова была — повѣствуютъ Греки — мать любви, Аѳродита, когда она впервые явилась въ сословіе боговъ небесныхъ, — и огнь восторговъ просіялъ на лицахъ

каждаго, и солнце улыбнулось, и земля опять веселія восколебалась!

Такова была—вѣщаютъ Славяне—юная Лада, дщерь Свѣтовида и Царицы земли, когда она впервые, на берегахъ Буга, подъ счастливымъ вліяніемъ неба, при восклицаніяхъ цѣлой природы, при кроткомъ свѣтѣ мѣсяца, открыла прекрасное лице свое, и дозволила счастливому Перуну, державному обладателю грома и молніи, разрѣшить дѣвическій поясъ свой.

Такова была Зюлима въ цвѣтѣ юности своей. Она приблизилась къ удивленнымъ плѣнникамъ, остановилась, и одною рукой закинувъ свое покрывало, другую просперши къ Князю, —

«Михаилъ! вѣщала она; —

И звукъ ея сладостнаго голоса былъ подобенъ звуку арфы подъ перстами опытнаго пѣснопѣвца мира:

«Михаилъ!» вѣщала она, сопровождая взоромъ, предъ которымъ бы звѣзды небесныя преклонились, — улыбкою, которою заря вечера кроткаго никогда не озарялась.

Digitized by Google

«Зюлима!» — вѣщалъ Князь, возставая опъ земли съ своимъ другомъ, — «Царевна! что привело тебя въ часы сіи, въ мѣста уединенныя, къ двумъ горестнымъ плѣнникамъ? Или хочешь почерпнуть изъ сердецъ ихъ сѣтованія, и, можетъ быть, впервые узнать, что есть горесть жизни?

«Когда ты, — рекла Зюлима, — въ первый разъ въ шатрѣ моего родителя говорилъ съ нимъ, съ тѣхъ поръ начала я и никогда не престанала послѣ того — желать тебѣ счастія и удовольствія въ мірѣ семъ, если только они еще для тебя существуютъ.

«Нѣтъ для меня болѣе — вѣщалъ Михаилъ — на землѣ сей счастія и удовольствія!»

«И такъ ты все потерялъ?»

«Все!»

«И невозвратно?»

«Какъ дни прошедшіе!»

«Ты обманываешься, — сказала Зюлима съ кроткою улыбкою,— и вскорѣ на рѣсницахъ ея засверкали слезы перловыя,

Digitized by Google

лучъ мѣсяца освѣтился въ нихъ, онѣ пали на ланиты ея, трепетъ разлился въ груди Зюлимы, съ жаромъ взяла она руку у Князя.

«Ты обманываешься! — продолжала она: — ты былъ обладателемъ, и опять будешь; ты былъ любимъ — и будешь еще болѣе; ты былъ счастливъ, и можешь быть еще счастливѣе.»

«Я? — сказалъ Князь съ удивленіемъ; и воспоминаніе дней прошедшихъ разлило мрачное уныніе на глазахъ его.

«Ты былъ Княземъ Черниговскимъ,» сказала Зюлима, — «и будешь обладателемъ Золотой Орды; ты былъ любимымъ супругомъ, и Зюлима клянется любить тебя; — она любитъ тебя со всѣмъ пламенемъ, какой можетъ только вмѣщать сердце страстной женщины, дщери Царя восточнаго!»

Ужасъ, недоумѣніе, горесть, разлились на ланитахъ Михаила и Ѳеодора.

«Я не могу понять словъ твоихъ,» — сказалъ Князь, отступая отъ нея съ препетомъ.

Digitized by Google

«Вѣщай,» сказала Зюлима, обратясь къ рабѣ своей: «вѣщай, вѣрная Цара! Отъ тебя не скрыта ни одна мысль твоей повелительницы, ни одно желаніе сердца ея.»

Тутъ Царевна опустила покрывало, сѣла на холмѣ благоухающемъ, и оперлась рукою на померанцевое дерево. Михаилъ съ Ѳеодоромъ стояли противъ нее. У всѣхъ сердца были сжаты, и одни тайные, едва примѣтные, но тѣмъ тягчайшіе вздохи колебали ихъ груди.

Цара начала:

«Въ началѣ весны протекшаго года, когда Башый, державный родитель Зюлимы, возвратился на поля наши съ побѣдою, въ плѣнныхъ Россіянахъ познали мы, что слухи о ихъ варварствѣ и невѣжествѣ обличали насъ самихъ въ звѣрствѣ и невѣжествѣ. Царевна Зюлима любила говорить съ ними, и впервые познала связи народовъ образованныхъ, связи семейныя и государственныя.

«При первомъ появленіи весны благословенныя, Башый началъ снаряжаться подъ

Черниговъ, клянясь не возвратиться — не разворивъ города, и не приведя Князя Михаила на брега Донскіе, служить ему вмѣсто раба послѣдняго!

«Онъ двинулся; Зюлима въ первый разъ ощутила въ сердцѣ своемъ невольное трепетаніе, непостижимая тоска сопутствовала ей непрерывно.

«Кто таковъ Михаилъ?» вопрошала она у Россіянъ.

«Громы похвалъ раздавались всюду, — и Царевна совершенно престала понимать свои чувства и опознавать желанія. Иногда, въ неизвѣстномъ ей восторгѣ мечтала она видѣть Князя побѣдителемъ; видѣть, какъ онъ со знаменемъ и мечемъ въ рукахъ разгонялъ безобразныя толпы Ордынскія,—и улыбка являлась на губахъ ея; — но вдругъ, представя неразлучные съ побѣдой Россіянъ стыдъ и посрамленіе славы ея родителя, содроганіе груди ея заставляло ее познать преступность своихъ желаній.

«Иногда, воображая погибель своихъ непріятелей, паденіе града ихъ и священ-

Digitized by Google

ныхъ храмовъ, омрачалась она горестію, и слеза готова была пасть на зыблющуюся грудь ея; но—представя Князя плѣнникомъ, представя, какъ она утѣшаетъ его своими попеченіями, какъ раздѣляетъ съ нимъ тяжкое иго неволи, и по времени заставляетъ его забыть отечество, дабы съ нею познать счастіе жизни, взоры ея пылали лучами радости, щеки покрывались пурпуромъ розы восточныя, и улыбка сіяла на пламенѣющихъ губахъ ея.

«Средп таковыхъ движеній духа и сердца, услышали мы приближеніе Батыя и съ нимъ плѣннаго Михаила съ его избранными. Тогда никакая мысль не занимала Царевны, кромѣ мысли видѣть Михаила, и —

«Наутро другаго дня, какъ Батый, окруженный темными * вельможами Двора своего, возсѣлъ на престолѣ величества, Царевна Зюлима сидѣла по правую страну его; я спояла у ногъ ея.

* Тишло великости

«Восклицанія придворныхъ и поздравительныя привѣтствія ихъ прекратились. Башый повелѣлъ, и Михаилъ, сопровождаемый Ѳеодоромъ и другими вождями, представлены предъ лице его.

«Царевна взглянула на него; запылали щеки ея, сомкнулись рѣсницы, и она, раскрывъ ихъ чрезъ нѣсколько мгновеній, испустила вздохъ, мнѣ одной только примѣтный.

«Пади ницъ съ твоими великими, и ожидай повелѣній твоего обладателя,» вѣщалъ Башый.

Михаилъ отвѣтствовалъ:

«Я сынъ Князя Россійскаго, и самъ обладалъ народами, доколѣ гнѣвный перстъ Бога отцевъ моихъ не разсыпалъ грома надъ главой моею. Предъ нимъ единымъ преклонялъ я колѣна, и ни предъ кѣмъ болѣе, ни предъ повелителемъ цѣлаго міра!»

«Ропотъ раздался въ сонмѣ вельможъ; Башый далъ знакъ, и молчаніе разлилося. Долго дума великая носилась по челу

Digitized by Google

его; наконецъ суровый взоръ его ослабился.

«Неужели,» рекъ онъ къ Михаилу,—«неужели не позналъ ты силы руки моей и власти моея безпредѣльной?»

«Пройдешъ небо и земля, звѣзды и солнце, пройдешъ и власть человѣческая! Поразишь меня ты можешь, ибо я человѣкъ и слабъ; побѣдить меня — никогда, ибо я Князь и христіанинъ,» — Михаилъ отвѣтствовалъ.

«Не противна мнѣ рѣчь твоя,» — сказалъ Батый съ кротостью, впервые въ немъ примѣтною: — «люблю людей храбрыхъ, и великость духа уважаю даже въ побѣжденныхъ. Надѣюсь, ты перемѣнишь мысли свои, и тогда будешь первый послѣ Батыя; теперь, цѣпи спадутъ съ рамень твоихъ; работа самая легчайшая на тебя возложится; въ собесѣдники себѣ избери любимѣйшаго изъ вождей твоихъ. Тако велю я, ибо люблю людей храбрыхъ, и великость духа уважаю даже въ побѣжденныхъ!»

«Долго Зюлима, въ шапрѣ дѣвственн-

номъ, на груди вѣрныя Цары рыдала объ участи Михаила. Съ каждымъ наступающимъ днемъ возрастала мучительная тоска ея; съ каждымъ восходомъ мѣсяца удвоивались слезы ея, и наконецъ ясно познала я, что соболѣзнованіе къ несчастному, но великому виновію, обратилось въ соучастіе, соучастіе въ склонность, склонность въ любовь, любовь въ безпредѣльную страсть, ее пожигающую.

«Сего вечера, Батый, упоенный своимъ счастіемъ и величіемъ, повелѣлъ быть празднеству великому. Уже около торжественнаго ложа его возсѣли вожди и совѣтники. Веселіе разлилось на лицѣ каждаго. Избраннѣйшія красоты Востока возлегли на златотканыхъ коврахъ у ногъ владыкъ своихъ, и воспѣли пѣсни сладострастныя, сопровождая оныя звуками бубновъ и кимваловъ. Шумная радость потрясала шатры блестящіе, и сердце Царево и великихъ Двора его разнѣжилось.

«Тогда Зюлима, подобно кротокой Гуріи сада эдемскаго, беретъ арфу художественную

Цареградскихъ, налагаетъ на блестящія струны ея бѣлоснѣжные персты свои; раздался звонъ сладостный, потрясающій,—и тихій гласъ ея, подобный журчанію вѣтерка на листкахъ юной розы, свѣтлый гласъ ея коснулся слуху сопиршествующихъ. Все умолкло, дыханіе каждаго остановилось; Зюлима пѣла:

«Любовь! Не ты ли та повелительница міра, которой маніемъ возникли изъ ничего народы съ ихъ племенами? Не ты ли созвала ихъ воедино, и дала почувствовать сладость общежитія?»

«Ты связуешь сердца неразрывными узами сочувствія! Ты облегчаешь бѣды и горести! Ты возвеличиваешь счастіе ихъ и веселіе!

«Что можетъ замѣнить тебя? Престолы и скипетры въ глазахъ твоихъ ничтожны; власть и могущество, обладаніе цѣлою вселенною не тронутъ сердца, тобою полнаго!

«Что жъ можетъ противиться тебѣ, любовь всесильная? Ни что! Встрѣтитъ ли тебя свирѣпость кровожадная, власть

Digitized by Google

ли пиранства воспретишь тебѣ, гробъ ли мрачный простретъ къ тебѣ свои хладныя объятія: ты встрѣтишь ихъ со вздохомъ сердечнымъ, съ слезою блещащею, и останешься побѣдительницей.»

«Зюлима умолкла; но изумленіе господствовало, молчаніе царствовало.

«Баный въ восторгѣ души своей простеръ къ ней руку свою; Зюлима облобызала ее съ дѣтскою нѣжностію, и преклонила колѣна.

«Что хочешь, Зюлима?» вопросилъ онъ съ величіемъ.

«Зюлима смежила взоры свои, и склонила къ персямъ главу свою.

«Сокровища мои у ногъ твоихъ, полцарства моего тебѣ да поклонятся; да познаютъ въ тебѣ свою повелительницу»—вѣщалъ Баный, поднимая ее въ свои объятія.

«Сего мало для сердца моего, родитель! Я требую одного»—рекла Зюлима, и невольнымъ образомъ вторично колѣна ея преклонились.

«Чего же?»

Digitized by Google

«Возврати свободу плѣннику твоему, Князю Михаилу,»—вѣщала Царевна; трепетъ потрясъ члены ея,—она накинула покрывало, и возстала въ величіи.

«Ханъ и старѣйшины пребыли въ молчаніи.

«Открыта предо мной душа твоя,» — сказалъ наконецъ Батый величественно, но безъ гнѣва. «Я исполню желаніе твое, но потребую жертвы отъ Михаила.

«Какой? родитель мой.»

«Да поклонится Михаилъ Магомету, и преклонитъ колѣна предъ трономъ моимъ; тогда исполнится желаніе твое, ибо душа твоя открыта предо мною!» вѣщалъ Ханъ, всталъ отъ ложа своего, и удалился въ шатеръ покоя.

Цара умолкла. Колебаніе груди Зюлимы остановилось. Казалось, все существо ея устремилось къ отвѣту Михаила. Онъ рекъ:

«Я Славянинъ, — и это весь отвѣтъ мой!»

«Онъ очень тѣменъ,»—сказала Царевна, возставая, окаменѣнная предчувствіемъ.

Digitized by Google

«Какъ скоро началъ я чувствовать себя, поклялся быть вѣренъ Богу и отечеству, и съ симъ чувствомъ сниду въ гробъ. Надѣюсь, что мой Богъ и повелитель воздастъ мнѣ тамъ, гдѣ Цари и подданные, побѣжденные и побѣдители явятся въ природномъ образѣ своемъ!»

«Какой Монархъ на тронѣ величія своего откажется быть обладателемъ Золотой Орды и — Зюлимы!» сказала она съ кротостію, поприсшею душу Михаила. Жестокость не была основаніемъ сердца его.

«Ни одинъ!—вѣщалъ онъ,—кромѣ Князя Россійскаго, даже плѣннаго!»

«И намѣреніе твое непремѣнно, вѣчно?»

Какъ вѣченъ Богъ, коему мы оба поклянемся!»

«Я погубила тебя,—сказала Зюлима со вздохомъ,—я погубила тебя невозвратно; но и сама должна погибнуть. И если божества, создавшія Россіянъ и Ордынцевъ, освѣщающія Востокъ и Западъ, если божества сіи имѣютъ между собою что-либо общее, то мы встрѣтимся тамъ, и

Digitized by Google

быть можетъ, благость небесная проникнетъ твое сердце!»

Она оперлась на руку Цары и удалилась. Издали слышны были глухія ея рыданія.

«Се жертва тебѣ, Боже отцевъ моихъ!» вѣщалъ Михаилъ, и горькая слеза пала на грудь его; — се жертва тебѣ, мое отечество!»

Жестокое предчувствіе объяло тоскою души Михаила и Ѳеодора.

На утро слѣдующаго дня ввели обоихъ друзей въ шатеръ Ханскій. Великолѣпіе Востока блистало повсюду. Бапый, окруженный вельможами, въ царскомъ вѣнцѣ блистающемъ сидѣлъ на тронѣ. Подлѣ него Зюлима, блѣдная—какъ осенній мѣсяцъ, трепещущая—какъ юный миртъ отъ дыханія вихря.

Грозны и поражающи были взоры Царевы; громъ поселся на губахъ его, и молнія блистала въ каждомъ взглядѣ.

«Недостойный рабъ!» возгласилъ онъ:— «Небо уготовало тебѣ счастіе, какого не получатъ всѣ Цари земли! Ты могъ быть

моимъ преемникомъ и обладателемъ Зюлимы, дщери Батыевой, и ты ли отрицаешься?»

«Когда бы угодно было Небесамъ,—отвѣтствовалъ Михаилъ съ твердостію,—что бы ты содѣлался моимъ плѣнникомъ, и послѣ долгаго томленія предложилъ я тебѣ Княжну отъ роду Славенскаго, былъ ли бы ты вѣроломнымъ къ божеству отцевъ твоихъ, и поклонился ли мною исповѣдуемому?»

«Не требую умствованій, — рекъ Ханъ: — «намѣреніе мое твердо, и ни какая власть Свѣта премѣнить его несильна. Вотъ тронъ мой, вотъ дщерь моя! Избирай: ложе ли брачное, или костеръ пылающій!

Ѳеодоръ быстро взглянулъ на Князя, пожалъ дружелюбно руку его, и вѣщалъ Хану, указывая на небо:

«Тамъ наше ложе брачное!»

«Да будетъ такъ,»—вскричалъ Батый, и возсталъ съ ложа.

«Родитель мой!» возопила Зюлима болѣзненно, — и обняла его колѣна.

Digitized by Google

«Не прикасайся ко мнѣ, оверженная даже плѣнникомъ!» вѣщалъ Башый, отторгая ее отъ себя, —

«Не прикасайся ко мнѣ, пока не очищу твоего посрамленія.»

Онъ вышелъ, и всѣ за нимъ.

Подлѣ шатра Царскаго, подъ открытымъ небомъ возвышались два костра кедровые. Возженные пламенники вонзены въ землю. Исполнители воли мучителя повлекли узниковъ на костры, прикрѣпили вервіями руки ихъ и ноги къ столбамъ высокимъ. Пламенники коснулись кострамъ, и они воздымились; показался огнь, и восходя выше и выше, началъ касаться несчастныхъ. Ни одинъ вздохъ, ни одна болѣзненная черта не измѣняла лицъ ихъ!

«Еще время есть,»—рекъ Башый,—«спаси себя и друга; одно слово, и счастіе окружитъ тебя своимъ сіяніемъ.»

Узники хранили молчаніе; и се болѣзненный стонъ и вопль раздался среди народа и воинства. Тѣлохранители раздвинулись, и Башый обратившись узрѣлъ, —

Digitized by Google

кто пишетъ ужасъ его и отчаяніе?—онъ узрѣлъ Зюлиму, несомую четырмя рабынями. Кинжалъ вонзенъ въ грудь ея. Червленая кровь омывала сребристыя ея одежды. Уста и глаза были сомкнуты.

«Злополучный я, — возрыдалъ Башый, и — въ изнеможеніи силъ, палъ на руки воиновъ.

Царевну положили у косяка Михаилова.

«Ты на мѣстѣ смерти»—сказала ей тихо Цара, и Зюлима открыла погасшіе взоры свои.

«Михаилъ!» сказала она, простря къ нему руку свою: «я отмщаю себѣ за твою смерть! Да будетъ душа твоя путеводительницею моей къ жилищу Бога твоего. Въ послѣднія минуты жизни моей отрицаюсь вѣры Ордынскія. Помолись Божеству твоему, да—простивъ дѣтскія мои заблужденія, наградитъ своимъ помилованіемъ.»

Таковы были послѣднія слова умирающей.

Михаилъ, окруженный уже пламенемъ,

Digitized by Google

его пожирающимъ, собравъ послѣднія силы свои, возопилъ:

«Боже! услыши молитву ея.»

Его не стало, не стало и друга его, Ѳеодора, и едва Башый оперзъ глаза свои, онъ узрѣлъ:

Огни уже погашены, и трупы Михаила, Ѳеодора и Зюлимы просперты на землѣ.

«Ихъ нѣтъ болѣе!» возстеналъ онъ, и разтерзалъ ризы свои. «Христіанинъ лишилъ меня дщери любезныя. Онъ содѣлалъ меня несчастнѣйшимъ изъ подлунныхъ обитателей. О! лучше бы Михаилъ похитилъ тронъ мой и достояніе. Въ лѣсахъ и вертепахъ скитался бы я съ большимъ веселіемъ, нежели царствовать надъ ордами всего міра. Да обрушится же гнѣвъ мой на Россію. Кровью женъ и дѣтей ея смою я съ души моей пятна крови моея Зюлимы!»

Таковы были сѣтованія его во дни горести люты. Онъ не находилъ мира ни въ кругу любимцевъ, ни красотъ Двора его. Одни бранные звуки, рашные клики

Digitized by Google

и кровопролитія могли заглушить вопль совѣсти, и заставить забыть кровь дщери его, Зюлимы.

Онъ устремился на Россію. Долго свирѣпствовалъ въ ней, пожигая грады и храмы Божіи; пока наконецъ праведное Небо не послало мстителя. Кровожадный палъ бѣдственно на поляхъ Венгріи, и вскорѣ царство его, бывшее ужасомъ для сильнѣйшихъ, рушилось отъ битвъ междоусобныхъ.

Межъ тѣмъ тѣла Михаила и Ѳеодора, поверженные у холма прибрежнаго, покрыты были дланію Вышняго. Тлѣніе съ ужасомъ отъ нихъ уклонилось, и они содѣлались алтаремъ, у коего правовѣрные потомки шлютъ мольбы свои къ Предвѣчному.

Digitized by Google

ВЕЧЕРЪ X.

ЛЮБОСЛАВЪ.

—

Прекрасная заря вечерняя возсіяла на кроткомъ голубомъ небѣ. Румяные лучи ея озлащали крѣпкіе зубцы высокихъ башенъ града Турова и цвѣтныя кровли теремовъ Князя Любослава. Игривый вѣтерокъ, рѣзвясь въ пространствѣ воздушномъ, колебалъ листья кедровъ высокихъ, спускался на розу благовонную, и роскошно отдыхалъ въ объятіяхъ царицы цвѣтковъ прелестныя; вся природа, увеселяющаяся дневными трудами своими, простирала длани къ вожделѣнному успокоенію; одинъ Князь Любославъ, подобно камню, ударомъ грома вседробящаго отторженному отъ горной вершины, сидѣлъ у корня древняго дуба въ глубокомъ безмолвіи. Мрачное чело его подобно угрюмому холму, покрытому туманомъ осени дождли-

Digitized by Google

вья; взоры его кидали молніи суровыя; дыханіе груди раздавалось окрестъ, какъ стонъ вѣтра въ уплой гробницѣ безбожнаго! — Въ пасмурномъ отдаленіи стояли погруженные въ унынie два оруженосца Князевы: Велькаръ, отличный крѣпостью мышцъ своихъ, Зопаръ — славный мудростію совѣтовъ.

Любославъ восклонился на руку, подъялъ очи свои, и возвалъ къ небу, звѣздами цвѣтущему: «почто, мѣсяцъ любезный, такъ кротко помаваешь ты жемчужными власами, и вы, звѣзды сребристыя, пускаете трепещущія искры надъ главой мою! Прелести ваши способны вливать въ душу смертнаго радости живящія; но Любославъ чуждъ всего, что называется радостію; въ обширной странѣ своей онъ есть узникъ горести и томленія. Покрой, о мѣсяцъ, кристальное чело свое тучею непроницаемой; отклоните, звѣзды, яркіе взоры свои отъ Князя несчастнаго! Для духа моего способнѣе, вожделѣннѣе блуждать въ дубравахъ мрачныхъ, подъ чернымъ навѣсомъ пасмурнаго неба, озаря-

Digitized by Google

мымъ злашною молніею. Велькаръ! Зонаръ! слѣдуйте за мною.»

Возсталъ и пошелъ, подобно сполпу туманному, коего края озарены еще слабымъ свѣтомъ заходящаго мѣсяца: спутники его за нимъ послѣдовали.

Нощь прошла въ пѣшествіи. Сѣверная звѣзда возблистала надъ Востокомъ; полевыя птицы воспарили къ небу и воспѣли хвалу утреннюю непостижимому Зиждителю всего прекраснаго подъ солнцемъ. Спутники Князевы хранили глубокое безмолвіе; они не дерзали вопросить Повелителя, куда направлены блуждающія стопы его?—И се достигли они лѣса дремучаго, готоваго принять ихъ въ мрачныя нѣдра свои. Князь хотѣлъ продолжать, какъ Зонаръ, достигнувъ его съ преклоннымъ видомъ, воспрепилъ путь ему;—удивленный Князь остановился.

Зонаръ вѣщалъ: «Повелитель страны Туровскія! куда направляешь ты стопы свои? или безвѣстно тебѣ, что благочестивый инокъ Іоилъ обитаетъ среди дубравы сей?» — «Его ищу я,» отвѣчалъ

Князь: «съ нимъ хощу бесѣдовать, внять совѣтамъ его, и вопросить, какъ могу обрѣсти паки утраченный покой мой. Ничто въ мірѣ семъ не веселитъ меня. Я хощу увѣдать, не можетъ ли надежда міра инаго распоргнуть мрака, покрывающаго душу мою.—Шествуемъ!»

«Князь!» воззвалъ Зонаръ,—«отецъ отца моего повѣствовалъ мнѣ объ покоѣ Іоилѣ; ни съ кѣмъ не бесѣдуетъ онъ, какъ только съ человѣками! Совлеки багряницу съ рамень твоихъ, отполонь мечъ, щитъ и копіе повергни долу: и пако бывъ человѣкъ, вопроси мужа мудраго о врачествѣ для ранъ души твоей. Иначе — шествіе твое тщетно!»

Любославъ, движимый пѣкимъ невидимымъ побужденіемъ, впервые внялъ совѣтамъ чуждымъ, совлекъ украшенія блестящія и оружіе крѣпкое, и повергъ у подошвы древа пустынпаго; оруженосцы подражали ему и всѣ вступили въ обитель мрака дубравнаго.

До восхода солнечнаго продолжалось шествіе ихъ, и едва пурпуровые лучи вождя

Digitized by Google

свѣтилъ небесныхъ озарили вселенную, они узрѣли долину злачную, въ концѣ коея находилась пещера, дерномъ зеленымъ покрытая. По правую сторону оной извивался змеобразный ручей, пѣнящійся по дну песчаному; по лѣвую возвышался кресть; у подножія его видѣнъ былъ малый алтарь, при коемъ, преклонивъ колѣна, праведный Іоилъ возсылалъ мольбы свои къ Предвѣчному. Путники не дерзали прервать благоговѣйныхъ подвиговъ мужа древняго; въ робкомъ молчаніи ожидали конца жертвоприношенія священнаго, и когда возсіялъ онъ, Князь Любославъ, оставя оруженосцевъ при входѣ въ долину, подошелъ къ нему, преклонилъ чело до земли и вѣщалъ смиренно: «Святый обитатель дубравы! я пришелъ къ тебѣ повѣдать скорбь души моей и проснить совѣта: могу ли еще на землѣ сей обрѣсти себѣ счастіе? или оно уже не существуетъ для меня въ мірѣ семъ, исполненномъ неправды и разврата?»

Не мало мгновеній праведный старецъ взиралъ на пришельца: потомъ, указавъ

перстомъ на подножіе жертвенника дерноваго, вѣщалъ: «всякій несчастный есть любезный гость и сынъ мой. Сядь на семъ камнѣ и открой мнѣ раны сердца твоего. Да познаетъ врачъ великость болѣзни и тогда врачуетъ! Владыка народа Туровскаго! еще есть время исцѣлиться: не удивляйся, что я позналъ тебя. Посѣдѣвшій въ испытаніи дѣлъ Божіихъ не можетъ не познать земнаго Повелителя, хотя онъ обнажилъ себя отъ знаковъ власти и величія.»

«Исполню повелѣніе твое, священный жилець дубравы; повѣдаю тебѣ состояніе души моей,» вѣщалъ Князь. Старецъ сѣлъ на дернъ воскрай повелителя и внималъ словамъ его: «Десять разъ уже земля умирала подъ жезломъ зимы хладныя, и десять разъ воскресала отъ животворнаго лобызанія весны вожделѣнныя, какъ я, по смерти родителя моего, возсѣлъ на престолѣ земли Туровскія. Съ первыхъ лѣтъ юности моей страстно возлюбилъ я славу бранную; взоръ отрока ослаблялся при блескѣ мечей булатныхъ; слухъ

его плѣнялся трескомъ копій сокрушаемыхъ; зависть терзала сердце мое, когда внималъ я хвалебнымъ пѣснямъ бранноносному Святославу, или великому сыну его Владиміру, или другимъ Князьямъ и витязямъ земли Русскія. Ближніе Двора моего юноши, мои наперсники, проникли скорбь души моей и желали доставить ей успокоеніе. Князь! вѣщали они съ довѣренностью, изъ свѣтлыхъ взоровъ твоихъ почерпаемъ мы жизнь и веселіе; почто жъ они помрачаютъ души наши туманомъ унынія могильнаго? Что можетъ безпокоить Повелителя въ прекрасныхъ теремахъ его? Сила душевная и крѣпость тѣлесная являются въ каждомъ словѣ твоемъ, въ каждомъ движеніи! Если красота нѣкая уязвила бранолюбивое сердце твое,—повели, и одръ твой приметъ ее въ кроткія свои объятія прежде, нежели звѣзда полуночи осклабится на голубомъ небѣ. Друзей ли не достаетъ тебѣ? Увы! сколь злополучны мы, если державный Любославъ отвергаетъ сердца наши, отвергаетъ готовность нашу источить кровь до пос-

Digitized by Google

лѣдія капли, если только возможемъ чрезъ то призвать радость въ душу его, и озлатить уста улыбкой удовольствія?»

«Вѣрные друзья мои и товарищи! отвѣтствовалъ я сонму избранныхъ: благодареніе небесамъ, я не могу роптать на недостатокъ въ сердцахъ, мнѣ преданныхъ; мое же сердце заперто для прелестей дѣвическихъ! Славы жаждетъ душа моя, и я напаеваю въ бездѣйствіи, подобно младенцу, рано опорожненному отъ сосцевъ матернихъ; но вещественной славы мирнаго пастыря, хвалящагося знаніемъ слагать пѣсни пріятныя, — славы бранныя жаждетъ душа моя!—Потомокъ Игоря, Олега, Святослава и Владиміра не опочіетъ въ мирѣ, доколѣ страны далекія и народы разноязычные не воспрепещутъ при одномъ имени его и вожди ихъ не облобызаютъ прахъ ногъ его! Но гдѣ открою я пути къ славѣ сей блистательной? Погубный миръ въ предѣлахъ Русскихъ возгнѣздился; желанныя брани умолкли; витязи оспаются въ забытіи; сила и крѣпость преданы невниманію. Горе мнѣ! кто пока-

жетъ путь къ снисканію славы воинеля; кто успокоитъ душу мою въ ея треволненіи?»

Такъ бесѣдовали мы въ избранномъ кругѣ друзей испытанныхъ, за дубовымъ столомъ пиршественнымъ, вокругъ чаши меда сладкаго, и въ такихъ бесѣдахъ протекли многіе годы безъ дѣйствія. Горесть моя съ каждымъ днемъ возрастала, и наконецъ готова была превратиться въ отчаяніе, какъ однажды Гломаръ, одинъ изъ мудрѣйшихъ въ совѣтѣ и отважныхъ во бранихъ съ вепрями и медвѣдями, возвыся гласъ, вѣщалъ мнѣ:

«Познаю изъ добльственныхъ рѣчей доблесть духа твоего; познаю въ тебѣ великаго потомка владыкъ земли Славеновой. Не ропщи на миръ губительный, оковавшій славу твою цѣпями маковыми; мы должны расторгнуть ихъ. Война, одна война можетъ прославить имя мужа, порожденнаго, подобно низкому пахарю, услаждаться постыднымъ покоемъ и нѣгою.»

«Но, да не признаешь тебя робкое ма-

Digitized by Google

лодушіе сосѣдей рушителемъ союза, ими любимаго; изыщемъ способы, да другіе начально воздвигнутъ на насъ брань кровавую. Такъ великость ихъ посрамленія возвыситъ торжество наше! Достиженіе сея меты вожделѣнной беру я на свой отвѣтъ. На что и совѣтники Повелителю, когда не могутъ они изыскать средствъ къ доставленію ему отрады сладостныя? Вели сѣдлать быстрыхъ коней своихъ: мы отправимся на ловитву вепрей свирѣпыхъ, къ предѣламъ лѣсовъ Муромскихъ, въ дебряхъ непроходимыхъ.»

Вѣщалъ, — всѣ мы склонились на желанныя слова его: зазвучали рога, заржали кони на широкомъ дворѣ моемъ; оруженосцы берутъ луки и копья, и дружина наша изъ тридесяти всадниковъ оставляетъ Туровъ, и обратилась къ дубравамъ сосѣдственнымъ....

Два дни и двѣ нощи пробыли мы подъ открытымъ небомъ; звѣри дубравные встрѣчали насъ ревомъ своимъ, мы напрягали луки крѣпкіе; но Гломаръ совѣтами своими остановлялъ руки наши. Пожди-

Digitized by Google

ше, вѣщалъ онъ; не расточайше стрѣлъ быстротечныхъ; я найду для нихъ мету лучшую.

Съ утреннею зарей третьяго дня стояли мы на самыхъ рубежахъ Муромскихъ. Тогда всадники наши изгнали изъ лѣснаго вертепа вепря свирѣпаго: мы устремились къ нему, и, по желанію Гломара, преслѣдовали его далеко за ровъ пограничный; вепрь сокрылся въ дубравѣ; я устремился въ слѣдъ ему; но вѣрный Гломаръ, паки остановивъ меня, вѣщалъ: «не для того третій день скитаемся мы въ дебряхъ, сносимъ зной дня и хладъ ночи, чтобы толпой дружинѣ обогатиться добычей вепря единаго. Князь! близко время славы твоея; окажи себя достойнымъ потомкомъ Святослава!»

По его велѣнію мгновенно воспылалъ древній ясень и дубъ вѣковистый. Въ одинъ часъ пламя показалось въ двадесяти мѣстахъ лѣса, ибо Гломаръ повелѣлъ возжечь огнь каждому изъ сподвижниковъ, разсѣянныхъ по дебрямъ темныхъ лѣсовъ. Вѣпрь полунощный повѣялъ: трескъ отъ

Digitized by Google

пылающихъ деревъ наполнилъ окрестность; искры палетѣли на нивы созрѣлыя, и все кругомъ воспылало. Багровое зарево раскинуло крылія свои по небу Муромскому.

Вскорѣ отъ всей сосѣднихъ притекли пастыри и земледѣльцы отчаянные. Съ блѣдными лицами взирали они на огнь, и простирали къ нему руки, не имѣя другихъ орудій къ погашенію. Они какъ бы умоляли его сжалиться надъ ихъ хижинами, вблизи стоявшими. Гломаръ, приближась къ нимъ на конѣ своемъ, вѣщалъ гласомъ угрожающимъ:

«Несчастные клятвопреступники! не господствуетъ ли днесь союзъ мира между Туровомъ и Муромомъ? Не братская ли дружба заключена искони между владыками обоихъ Княжествъ? Почто же дерзнули вы вопреки условій пустить чрезъ рубежи свои вепря лѣсовъ Туровскихъ, и тако лишить насъ славныя добычи, а Князя нашего желаннаго имъ увеселенія? Вы еще не наказаны; если

звѣрь, укрывшійся въ дубравѣ сей, не будетъ вами живой или мертвый доставленъ на границы наши,—мщеніе жестокое, но праведное, постигнетъ тогда васъ, женъ и дѣтей вашихъ!»

Мы оставили пораженныхъ ужасомъ Муромцевъ, и съ веселіемъ пустились въ обратный путь. Я не могъ довольно возблагодарить мудрому другу моему, Гломару, за открытіе толико близкаго и надежнаго пути къ храму воинской славы. Съ нетерпѣніемъ юноши, когда онъ подъ кроткимъ небомъ ночи Майскія, преклонясь къ тополу серебристому, при каждомъ колебаніи вѣтвей его пріятно содрогается, мня видѣть идущую къ нему его возлюбленную, давно ожидаемую: съ такимъ точно нетерпѣніемъ ожидалъ яословъ отъ Миродара, Князя Муромскаго. По велѣнію моему рубежи Туровскіе уставлены были полчищами юношей раненыхъ; весь градъ наполнился звукомъ мечей, щитовъ и копій; вездѣ раздавались пѣсни побѣдныя, и я впервые опочилъ съ сладостнымъ біеніемъ сердца, мня

Digitized by Google

вскорѣ видѣть себя въ вѣнцѣ побѣды.

Послы Муромскіе не замедлили явиться на дворѣ моемъ; то были—старецъ, коего бѣлая брада означала уже преклонность вѣка, и два юноши въ льняныхъ одеждахъ полувооруженные. Каждый изъ нихъ имѣлъ по единому легкому копію, остріемъ къ землѣ обращенному.

Старецъ вѣщалъ мнѣ: «Повелитель страны Туровскія! Вина прихода нашего тебѣ извѣстна: что угодно тебѣ: вонзишь ли копія сіи въ землю, сокрушить рановница, и тако обнаружишь добрый миръ между народами; или острія ихъ воздвигнуть къ верху, и дозволишь брани насытить алчную челюсть свою трупами падшихъ воителей? Ты разворилъ часть владѣній нашихъ; пожегъ пашни и хижины; священная справедливость требуетъ, да воздашь должное обиженному. Миродаръ предаетъ въ волю твою: выдай намъ три литры злата чистаго или готовься встрѣтить бурю военную. Народы - отдаленные увидятъ тогда, ку-

да промыслъ Вышняго склонитъ перстъ побѣды!»

Рѣчь сія, отъ лица владыки Муромскаго ко мнѣ произнесенная, наполнила сердце мое восторгомъ радости. Гломаръ далъ мнѣ знакъ, и я принялъ видъ гнѣвный, раздраженный.

«Безразсудный старецъ!» воззвалъ я съ тесоваго крыльца своего: «кто можетъ предписывать мнѣ законы, не испытавъ прежде крѣпости мышцы моей! Война кровопролитная да рѣшитъ прю мою съ Миродаромъ!» — Послы подняли въ верхъ остріями копья свои, и медленно направили обратный путь. Тогда Гломаръ, осклабя уста свои, вѣщалъ: юный повелитель! не извѣстны тебѣ хитрость и коварство Миродаровы. Познавъ, что ты ищешь состязаться съ нимъ оружіемъ, онъ мало-по-малу будетъ понижать безстыдныя свои требованія, и тако отдалять минуту, когда долженъ ты вѣнчаться вѣнцемъ славы бранныя. Благоразуміе пребудетъ, да однимъ движеніемъ перста твоего пресѣчешь ему пути къ ми-

Digitized by Google

ру, единому прибѣжищу для владыкъ слабыхъ.»

Онъ возшекъ спѣшно на коня своего, и устремился со двора Княжескаго. Ратная дружина ему послѣдовала.

Вскорѣ узрѣлъ я паки вѣрнаго Гломара. Послы Миродаровы отягчены были оковами. Тщетно вопіяли они о правахъ своихъ, царицая ихъ Божескими. Ревностный другъ мой не внималъ буйнымъ ихъ умствованіямъ, и мрачная темница сокрыла ихъ отъ праведнаго наказанія за дерзость, оказанную ими въ моемъ присутствіи.

Свершивъ дѣло сіе, я и воинство мое остатокъ дня провели въ приготовленіи къ пути на брань свирѣпую. Раннее солнце озлатило шлемы наши вблизи рубежей граничныхъ; къ полудню хоругви наши развѣвались отъ воздуха Муромскаго: только спѣшно было шествіе юношей, ищущихъ славы себѣ и своему повелителю.

Съ радостнымъ предчувствіемъ сердецъ вступили мы въ землю враждебную, и не обрѣтая ни кого, могущаго намъ сопро-

Digitized by Google

тпвиться, продолжали свое шествіе. Внезапу небо померкло отъ спрѣлъ свистящихъ; топотъ и шумъ, пресѣкъ и крикъ раздались отвсюду, и мы узрѣли себя окруженныхъ ратію Муромскою. Сѣча была жестокая; кровь обагрила землю злачную. Всадники мои падали стремглавъ съ коней своихъ; изнеможенные утоляли жажду изъ ручья, текущаго—кровію друзей и непріятелей. Подобно вепрю уязвленному, вращался я во всѣ страны; наконецъ конь мой палъ, и я ощутилъ рану въ бедрѣ моемъ.

«Судьба неправосудная! вскричалъ я въ полной ярости своей: неужели должно мнѣ обратиться въ бѣгъ постыдный?»

Собравъ послѣднія силы, оградясь щитомъ и воздвигнувъ мечъ, пробилъ я ряды вражескіе и достигъ рубежей Туровскихъ. Едва довлекся я до явора пѣнистаго, силы меня оставили, мечъ и щитъ исторглись изъ рукъ моихъ,—я палъ на землю, и очи мои смежились безчувствіемъ. Падшая роса вечерняя раздражила рану мою; воспрянулъ я отъ сна смертнаго, и о

крестъ себя познаю Гломара и нѣкіихъ изъ друзей моихъ. Огни возжены повсюду; ратники, раздѣленные на нѣсколько дружинѣ, возлежали на холмахъ и припекали раны тяжкія. Въ недальнемъ отъ меня разстояніи узрѣлъ я трофеи, составленные изъ одеждъ и оружій Муромскихъ; у ногъ моихъ стояло довольное число витязей вражескихъ, въ одѣяніи блестящемъ; руки ихъ скрѣплены были вервіями.

«Праведное небо! воззвалъ я, обратясь къ Гломару: что значитъ все, мною зримое? или полчища мои?» — «Юноша неопытный! отвѣтствовалъ Гломаръ, заключа меня въ объятія; полчища твои разсѣяны, какъ разсѣвается прахъ подъ крыломъ ревущаго вихря, и се зришь ты остатки ихъ на холмахъ. Но почто народу твоему знать участь, тебя постигшую, когда она неблагопріятна? Чело войны измѣнчиво. Сей разъ воззрѣла она къ тебѣ кровавымъ окомъ негодованія за столь долгое твое бездѣйствіе; въ другой разъ осклабитъ къ тебѣ уста свои, какъ невѣста къ жениху. Познай, что совершилъ

Digitized by Google

я, и что свершить намѣренъ: Муромцы, видя насъ, однихъ поверженныхъ, другихъ разсѣянныхъ, спокойно направили путь къ своей столицѣ. Едва удалились они, я остановилъ рады свои, собралъ останки воедино, и паки обратился на поле битвы. По моему велѣнію, всѣ мертвые и раненые Муромцы обнажены отъ одеждъ своихъ; оружіе ихъ тщательно собрано, и соединенное съ оружіемъ падшихъ Туранъ, воздвигло сей курганъ высокій. Тогда устремляюсь я къ веси сосѣдственной, похищаю старцевъ, юношей и пастырей безоружныхъ, облачаю ихъ въ одежды знатныхъ Муромцевъ, коихъ лица представятъ они при торжественномъ вшествіи твоемъ во градъ престольный. Уже посланы гонцы возвѣстившіе тебѣ твою побѣду и скорое возвращеніе.»

Облобызалъ я Гломара, друга вѣрнаго и вождя опытнаго. Къ ранѣ моей приложено зеліе цѣлебное. Вся ночь прошла въ бесѣдѣ объ ужасахъ дня минувшаго. Наутро мы въ торжествѣ двинулись къ Ту-

Digitized by Google

рову; на третій день узрѣли высокія башни его.

Радостный вопль народа, мѣшаясь со звономъ бубновъ и кимваловъ, колебалъ воздухъ. Старцы, юноши, жены и дѣвы Туровскіе вышли намъ во срѣтеніе и усыпали путь цвѣтами по моему велѣнію; захваченные пастыри Муромскіе — да не возвѣстятъ народу вашему сей побѣды — всенародно преданы острею меча. Вошелъ я въ свои палаты бѣлокаменныя, и широкій дворъ мой покрылся пиршественными столами для воиновъ и народа. Пѣсни и пиршія были обильныя; побѣдныя пѣсни юношей услаждали слухъ мой. Торжественные огни воспылали на стогнахъ градскихъ; упоенный радостію, возлегъ я на ложе свое. Колико сладостна мысль и о побѣдѣ минмой! Что же чувствуетъ нынѣшній побѣдитель?

Digitized by Google

ВЕЧЕРЪ XI.

—

«Недолговременно было торжество мое. Въ часы той же почи, при свѣтѣ мѣсяца полнаго, узрѣлъ я окрестъ себя тысячи тѣней окровавленныхъ. Померкшія, свинцовыя очи ихъ ко мнѣ обращены были. Тѣни простирали персты съ угрозами, открывали пазявленныя перси, и глухимъ, могильнымъ гласомъ шептали: мы невинные Муромцы, падшіе подъ остріемъ мучительнаго меча твоего! Кровь наша не отмщена еще!»

«Хладный потъ оросилъ чело мое. Члены мои отяжелѣли, какъ бревна дубовыя. Мозгъ въ головѣ моей превратился въ ледъ. Мало-по-малу начинаю ощущать біеніе своего сердца, и—укрѣпясь бодростію, вопрошаю съ гнѣвомъ: чего хощете вы, ужасные изверги мрачнаго ада? — Твоего мученія! было мнѣ отвѣтствовано. — Не

Digitized by Google

прежде избавился я отъ сихъ мрачныхъ духовъ — мстителей, какъ по явленіи въ чертогѣ моемъ зари утренней.

«Но почто, праведный старецъ, удручаешь слухъ твой, обыкшій внимать пѣнію Херувимовъ, обильнымъ повѣствованіемъ моихъ горестей? Съ почи тоя ужасныя, до сего времени, враги мои меня не оставляютъ. Въ каждую ночь, едва возлягу я на ложе свое, они являются, и время отъ времени становятся дерзостнѣе, неукротимѣе!

«Бѣдствіе мое повѣдалъ я вѣрному другу моему, Гломару; удивленіе его было несказанно, и онъ вину всего возложилъ на мое малодушіе. Изнемогая подъ тяжестію скорби, обтекъ я тщательно всѣ храмы Туровскіе, щедро раздавалъ дары обильные на украшеніе ликовъ Угодничьихъ, чая получить, и не получая облегченія.

«Се зришь — я пришелъ къ тебѣ. Если и твои молитвы не спасутъ несчастнаго, ему ничего не останется, какъ, повергшись въ бездну отчаянія, совершить тако бѣдственную судьбу свою!»

Digitized by Google

Князь Любославъ умолкъ. Онъ устремилъ въ землю взоры свои, и не дерзалъ воззрѣть на старца. Сей, пребывъ нѣкія мгновенія въ равномъ молчаніи, вѣщалъ:

«Державный повелитель земли Туровскія! Прежде, нежели постигли тебя ужасы почные, ты долженъ былъ помыслить, сколькимъ ужасамъ дневнымъ и ночнымъ предавалъ ты на жертву своихъ подданныхъ во всѣ дни своего владычества? Ты жаждалъ славы. Похвально было стремленіе души твоей. Но развѣ слава пріобрѣтается хищеніемъ и убійствами? Какой злый духъ внушилъ тебѣ сію мысль позорную? Не для того мечъ данъ мужу сильному, чтобы поражать слабыхъ и невинныхъ; но да оборонятъ ихъ онъ неправедныхъ! Что есть Князь славы? Онъ есть благодѣтель своихъ подданныхъ! Кто жестокихъ честолюбцевъ называлъ славными? Нашлось ли хотя одно сердце, которое во внутренности своей благословляло бы нечестиваго Нерона, безумнаго Калигулу, свирѣпаго Тамерлана и безчеловѣчнаго Аттилу! Съ ужасомъ и досто-

нымъ проклятіемъ произносятся имена сихъ изверговъ рода человѣческаго, и небесное проклятіе опочіетъ на костяхъ ихъ до скончанія вѣковъ! — Неужели плавающее въ крови человѣчество воздвигнетъ алтари чудовищу? Если бы ты дошелъ до такого безумія, что — подобно древнему Македонцу, коему гнусное ласкательство присвоило имя Великаго, не ужаснулся наречь себя единственнымъ сыномъ Міродержателя; неужели возмнишь, что чернь, приносящая тебѣ жертвы, въ самомъ дѣлѣ боготворитъ тебя? Знай, честолюбивый юноша! почтеннѣе, спокойнѣе сладостнѣе остаться въ хижинѣ благимъ, добродѣтельнымъ человѣкомъ, чѣмъ видѣть воздвиженные себѣ алтари, въ коихъ будутъ поклоняться тебѣ, яко богу злобному, ненавистному. Что можетъ прельщать тебя въ участи дерзкаго Свѣтоносца, поставившаго престолъ свой на Сѣверѣ, напротивъ престола Бога Вседержителя, и послѣ низверженнаго въ пучины геэнскія? — Таковой-то славы жаждала душа твоя!

Digitized by Google

«И такъ, если ты хочешь исправить путь свой и быть счастливъ, внемли, разсуди и повели: коварный потворникъ слабостей твоихъ, Гломаръ, со всею дружиною любимою, да изженется навсегда отъ Двора твоего Княжескаго!»

«Какъ! мой другъ, мой вѣрный другъ, Гломаръ!» вскричалъ Князь въ недоумѣніи и горести.

«Онъ самый!» отвѣтствовалъ старецъ: «онъ есть такой же другъ тебѣ, какъ адемскій змѣй праматери, Евѣ, когда онъ прельстилъ ее вкусить отъ плода познанія добра и зла.

«На чреду Гломара возвели мудраго Дорада!» — «Какъ! того мужа суроваго, который никогда не является ко мнѣ безъ упрековъ?»

«Не дѣлай преступленій, и упреки исчезнутъ! Послѣ сего иди ко Князю Миродару; склони предъ нимъ выю свою; награди семейства, тобою разоренныя, заставь оныя обильемъ своихъ благотвореній забыть обиды, тобою учиненныя; и тогда—надѣюсь на благость небесную,—

ты можешь ожидать облегченія въ своихъ горестяхъ.»

Князь вѣщалъ: «таковое самовольное покорство предъ Княземъ Муромскимъ, не покроетъ ли стыдомъ мою діадиму, и не унизитъ ли славы моего народа?»

«Никогда! — верхъ славы Порфирородца есть — смирить себя въ дѣлѣ неправомъ.»

«Такое пожертвованіе своимъ личествомъ любезнѣе предъ взоромъ Судіи звѣзднаго всѣхъ жертвъ твоихъ и колѣнопреклоненій. Онъ воззритъ къ тебѣ окомъ отеческимъ, и ты примиришься съ оскорбленнымъ человѣчествомъ.»

Вѣщалъ древній пустынножитель, и Князь позналъ мудрость его совѣтовъ. Съ благодарными слезами на очахъ, палъ онъ на выю его, и старецъ, исполненный духа провидѣнія, сказалъ: «сынъ мой! не истребляй шепереныхъ чувствъ твоихъ, и ты будешь благополученъ. О Любославъ, поищись увѣриться въ душѣ своей, что промыслъ Вышняго не съ тѣмъ посылаетъ землѣ образъ власти своей въ равныхъ намъ сочеловѣкахъ, чтобы они искали ми-

мой славы въ убійствахъ и опустошеніяхъ. Сынъ мой! каждая слеза подданнаго, невинно пролитая тобою, взвѣшена будетъ на вѣсахъ безкорыстнаго правосудія. Сколь многими, сколь горькими слезами долженъ будешь нѣкогда смывать слѣды своихъ заблужденій!»

Князь изторгся изъ объятій мужа священнаго, и пошелъ въ свою столицу. Едва вступилъ онъ на пространный дворъ свой, повелѣлъ приблизиться къ себѣ Гломару и избранной дружинѣ его. Не знали тогда Князи Россійскіе ничтожной политики, Греками изобрѣтенной, чтобы опідаляпь опъ себя невѣрныхъ подданныхъ, не дерзая объявить вину своей немилости. Князь самъ возвѣщалъ и гнѣвъ свой и милость. Любославъ произнесъ, предъ всѣми Двора своего, къ Гломару рѣчь сію:

«Нынѣ увѣрился я, что ты не можешь быть другомъ вѣнчаннаго. Если бъ я былъ единъ изъ подданныхъ, ты бы могъ быть пріятнѣйшимъ моимъ собесѣдникомъ; но я повелитель, и ты не можешь быть дру-

Digitized by Google

гомъ моимъ; ибо любишь одного меня, а не цѣлое отечество, коего главою поставленъ я по волѣ Провидѣнія. Нынѣ признаю, что любящій въ Государѣ одного человѣка, не долженъ быть къ нему приближенъ. Самая дружба, безъ всякихъ превратныхъ побужденій корысти и любочестія, дѣлаетъ уже его льстецомъ опаснымъ. Льстецъ, приближенный къ повелителю, есть ядовитый змѣй, коего ласканіямъ ни кто вѣрить не долженъ. Гломаръ! запрещаю тебѣ казаться взору моему совокупно со всею твоею дружиной; строгій мужъ, правдивый Дорадъ, да приметъ званіе первенствующаго вельможи при Княжескомъ Дворѣ моемъ.»

Велѣнія Князей не коснѣли безъ исполненія: Гломаръ оставилъ Туровъ, и Дорадъ возсѣлъ на позлащенномъ стулѣ, въ чертогѣ Совѣта. Ввѣривъ неутомимому Дораду бразды Туровскаго правленія, облеченный въ броню ратника неизвѣстнаго, въ сопровожденіи Велькара и малой дружины, Любославъ оставилъ чертоги свои златоверхіе, оставилъ врата Туров-

Digitized by Google

скія, и устремился къ лѣсамъ Муромскимъ.

Солнце небесное распустило уже власы свои багровые по небу вечернему. Оно готово было погрузиться въ нѣдра мрака вечерняго. Унылый Князь сошелъ съ усталаго коня своего, и повелѣлъ у корней сосенъ и елей готовиться къ провожденію ночи. Мало-по-малу ночь возлегла на лѣсахъ, холмахъ, долинахъ.

Князь вѣщалъ: «не удивляйтесь скорби, наложившей печать свою на чело мое. — Цѣлый день провели мы въ путешествіи, и ни одного Туровца не встрѣчали взоры наши съ улыбкой веселія; всякой изъ нихъ видѣлъ во мнѣ своего повелителя, и всѣ, издали узрѣвъ меня, укрывались въ густотѣ древесной, какъ бы при встрѣчѣ вепря лютаго.»

«И сіе кажется дивно тебѣ, Князь?» вопросилъ Велькаръ съ пасмурнымъ взоромъ.

«Не могу неудивляться, когда я съ Гломаромъ исходилъ на ловитву вепрей и медвѣдей, подданные мои стремились ко мнѣ во срѣщеніе; восклицали радостными

Digitized by Google

гласами, лобызали стремена у подошвы плащ монахъ; веселіе встрѣчало меня и сопровождало до отдыха вечерняго.—Нынѣ, —отвѣтствовалъ Велькаръ, — нынѣ истина начала тебѣ открывать чело свое. Или не свѣдомъ ты о средствахъ, употребленныхъ для того, чтобы исторгнуть у народа знаки радости, прежде изъявляемой народомъ предъ тобою? Познай же ихъ: едва возсѣдалъ ты на коня своего, а уже послушники Гломаровы, вооруженные бичами свистящими, разсыпались по граду: ударами принуждали мужей и женъ идти тебѣ во срѣтеніе; научали ихъ словамъ, каковыя они должны были произносить предъ тобою. Шуйцею отирая обильныя слезы горести, десницу простерши къ тебѣ въ знакъ радости, окостенѣлымъ отъ ужаса языкомъ они восклицали: здравъ буди, Князь благодѣтельный! И едва ты сокрывался, они падали на колѣна, воздѣвали длани къ небу миротворному, и съ рыданіемъ восклицали: Боже Праведный! или исправь его, или насъ отъ него избавь!»

Digitized by Google

Князь погрузился въ думу тяжкую, и желанный сонъ далеко отлетѣлъ отъ мѣста успокоенія.

Прошекли все пространство земли Туровскія, и Князь былъ встрѣчаемъ одними звѣрями дубравными. Горе повелителю, когда подвластный ему народъ спрашится его!

Отъ самыхъ рубежей до града Мурома зрѣли они явленіянныя. Пастыри спокойно отдыхали при стадахъ своихъ, и возвѣщали о страхѣ своемъ только при появленіи волка, или медвѣдя. Витязи Муромскіе, поражающіе звѣрей кровоядныхъ, познавъ въ странникахъ пословъ Любослава, забыли вражду свою и обиды его. Съ братскою пріязнію привѣтствовали они странниковъ. Любославъ вступилъ въ чертоги Миродара, и обрѣлъ старца, возлежащаго при трапезѣ. Подлѣ него, съ правой стороны, возсѣдали вожди и старѣйшины; съ лѣвой дщерь его единственная, голубоокая Гликерія, съ подругами своими и пѣснями. На лаптяхъ ея отливали розы весны пятнадесятой.

Digitized by Google

Любославъ вѣщалъ: «Повелитель земли Туровскія! Державный владыка нашъ желаетъ тебѣ мира и здравія. Если ты въ чемъ обиженъ отъ него, онъ воздастъ должное удовлетвореніе; ибо сердце его не жестоко. Возвѣсти, чего хощешь ты, и онъ склонится на твое хотѣніе. Онъ хощетъ отъ тебя взаимно мира и дружбы долголѣтныя!»

Престарѣлый Миродаръ отвѣтствовалъ: «Послы неразумные! Неужели думаете вы, что Князь, любимый народомъ, когда либо можетъ быть оскорбленъ иноземцемъ. Сердца подданныхъ есть такой щитъ, котораго никакія копья пробить не сильны! Не я обиженъ Любославомъ, но онъ самъ собою. Такъ! онъ истребилъ часть лѣсовъ моихъ, разорилъ нѣсколько моихъ подданныхъ, но они ни мало не несчастны. Для чего жъ владѣю я народными сокровищами, какъ не для вспоможенія имъ во время нужды? Се дщерь моя — Гликерія! Зришь ли хотя одно украшеніе на ней отъ злата, маргаритъ и камней цвѣтныхъ? Одна роза, возникшая подъ рукою

ли и тѣхъ, кои притекаютъ къ нему съ объявленіемъ войны жестокія. Неужели сдѣлаетъ то съ вѣстниками мира?»

Предложеніе принято съ доброхотствомъ. Три дни провели они въ пиршествахъ. Любославъ, возсѣдящій за столомъ Княжескимъ, съ каждымъ мигомъ пролетающимъ болѣе и болѣе впивалъ въ себя отраву любви изъ свѣтлыхъ взоровъ Княжны прелестныя. Позналъ Велькаръ новую язву сердца его, и Князь повѣдалъ ея причину.

«Бѣжимъ, Князь,» вѣщалъ онъ: «бѣжимъ поспѣшно, пока есть еще возможность. Миродаръ никогда не склонится наречь тебя сыномъ своимъ: толико и одно имя твое ужасно для его слуха.

«Тщетно будешь ты истаивать въ мучительномъ томленіи, и лучъ отрады не освѣтитъ мрака души твоей.»

«Или погибну,—или буду обладать красами Гликеріи!» сказалъ Князь съ рѣшимостію, и удалился въ чертогъ покоя.

Но покой удалился отъ ложа его, и дремота сладкая не посѣтила вѣждъ Кня-

го познайте вы, что даровать мнѣ миръ Любославъ не властенъ. Я въ мирѣ самъ съ собою и съ моимъ народомъ! Какого жъ мира еще онъ можетъ желать мнѣ?»

«Но,» вѣщалъ удивленный Любославъ, и смятеніе разлилось по высокому челу его: «онъ требуетъ отъ тебя мира и дружбы!»

«Дарю миръ, но не дружбу! быть другомъ честолюбцу неразумному, неограниченному — и вредно и попосло.»

«И се послѣднія рѣчи твои?»

«И твердыя, какъ сей мечъ, висящій при бедрѣ моемъ.»

Любославъ, преклонивъ выю, пошелъ изъ чертога съ унынiемъ. Дружина его за нимъ. Шли они посреди двора, и се настигаетъ ихъ Чашникъ Княжескій: «Мужи Туровскіе!» возвалъ онъ, «и вы и кони ваши отъ дальняго пути утомились. Миродаръ приглашаетъ васъ опочить въ сей храминѣ, на дворѣ его. Вкусите яствъ его и испейте меду сладкаго. Князь нашъ обыкъ не отпускать со двора своего утомленны-

ся помышлялося. Тысячи предпріятій вращались въ мысляхъ его. Едва останавливалась рѣшимость его на одной мысли, внезапно съ другой стороны являлось сомнѣніе; онъ опровергалъ первое, и устремлялся къ послѣднему.

Тако страждущій пловецъ, сражаясь съ волнами моря бурнаго, между обломковъ корабля разрушеннаго, видитъ доску ушлую, слабую удержать его на зыблющемся хребтѣ бездонной влаги, и объемлетъ оную съ веселіемъ. Онъ оставляетъ ее, поспѣшая къ древу огромному. Оно сильно сдержать его; но длани человѣка не могутъ обнять во всю толстоту его: онѣ скользятъ, и несчастный по необходимости предается на произволъ ревущія бездны.

Въ такомъ состояніи духа былъ Любославъ недоумѣвающій, какъ златое солнце просперло взоры свои въ чертогъ покоя. Велькаръ съ дружиною явился внять повелѣніямъ Владыки своего, и Князь возвалъ: «Идемъ въ чертоги Миродаровы. Хощу испытать, конецъ ли моимъ бѣд-

Digitized by Google

ствіямъ, или неумолимая доселѣ судьба — до конца проліетъ на меня фіалъ гнѣва своего.» — Они приблизились къ высокому престолу Князя Муромскаго, и Любославъ вѣщалъ:

«Державный повелитель Мурома! Доволенъ я твоимъ угощеніемъ; много обязанъ твоею ласкою. Но истинная вина моего прибытія доселѣ тебѣ не извѣстна. Достоинства несравненныя дщери твоея — достигли до слуха моего Повелителя. Онъ хощетъ сохранить съ тобою миръ и дружбу на времена грядущія.

«Любославъ моими устами предлагаетъ тебѣ желаніе сердца своего, раздѣлить съ нею престолъ и судьбу свою! Что возвѣщу я Владыкѣ Туровскому?»

Миродаръ пребылъ въ молчаніи. Взоры его обращались перемѣнно то на мудрыхъ совѣтниковъ и на милую дщерь свою, то на вѣстника Любославова. Наконецъ онъ отвѣтствуетъ:

«Возвѣсти благодарность мою Владыкѣ Туровскому, за его добрыя мысли о дщери моей. Но купно увѣрь его, что она не

Digitized by Google

создана сдѣлать его благополучнымъ. Она воспитана посреди мирныхъ переменъ моихъ, и никогда не слыхала звука трубы бранныя. Подобно юной незабудкѣ, цвѣла она подъ питательною сѣнію любви родительской. Сердце ея ужасается при одной мысли о кровавыхъ подвигахъ. Любославъ жаждетъ славы бранныя, и громкіе вопли побѣдные нѣжатъ слухъ его, какъ журчаніе ручья кротkаго услаждаетъ пушника во дни знойные.»

Любославъ вѣщалъ: «Повелитель мой премѣнилъ путь ко счастію. Душа его жаждетъ теперь тишины благословенныя. Когда соединитъ онъ силы свои съ силами Муромскими, тогда хищные сосѣди не дерзнутъ подъять прощувъ кого-либо изъ васъ копій брани, и тако миръ крѣпкій оградитъ сѣнію своею оба Княжества и ихъ повелителей!»

«Что возвѣстишъ на сіе дщерь моя?» рекъ старецъ, обратясь къ Гликеріи.

«Родитель мой!» вѣщала Княжна съ преклонными взорами, и ланиты ея покрылись бѣлизною лилій, сердце трепетало

Digitized by Google

сильно въ груди прекрасныя: «Родитель мой! если и теперь будешь ты ко дщери своей толико жъ милостивъ, колико былъ доселѣ; если насиліе противно сердцу твоему, чуждо твоему родительскому, доброму сердцу: то не дѣлай меня несчастною! Соединеніе съ Княземъ Туровскимъ погубитъ меня, какъ погубляешь блескъ молніи, едва возникшую изъ материнихъ нѣдръ земныхъ юную незабудку.»

«Не огорчу дщери единственныя, дщери любимыя,» рекъ Князь, и возсталъ съ сѣдалища. «Возвѣсти о семъ твоему Повелителю.»

Гликерія повергласъ въ отеческія объятія; совѣтники радостно воскликнули. Любославъ исторгся изъ черпога съ дружиною; мрачная туча сердечной скорби покрыла чело его.

Digitized by Google

ВЕЧЕРЪ XII.

Повелѣть громамъ, пробѣгающимъ поверхъ ущесовъ кремнистыхъ, да умолкнутъ; или палящему перуну, да сокроетъ въ облакахъ свинцовыхъ смертоносныя очи свои; или вихрю неукротимому, да сложитъ на чело земли крылія свои быстропарящія, — возможно власти единаго Міродержавителя!

Повелѣть буйному движенію сердца своего, пылающаго гнѣвомъ или мщеніемъ, да укротитъ порывы неистовства; или духу своему, мятущемуся киченіемъ любочестія, да смиритъ его браздою любомудрія; или предразсудку закоренѣлому, да откроетъ очи дремавшія и узритъ истину въ свѣтѣ ея,—достойно мудрости мужа великаго!

И таковъ, ко славѣ своей и счастію народа подданнаго, явился Любославъ и

въ духѣ и въ сердцѣ своемъ. Подъ различными предлогами отдалялъ онъ день своего отбытія изъ Мурома. Миродаръ былъ доволенъ его присутствіемъ. Любославъ повѣствовалъ ему и дщери его о доблестяхъ рапныхъ великихъ предковъ крови Славеновой, о ихъ презрѣніи къ бѣдствіямъ, скромности въ торжествахъ побѣдныхъ.

Миродаръ осклаблялъ старческія уста свои, и наконецъ сказалъ: «Поразить злодѣя, умышляющаго на нашу свободу; презрѣть пораженнаго и даровать прочный миръ народамъ: въ семъ только полагаю я истинную славу мудраго рапоборца.»

Наконецъ Любославъ оставилъ чертоги Миродаровы. Съ каждымъ мигомъ, отдалявшимъ его отъ стѣнъ Мурома, гордость и надменность его исчезали. Достигъ онъ рубежей Туровскихъ, и воззвалъ къ дружинѣ своей: «Друзья мои и сподвижники! Да будете вы свидѣтелями клятвы вашего Повелителя. Отнынѣ славу свою да посвящаю я въ обладаніи народомъ счастливымъ; богатства мои да измѣрю любовію народа моего; побѣды мои да взнѣ-

Digitized by Google

сятся на вѣсахъ великодушія! Но сокрылось отъ взора моего, сколько въ области Туровской полей невоздѣланныхъ, лѣсовъ неочищенныхъ; ибо руки, долженствовавшія управлять плугомъ и сѣкирою, отягчены были мечами крѣпкими и копьями дебелыми: суетное украшеніе черпоговъ Княжескихъ! одна любовь народа да будетъ отнынѣ моею спражею!»

«Да изженутся изъ столицы моей пѣвцы Польскіе и плясавицы Богемскія! Они питались потомъ моего добраго народа. Богатства мои безчисленны: да идетъ единъ изъ васъ, и на рубежахъ женолюбивыхъ Грековъ обмѣнишъ ихъ на злато, и серебро, и сельскія издѣлія. Познаю мудрость Миродара: все мое—не есть мое, а моего народа; я спражъ верховный и распорядитель его сокровищъ.»

Такъ вѣщалъ Любославъ, и сопутники возслали молитвы къ Богу милосердія, за премѣну сердца его, толико вожделѣнную.

О, колико могущественна любовь въ сердцахъ открытыхъ, въ душахъ мечтами невозмущенныхъ!

Digitized by Google

Златовидное солнце бросало уже багряные лучи свои на вершины дубовъ и вязовъ, и Князь, среди мрачной дубравы, совсѣмъ неожиданно узрѣлъ селеніе многолюдное. Тамъ, гдѣ дикіе вепри и медвѣди основали древле жилище свое, нынѣ ликовали мирные пастыри и орапаи. Старцы, увѣнчанные класами пшеницы, возлежали при корняхъ древесныхъ. Юноши и дѣвы веселились въ пляскахъ отцевъ своихъ. Отроки, украшенные цвѣтами сельскими, стояли подлѣ старцевъ, съ сосудами меда пѣнистаго. Сладкіе звуки свирѣлей окрестъ раздавались.

Единъ отъ старѣйшихъ, узрѣвъ прибывшіе воиновъ незнаемыхъ, вѣщалъ: «кто бы вы ни были, странные витязи, возсядьте съ нами. Се день торжества по окончаніи жатвы; се день благодарности нашей къ Богу милосердому и къ Князю Любославу, ущедрившему насъ миромъ и счастіемъ!»

Едва произнесъ онъ слова сіи, сонмъ юношей возгремѣлъ въ пѣніи: «да будетъ первая хвала Богу великому и всеблаго-

Digitized by Google

му,—вторая Князю мудрому и милостивому. Долго стенали мы подъ тяжестію латъ желѣзныхъ, и не могли воззрѣть на солнце Божіе, изъ-подъ пѣни шлемовъ нашихъ. Се повелѣлъ владыка Туровскій, и мы паки въ объятіяхъ родства, дружбы и отчизны.»

Дѣвы отвѣтствовали имъ кроткимъ, упоевающимъ пѣніемъ:

«Долго сердца наши жертвовали тоскѣ, о вашемъ возвращеніи. Тонки и ломки стебли розы и лиліи; настанетъ буря свирѣпая, — куда онѣ преклонятъ распускающіяся пѣдра свои, если широколиственный дубъ не укроетъ ихъ подъ щитомъ крѣпости своей? да будетъ первая хвала наша Богу,—вторая Князю!»

Крупныя слезы пали изъ очей Князя, и струились по его ланитамъ. Въ первый разъ позналъ онъ, сколь сладостно мужу вѣнчанному быть между его народомъ во образѣ Бога благости! Но онъ не постигалъ, какъ могъ заслужить любовь всемѣстную, когда едва только предпринялъ о томъ помыслить.

Digitized by Google

Два дня шелъ онъ путемъ своимъ, и верхи стѣнъ Туровскихъ возблистали. На каждомъ шагѣ зрѣлъ онъ подданныхъ счастливыхъ, веселящихся о Князѣ своемъ.

И се желѣзныя врата столицы отверзлись. Старцы, мужи, жены и дѣвы съ отроками, изшли ему во срѣтеніе. Сѣдовласый Дорадъ, приближась къ нему, вѣщалъ:

«Великъ Богъ! о, Князь земли Туровскія. Я рабъ твой и готовъ облобызать прахъ ногъ твоихъ; но ты благороденъ, и люблю тебя: дозволь пасть на выю твою. Подъ симъ отверзтымъ небомъ, при взорахъ сего народа, я дамъ отчетъ въ управленіи моемъ, твоимъ достояніемъ. Ни злата, ни серебра, ни тканей драгоцѣнныхъ, ни камней самоцвѣтныхъ нѣтъ у тебя болѣе: все обращено на пользу, а не на суетность. Все обмѣнялъ я — на любовь къ тебѣ народную!»

Въ величественномъ молчаніи Князь низшелъ съ коня своего, преклонилъ колѣна предъ изображеніемъ Божіимъ, держимымъ въ рукахъ верховнаго Священнослужителя, и воскликнулъ:

Digitized by Google

«Турине! народъ храбрый, великодушный! Я, по Богѣ, отецъ вашъ. Дорадъ! благородный мужъ и другъ мой! я буду въ собственныхъ глазахъ достойнѣе, когда удостоюсь получить отъ тебя имя друга и брата младшаго!»

Проходя широкій дворъ свой, Князь съудивленіемъ увидѣлъ крайнее малолюдство. «Гдѣ же, воззвалъ онъ, цѣлохранители мои многочисленные? гдѣ псари мои? гдѣ трубачи, всегда встрѣчавшіе меня у прага чертоговъ?»

«О, Князь! вѣщалъ Дорадъ: всѣхъ зрѣлъ ты у врашъ двора твоего. Все излишнее, а потому и вредное, удалено отъ чертоговъ твоихъ. Я желалъ, чтобы цѣлохранителями твоими были — всѣ Турине, а нынѣ всѣ они таковы. На что тебѣ звуки трубные? Гласъ любви народной, спокойнѣе любезнѣе. На что тебѣ шуты дворцовые? Кто любимъ, тотъ не имѣетъ нужды въ посторонемъ развлеченіи.»

По крыльцу шесовому взошли они въ чертоги пространные. Удивился Князь, узрѣвъ Пословъ всѣхъ сосѣднихъ Князей

Digitized by Google

и даже отъ странъ отдаленныхъ. Въ знакъ чести достойныя, преклонили они главы свои, и единъ изъ нихъ вѣщалъ: «здравія и долгодействія могущему Любославу, владыкѣ Туровскому, желаетъ повелитель мой и весь народъ его! Се посылаетъ онъ тебѣ дары свои, и хощетъ слова твоего Княжескаго о продолженіи къ нему дружбы братскія — и мира для его народа!»—«Уста его рекли и наши слова,» воскликнули другіе Послы, и предложили дары свои.

Любославъ ласково принялъ предложенія, повелѣлъ одарить каждаго по достоинству, и отпустилъ ихъ, возсылающихъ ему хвалу и благодареніе.

«Князь!» началъ рѣчь Дорадъ сѣдоглавый: «се зримъ мы разность между истиннымъ и мнимымъ величіемъ. Кто изъ Владѣтелей Россійскихъ искалъ доселѣ союза твоего и дружбы, когда ты появлялся народу, окружаемый стѣною твоихъ оруженосцевъ? Днесь, — когда нѣтъ при тебѣ ни единаго щѣлохранителя, днесь присылаются къ тебѣ Послы отъ странъ

далекихъ, да испросятъ и миръ и дружбу! Какая вина сему? Они познали, что нынѣ ты могущественнѣе всѣхъ ихъ; ибо весь народъ твой есть твой сильнѣйшій щѣлохранитель!»

Успокоясь отъ пути дальняго, Князь возсѣлъ на престолѣ правосудія. Чертоги его были открыты всякому, не взирая на одежды златотканыя, или рубища ничтожныя. Всякая неправда, предъ лицемъ его произнесенная, достойно была наказана. Вскорѣ познали всѣ, что Князя Любослава обманчивою личиной обольстить невозможно, и преступленія постепенно умалялись, и къ исходу зимы суровыя Князь не зрѣлъ уже у подножія престола своего ни обвиняющихъ, ни обвиняемыхъ. Одни друзья избранные, съ искренними сердцами и свѣтлыми лицами, окружали блестящій престолъ Повелителя.

Возсіяла весна желанная на лонѣ земли Туровскія, и кроткою рукой украсила холмы и долины, травою злачною и цвѣтами прелестными. Забилось сердце повели-

теля съ новою силою, — онъ вспомнилъ о Миродарѣ и о любезной дщери его.

«Сѣдлайте быстраго коня моего,» возвалъ онъ къ Велькару и дружинѣ: «заутра идемъ въ страну Муромскую, къ доброму Князю, Миродару госпепріимному.«

Паки сѣдовласый Дорадъ приялъ въ руки свои бразды правленія. Князь и сопутники его отправились путемъ своимъ. Шествіе ихъ было мирно; хвалебныя пѣсни встрѣчали ихъ; благословенія сопровождали.

Быстрокрылая молва, носясь по весямъ и дебрямъ, по холмамъ и долинамъ, возвѣстила всѣмъ о вступленіи Князя Любослава въ предѣлы земли Муромскія. «Благословенно шествіе его,» вѣщалъ Миродаръ, обратясь къ друзьямъ своимъ. «Нынѣ повелитель Туровскій перемѣнился; изъ надменнаго, гордаго юноши онъ учинился примѣромъ вождей и повелителей. Если онъ и до сихъ поръ не охладилъ любви своей къ моей Гликеріи, я, испрося благословенія у Небесъ, вручу ему руку ея и нареку любезнымъ сыномъ своимъ! Иди-

ше, оруженосцы, ему во срѣтеніе. Повѣдайте, что враша двора моего отверзты, и готовы столы мои съ яствами обильными и питіемъ сладкимъ!»

Пала хладная роса вечерняя на лоно розы пустынныя. Зарыдала Гликерія, въ дѣвическомъ теремѣ своемъ. На влажныхъ рѣсницахъ ея плавали сребристыя искры мѣсяца свѣтлаго; она вѣщала къ нему: «Прелестенъ взоръ твой, свѣтило любезное; катишься ты на равнинахъ неба безоблачнаго! Никто не совратитъ тебя съ пути избраннаго. Такова цвѣла я доселѣ, въ чертогахъ отца моего. Но что зрю я? Почто ты дозволяешь облакамъ мрачнымъ разстилаться по свѣтлому челу твоему? Ахъ! видно и надъ тобою власть высшая.»

«Прелестная Княжна!» вѣщала къ ней вѣрная мама ея: «что значитъ скорбь, носящаяся на лицѣ твоемъ? Колико счастлива ты, если Князь Туровскій изберетъ тебя супругой! Прелесть власти и господства украситъ жизнь твою.»—«Увы!» Гликерія отвѣтствовала: «спокрашко бы-

Digitized by Google

ла бы я счастливѣе, не бывъ дщерію Повелителя! Познай, вѣрная подруга дѣтства моего и наставница, — скорѣе сойду я во гробъ, чѣмъ опочію на ложѣ Любослава. Сердце мое невольно отдалось иному. Обладатель его есть бывшій у насъ вѣстникъ Двора Туровскаго. Почто родитель мой дозволилъ мнѣ видѣть его? Почто ежедневно угощалъ его за столами нашими?»

Болѣзнующая мама идетъ въ чертогъ своего Повелителя тайными входами, и повѣдаетъ ему сокровеніе души дщери его прелестныя.

Несказанно пораженъ былъ Князь во глубинѣ души своей. «Что предпріемлю я? Кого огорчить вознамѣрюся? Благороднаго ли сосѣда моего, Князя Любослава, или дщерь единственную? Въ какомъ затрудненіи бываетъ иногда сердце родителя!» — Часть ночи провелъ Князь въ совѣщаніяхъ съ своими друзьями, и звѣзда утренняя нашла его бодрствующимъ.

Наконецъ, вѣщалъ онъ: «не забылъ я словъ родителя моего, вѣщавшаго устами

Digitized by Google

предковъ своихъ, что Повелитель міровъ, если провидѣнію его благоугодно поразить сердца смертныхъ горестію, избираетъ предметомъ гнѣва своего мужей крѣпкихъ.

«Они поразятся, но не падутъ подъ ударомъ пораженія. Сердце жены есть стекло ломкое: оно прекрасно, доколѣ не сокрушено; малѣйшая неосторожность — и его нѣтъ. Откажу Любославу въ его требованіи. Народъ мой сжалится надъ старцемъ вѣнчаннымъ, и не возропщетъ. Любославъ мудръ и не восхощетъ умножать монхъ горестей.»

Тако рекъ Князь, и широкая дверь храмины его отверзлась быстро. Окруженный юношами Туровскими, Велькаръ является въ бронѣ блестящей. Онъ предстаетъ Князю и вѣщаетъ:

«Миръ и благоденствіе и владыкѣ и народу Муромскому! Князь земли Туровскія, повелитель мой, пришекъ уже на широкій дворъ твой; но пиршества твои ему не надобны. Дополѣ не сойдетъ онъ съ хребта рапнаго коня своего и не вступитъ въ свѣтлые чертоги твои, доколѣ

не наречешь его желанным зятем своим. Если сіе не угодно тебѣ, онъ обращается вспять; но пребудь покоенъ, и желанія отъѣзжающаго будутъ исполнены сердечнаго желанія тебѣ мира и благоденствія.»

Умолкъ. По нѣкоторомъ размышленіи, Миродаръ отвѣтствовалъ:

«Если бы сонзволенія Судьбы сопровождали всегда желанія смертныхъ, то участь ихъ была бы подобна блаженству жителей неба. Объяви повелителю твоему и дружбу и любовь мою братскую; но дщери моея не отдамъ ему. За счастіе пріялъ бы я отъ Неба—возможность имѣть Любослава сыномъ своимъ; но онъ не восхощетъ насилія: сердце дщери моей передано уже Радиму, бывшему Послу его при Дворѣ моемъ. Клянусь прахомъ отца моего, Радимъ будетъ супругомъ Гликеріи и наслѣдникомъ престола Муромскаго.»

Внявъ рѣчи сіи, Велькаръ улыбнулся. Не сдѣлавъ обычнаго преклоненія предъ повелителемъ, быстро исторгся онъ изъ храмины. Негодованіе разлилось во во-

Digitized by Google

рахъ Князя и совѣтниковъ. Таковая дерзость была неслыханная, и Миродаръ предвидѣлъ въ ней ясное объявленіе войны кровавыя. Въ кроткомъ сердцѣ его вращались чувства различныя. Какъ соединишъ мужъ добродѣтельный двѣ противоборствующія страсти: любовь ко дщери и любовь къ народу! Онъ зрѣлъ милую Гликерію, со слезою восхищенія восходящую на ложе брачное; но, увы! ложе сіе плавало въ крови народа, и огнь свирѣпствовалъ въ чертогахъ.

Не могъ онъ произнесть еще ни единаго слова, какъ является внезапь величественный, въ стальной бронѣ, украшенной сребромъ и златомъ. Вокругъ тяжелаго шлема его изсѣчена была хитрою рукой златая діадима Княжеская. Приближась къ Князю, преклонилъ онъ колѣно и вѣщалъ: «Если правдивы слова твои, повелитель Мурома, что сердце Гликеріи прелестныя склонно къ Радиму, то сей благополучный смертный предстоишъ предъ тобою. Познай въ гостѣ твоемъ, Радимѣ — Любослава Туровскаго!»

Digitized by Google

Возсталъ онъ. Миродаръ съ радостнымъ крикомъ палъ на выю его. Витязи и совѣтники восплескали; веселые трубные звуки раздались повсюду.

Скоро вняла Гликерія винѣ толикой радости, и сердце ея, дотолѣ оледенѣлое, сладостно затрепетало въ груди лебединой.

Въ тотъ же день благословеніе Священнослужителя соединило ихъ узами любви и счастія.

Такъ Любославъ позналъ наконецъ, что единая кротость и милосердіе къ народу, могутъ осчастливить повелителя.

Протекли дни пиртествъ обычныхъ, Любославъ оставилъ веселые чертоги Миродаровы, потекъ ко граду отеческому, и съ кроткою, прелестною супругою возсѣлъ на престолѣ отцевъ своихъ. Явился къ нему праведный пустынножитель Іоилъ, и вѣщалъ:

«Благословеніе неба и земли да почіетъ на главѣ твоей, Повелитель! Днесь увѣрилась душа твоя, что не въ побѣдахъ бранныхъ, не въ торжествахъ кровавыхъ,

Digitized by Google

не въ имени завоевателя—пріобрѣтаемся счастіе владыкъ земли! Пройдутъ мѣсяцы и годы, пройдутъ вѣки цѣлые; мѣдь и мраморъ сокрушатся, истлѣютъ кости и въ прахъ обратятся; все исчезнетъ, кромѣ воспоминанія добродѣтели, или злодѣйства. Отдаленнѣйшее потомство или прославитъ, или предастъ проклятію души наши.»

Блаженъ, стократно блаженъ тотъ, кто цѣлыми племенами, по разрушеніи земнаго бытія своего, отъ безпристрастнаго потомства нареченъ будетъ добродѣтельнымъ! Истинный, великій Судія міра не отринетъ его отъ отеческихъ вѣковъ своихъ.

Digitized by Google

ВЕЧЕРЪ XIII.

ИГОРЬ.

—

Быстрокрылыя крылія твои, о счастіе! Полетъ твой есть полетъ молніи! Кто изъ сыновъ и дщерей земли дерзнетъ подать законы твоему стремленію? Кто изъ великихъ міра сего наложитъ цѣпи на легкокрылыя ноги твои, и прикуетъ къ жизненной колесницѣ своей? Никто,— ниже изъ багрянороснцевъ земли Славеновой! Единый перстъ Обладателя вселенныя указываетъ пути полету твоему, вратящееся счастіе!

Туманомъ покрыты были власы восшекающаго надъ градомъ Кіевомъ Свѣтовида. Сизый Днѣпръ съ глухимъ ревомъ медленно катилъ въ берегахъ волны свои; умолкло пѣніе птицъ сладкогласныхъ. Одинъ вранъ чернокрылый издавалъ вопли

Digitized by Google

по дубравѣ, — и хищный волкъ впорилъ ему грознымъ завываніемъ.

Воспекла юная супруга воюющаго Игоря, Князя Кіевскаго, прекрасная Ольга, съ одра златошканаго. Мрачными взорами узрѣла она, съ высокаго терема своего, и горы и долы Кіевскіе, и волны Днѣпровскія, и дубравы пѣнистыя. Воздохнула она объ отсутствіи супруга своего, рашующаго въ предѣлахъ земли Древлянскія. Давно уже златоверхій теремъ ея обезлюдѣлъ, и ложе брачное охладѣло.

«Друзья мои и совѣтники,» вѣщала она къ избраннымъ спарѣйшинамъ Двора Князева: «сердце мое ноетъ въ груди мятущейся, и слезы текутъ изъ очей моихъ, дабы, подобно перловому ожерелью, унизать выю мою. Горькое чувство скорби непредвидимой ослабило руки мои, и я не могу простерть ихъ для объятій юнаго Святослава. Знаменія утра его суть отголоски ночи той, въ которую узрѣлъ меня впервые Игорь вонзившенный. Ахъ! они были тогда предтечами моего счастія; теперь должны быть, по вѣщанію премудрыхъ,

Digitized by Google

вѣстниками горести безутѣшныя! Внемлите словамъ моимъ, и, если можно, совѣтами своими утѣшьте сердце жены любящія и любимыя.

«Ревѣлъ мутный Волховъ въ берегахъ своихъ; молніи терзали покровъ неба ярящагося; градъ сбивалъ вѣтви съ дубовъ и елей долговѣчныхъ; громъ рыкалъ среди областей небесныхъ ужасно, и заглушалъ ревъ безчисленныхъ стай медвѣдей, обитателей лѣсовъ великаго Новагрода. Въ дождѣ безпредѣльномъ горько рыдала природа, подобно сѣтующей невѣстѣ, грядущей за гробомъ жениха своего, несомаго съ поля брани.

«Въ утлой хижинѣ отца моего обитала я на брегу Волхова. За двѣ весны предъ тѣмъ сошелъ онъ въ могилу, оставя мнѣ хижину, ладію и сѣти рыболовныя — все достояніе рыбаря убогаго. Съ трепещущимъ сердцемъ, преклонивъ колѣна, возсылала я мольбы предъ скудельнымъ изображеніемъ Перуна, громовластителя. Мгновенно дверь хижины растворяется, и — при безпрерывномъ блескѣ молніи, я зрю

Digitized by Google

юнаго витязя, въ бронѣ серебряной, опоясаннаго мечемъ грознымъ. Ни самъ свирѣпый Ній * не попрясъ бы толико робкаго сердца моего своимъ появленіемъ.

«Дщерь Славенская! вѣщалъ витязь, — не покрова ищу я въ хижинѣ сей; сердце твое да успокоится! Воинства, мною предводимыя, какъ скоро Зимцерла освѣтитъ мрачную ризу ночи сея, сразятся съ врагами отечества. И враги и друзья на другомъ берегу Волхова. Безъ меня, вождя своего, разсѣются они по дубравамъ и долинамъ, какъ стадо голубей отъ спада врановъ хищныхъ. Громы и молніи, бури и сумракъ, не воспятятъ вождю Россому притечь къ воинству своему въ часы битвы кровавыя; я долженъ быть на другомъ берегу. Знаю, сколь мышцы твои слабы разсѣкать весломъ волны пѣнистыя; я управлю ладіею; ты объявляй мнѣ путь, по коему можетъ шечь она, не подвергшись мелямъ и прешковеніямъ.»

«Мы взошли въ ладію малую. Витязь

* Славенскій богъ ада.

Digitized by Google

напрягъ крѣпкія мышцы свои, и по моему указанію разсѣкалъ волны свирѣпыя. Долго боролся онъ съ враждебными стихіями; наконецъ—благодареніе грозному Посвисту *! — восходящее изъ-за тучь солнце освѣтило насъ на другомъ брегѣ Волхова. Вещунъ долго взиралъ на меня взоромъ вниманельнымъ, и вопросилъ попомъ: «имя твое, прелесть незнакомая?»

«Ольга, имя мое, отвѣтствовала я; и непонятный трепетъ разлился въ груди моей; и я чувствовала пурпуръ, озаривший мои ланиты.

«Кто располагаетъ твоею участью?»

Воля боговъ небожителей!

«Богиня Лада не вѣнчала тебя розовымъ вѣнкомъ своимъ?»

Дѣвическій поясъ мой не разрѣшенъ еще.

При семъ вещунъ снимаетъ съ себя цѣпь златую, возлагаетъ на выю мою, и гласомъ, подобнымъ гласу арфы сладкозвучной, вѣщаетъ мнѣ: Ольга! я странникъ здѣсь, и ничего не имѣю оставить тебѣ

* Славенскій богъ вѣтровъ.

Digitized by Google

въ знакъ памяти за твою услугу! Береги цѣпь сію. Если я паду теперь на битвѣ кровавой, ты вручи ее жениху своему; если же останусь побѣдителемъ, не замедлю явиться къ тебѣ, и обмѣню залогъ сей другимъ, тебя достойнѣйшимъ. Взойди въ ладью свою, и спѣши въ хижину. Скоро брега сіи застонутъ отъ воплей поражающихъ и стоновъ пораженныхъ.»

«Такъ вѣщалъ витязь, запечатлѣлъ поцѣлуй на ланитѣ моей, и скрылся въ чащѣ дубравной. Медленно плыла я по укротившимся водамъ Волхова; теченіе струй его направляло ходъ ладіи моей: ибо возможность управлять весломъ моимъ—забыта.

«Въ продолженіе двухъ грустныхъ дней, отъ зари утренней до зари вечерней, склонясь на пень дуба древняго, сидѣла я на брегу мутнаго Волхова. Прелестный Погода * развѣвалъ власы мои по груди трепещущей. Цвѣты благоухали; кроткія волны рѣзвились въ объятіяхъ береговъ

* Зефиръ Славенскій.

Digitized by Google

своихъ; но я ничему не внимала. Блуждающіе взоры мои обращены были на отдаленные лѣса и горы, отколѣ чаяла я узрѣть или любезнаго винніяя, или величественную пѣнь его: — ибо онъ при разставаніи нашемъ обѣщалъ мнѣ или по, или другое. Мнѣ казалось, что прощальный поцѣлуй его все еще пылалъ на моей ланитѣ.

«Настолъ и третій день,—и при восшествіи на небѣ нашемъ свѣтила великаго, внняла я громкимъ воплямъ на брегѣ отдаленномъ. Сердце мое содрогнулось,—и я не дерзала возвесть взоръ свой на мѣсто опасное. Постепенно гулъ, шумъ и говоръ людскій, ко мнѣ приближающійся, меня ободряютъ; я возспаю отъ дерна цвѣтущаго—и зрю у ногъ моихъ винніяя, мнѣ любезнаго. Онъ окруженъ былъ мужами доблественными, въ доспѣхахъ рашныхъ. Изумленіе мое было неописанно. Онъ беретъ цѣпь свою съ выи моей, и возлагаетъ на свою. Снимаетъ перстень съ руки своей, и вручивъ мнѣ, взываетъ: се залогъ благополучія Славянъ и ихъ пле-

мени. Ольга, сегодня будешь ты моею супругою! — Я, Игорь, повелитель великаго Новаграда и всея земли Славенскія.»

«Въ полубезчувствіи пала я въ объятія витязя державнаго; послѣдовала за нимъ во градъ великій, въ чертоги Княжескіе, и съ слезящимъ взоромъ благодарности къ богамъ покровителямъ, воззрѣла на восходящую звѣзду вечернюю, съ высокаго ложа Игорева.

Быстропекущи крылія твои, о счастіе! Полетъ твой есть полетъ молніи!—Куда отвращаешь ты ясные взоры свои отъ ложа Ольги державныя?

Пыль подъемлется высоко на дворѣ Княжескомъ, и задыхающійся вѣстникъ, впорхшійся къ Княгинѣ, вѣщаетъ: «Бери на руки младаго сына своего Святослава, и теки во срѣтеніе отца его. Онъ съ дружиною стоитъ предъ врагами града Кіева. Грозно чело его, подобно тучѣ, и безмолвныя уста, кажется, предвѣщаютъ удары гибельные. Иди ему во срѣтеніе.»

Прижавъ юнаго сына къ родительской груди своей, пораженная Ольга, въ сопут-

Digitized by Google

спѣ Бояръ и дѣтей ихъ, исходитъ со двора Княжескаго.

Быстро протекаетъ она стогны града обширнаго, и является на брегу Днѣпра быстротечнаго.

Храбрая дружина узрѣла ее, и глубокой стонъ раздался по долинѣ. Мрачные взоры воиновъ и крѣпкія руки опустились. Они раздѣлили ряды свои, и се — на песку сыпучемъ, на четырехъ желѣзныхъ щитахъ распростертъ былъ витязь, подобно крѣпкому кедру, падшему при корнѣ отъ удара громоваго. Блѣдны были ланиты его; блестящіе нѣкогда доспѣхи покрыты пылью и кровію; сомкнувшіяся уста, казалось, грозили еще врагу дерзновенному; глава его покоилась на златомъ щитѣ; у ногъ его лежали копіе, мечъ и колчанъ безъ стрѣлъ.

Приблизилась Ольга къ смертному одру витязя, преклонила колѣна, облобызала уста хладныя, очи помертвѣлыя, рану на груди, облитую кровію, и — вставъ, рекла къ воинству: «идемъ ко граду престольному! трупъ его хощетъ признаны, духъ его ал-

чепъ мщенія! Тѣнь великая, успокойся. Ольга доспавшихъ тебѣ и то и другое.»

Она возспала въ безмолвіи; воины подняли на рамена свои одръ витязя, и обратились къ Кіеву. На челѣ Ольги невидно было ни черты горести; во взорахъ ея ни тѣни печали. Толико безпредѣльны были и горесть и печаль Ольги державныя.

Позналъ Кіевъ потерю свою невозвратную, и вопли скорби и сѣтованія разлились на широкихъ спогнахъ его. Быстро отверзались врата желѣзныя, и мужи и старцы и жены и дѣвы, подобно валу Днѣпрову, гонимому крыломъ Посвиста, пошли на срѣтеніе дружины рапиной. Воззрѣли они на одръ высокій, и вопли и стоны потрясли вѣтви дубовъ и вязовъ прибрежныхъ. Они воспѣли пѣсни горести надъ прахомъ мужа великаго.

Воины. Палъ витязь,—и не возстанетъ отъ одра своего! Зазвучитъ труба бранная, и онъ не осклабится! Возстанутъ и возрыдаютъ враги пораженные, и сердце его не затрепещетъ отъ радости! Уста

Digitized by Google

вишняя сомкнулись, сердце великаго оледенѣло!

Граждане. Палъ владыка Кіева, — и не всхлипнетъ онъ одра своего! Спекутся на широкій дворъ его и граждане и странники, и не возвеселится онъ за столами дубовыми! Воспоютъ ему пѣсни похвальныя, и онъ не ободритъ ихъ взоромъ привѣтливымъ! Уста веселыя сомкнулись, сердце гостепріимнаго оледенѣло!

Воины. Палъ сильный, — и не всхлипнетъ онъ одра своего! Пролетитъ средь неба громъ побѣдъ сыновъ его, и онъ не совосплещетъ общей радости! Повергнутъ побѣжденные къ престолу Росскому дани богатыя, и онъ не простретъ къ нимъ длани своей! Глубоко въ землѣ прострется онъ; — тяжелый курганъ налажетъ на грудь его!

Граждане. Палъ мудрый, и не всхлипнетъ онъ одра своего! Притекутъ ко вратамъ двора его и вдовы и сироты, и онъ не изречетъ къ нимъ: дѣти мои!—Воздадутъ хвалу его кротости и милосердію, и онъ не воззоветъ къ нимъ: друзья мои!—

Digitized by Google

Исплѣетъ въ упробѣ земли сердце благородное, одинъ могильный холмъ возвѣститъ вѣкамъ: былъ онъ.

Всп. Палъ Игорь—и не возспанетъ отъ одра своего!—Палъ витязь сильный, палъ владыка мудрый! Тяжко оковалъ его сонъ смерти цѣпями желѣзными! Не возбудится онъ и не возстанетъ на гласъ народа своего и воинства! Одинъ могильный холмъ возвѣститъ намъ и родамъ отдаленнымъ: былъ онъ — и нѣтъ его!

Такъ пѣли воины и граждане, шествуя за прахомъ Повелителя, и наполняли воздухъ плачемъ и воплемъ. Достигли они холма высокаго, изкопали на вершинѣ его могилу глубокую, и опустили въ нее остатки мужа сильнаго. Туда низпущенъ любимый конь его, товарищъ вѣрный въ битвахъ тяжкихъ; туда повержены тяжелый щитъ его и мечъ булатный; туда вся сбруя богатырская.

Златовласый Свѣтовидъ, спускаясь уныло за лѣса и горы, послѣднимъ взоромъ своимъ освѣтилъ высокій курганъ надъ прахомъ Игоревымъ. Но возвратясь паки

Digitized by Google

на небо Кіевское, узрѣлъ онъ плачъ, и внялъ стонамъ цѣлаго народа и воинства надъ могилою своего Повелителя.

Смерть, обладательница всего живущаго подъ солнцемъ! Кому изъ вѣнценосцевъ ужасно остріе косы твоей? Тому ли, который дни жизни своей исчислялъ числомъ благотвореній? Тому ли, котораго широкій дворъ былъ надежнымъ убѣжищемъ сироты и вдовицы? Тому ли, который ополчался на брань и заключалъ союзы не по личной злобѣ или пристрастію, но единственно для блага дѣтей своихъ и братій, для блага народа, ему подвластнаго? Нѣтъ! таковый вѣстницка новыя жизни вспрѣнитъ съ улыбкой любви и надежды воздаянія. Одни подданные оплачутъ его и должны оплакать слезами горькими: ибо ясное, кроткое, благотворное солнце ихъ закатилось, и они остаются во тьмѣ сомнѣнія, не будетъ ли на мѣсто его новое солнце, взошедшее на высоту поднебесную, покрыто тучами, въ нѣдрахъ своихъ скрывающими громы рыкающіе и молніи смерторазящія!

Digitized by Google

ВЕЧЕРЪ XIV.

АЛЕКСАНДРЪ.

—

Багряное солнце разлило сквозь густое облако послѣдніе лучи по землѣ туманной, и погрузило златые власы свои въ море крови человѣческой.

Кто воздвигъ нынѣ мгновенно на ровной долинѣ сіи холмы высокіе, взгроможденные изъ труповъ пораженныхъ? Вчера еще украшалась она нивами волнистыми, древами плодоносными. Какой ужасный вихрь изторгъ благословеніе полей и вертоградовъ, насѣялъ землю расперзанными членами и одождилъ ее кровію ближнихъ?

Клубомъ вьется дымъ отъ огней ночныхъ, мѣшается съ сизымъ туманомъ и густымъ паромъ свѣжей крови. Сквозь сію, едва проницаемую сѣнь, вдали, подобно озеру безбрежному, мелькаетъ въ сумракѣ древняя столица Галловъ, нѣкогда шум-

Digitized by Google

ная, пщеславная, нынѣ безмолвная, неутѣшная. Тѣни сраженныхъ сыновъ ея, познавшія пищу кипѣнія своего, черными полпами носились надъ нею, и изъ кровавыхъ мрачныхъ взоровъ сѣяли на сѣдую главу ея стыдъ, горесть и раскаяніе.

Отъ высокихъ стѣнъ сея столицы, на пространствѣ необозримомъ лежали трупы Галловъ и коней ихъ, подобно снопамъ пшеницы, падшимъ на землю подъ косою селянина. Жадная смерть, съ улыбкой восторга, покрыла ихъ дланію тлѣнія. Легкій вѣтръ наносилъ со страны ихъ ночные крики враговъ, устремленныхъ на свою добычу.

На ближнихъ холмахъ сихъ, у безчисленныхъ огней, возлежали сыны Русскіе, изторгнутые изъ предѣловъ земли благословенныя, изъ отечества страстно любимаго, да поразятъ вѣроломныхъ Галловъ, и нарушителей міра, измѣнниковъ противъ Царей земныхъ и Царя горняго, да истребятъ ихъ въ самомъ сердцѣ ядовитаго гнѣздилища! — Россіяне припекали у огней раны свои тяжелыя, и въ тихихъ

молитвахъ возносили благодарность Богу и своему Повелителю, положившимъ конецъ ихъ подвигамъ славнымъ, конецъ блистательный!

Глубокая полночь раскинула надъ воинствомъ черныя крылія. Мало-по-малу огни, сокращаясь, угасли. Сонъ благотворный кроткою дланію смежилъ очи ратоборцевъ, и въ сладкихъ видѣніяхъ наполнялъ сердца ихъ всѣми успѣхами побѣды. Улыбка украшала уста ихъ, и они—возлегая на сырой землѣ, обрызганной ихъ потомъ и кровію, покоились. Мѣсяцъ, раздравъ наконецъ завѣсу облачную, открылъ робкое чело свое, и разсыпалъ власы сребристые по волнамъ воздушнымъ.

Но кто два витязя сіи, медленно шествующіе по долинѣ? — Величественна поступь ихъ и благородна. Они, приближась къ дубу древнему, на полы раздробленному ударами ядръ громоносныхъ, остановились, и предшествующій изъ нихъ погрузился въ думу глубокую. Въ туманныхъ взорахъ его изображалось нѣкое недоумѣніе. Устремленный на свѣтлый мѣсяцъ и звѣз-

Digitized by Google

ды мерцающія, взоръ его прояснился; умиленіе разлилалось по высокому челу его, и кротость въ ангельской улыбкѣ. Но, обращась къ столицѣ Галловъ, взоръ его мгновенно покрывался тѣнью негодованія, сбирая громъ на устахъ его, и изъ груди вылеталъ вздохъ тяжелый.

«Видишь ли,» сказалъ онъ къ другому, положа длань свою на отторгнутую вершину дуба:—«видишь ли древо сіе? до сего утра было оно украшеніемъ долины, убѣжищемъ путника во время бури, прохладой его во время зноя. Можетъ быть, прошло столѣтіе, пока достигло оно до высоты своей; тщетно ревѣли надъ нимъ громы небесные, оно уцѣлѣло: но раздался громъ преисподній — и оно обезглавлено, и сдѣлалось остовомъ.»

«Воззри, сподвижникъ мой, на древнюю Люпецію, вдали синѣющуюся. Сколько прошло вѣковъ отъ ея рожденія! Сколькіе роды родовъ въ стѣнахъ ея благоденствовали! Сколько великихъ Царей и полководцевъ отличалось въ ней мудростію правленія и побѣдами! Но настанетъ утро

— и по манію перста моего раздадутся новые громы, падутъ твердыя стѣны и гордыя башни, раздастся плачъ и вопль— и сего града не станетъ!» Пройдетъ малое время, и путникъ съ трудомъ отыщетъ мѣсто бытія его, отыщетъ по однѣмъ развалинамъ, обитаемымъ зміями ядовитыми; вопроситъ потомство отдаленное: — кто произвелъ гибель сію, сіе опустошеніе ужасное? — Александръ! будетъ отвѣтъ Исторіи. — О! какъ ужасаюсь я мысли, столько для другихъ обольстительной мысли, если присовокупятъ къ тому: сей повелитель Сѣвера предалъ на жертву мечу и пламени тысячи тысячь мужей, женъ и младенцевъ, дабы удивленные, устрашенные народы, къ прочимъ титламъ его придали и титло Великаго!»

Рекъ — и свѣтлая слеза заблистала въ небесныхъ очахъ его. Мѣсяцъ погрузилъ въ ней лучи свои, и отразилъ ее въ зерцалѣ своемъ предъ взорами Всевѣчнаго.

Долго длилось глубокое, священное молчаніе. «Повелитель!» вѣщалъ наконецъ

вождь дружинъ Русскихъ: въ полной мѣрѣ чувствую всю благость небесной души твоей, и раздѣляю съ тобой всю прелесть твоего величія, которое творитъ тебя единственнымъ изъ Вѣнценосцевъ. Сладостно быть не завоевателемъ, но благотворителемъ народовъ. Но, Монархъ, какъ ни благотворно солнце, это сердце Природы, отъ дѣйствій коего все раждается, растетъ, цвѣтетъ и плодъ приноситъ; но не самое ли сіе солнце, извлекая изъ нѣдръ земли и водъ обильныя испаренія, даетъ имъ время совокупиться воедино, составить тучу черную и низринуться ей на устрашенную землю въ дождѣ, громѣ и молніи?»

«Такъ, отвѣтствовалъ Самодержецъ: знаю обязанность сана моего къ моему отечеству, съ которымъ соединенъ я священными узами любви взаимной! Счастіе моихъ народовъ выше для меня моего собственнаго счастія, и — клянусь великимъ Сердцевѣдцемъ — никогда позорная мысль: отдѣлить одно отъ другаго — не очернила души моей. Знаю все право свое, по коему

Digitized by Google

ополчился я бранію противу дерзкаго нарушителя обѣтовъ Царскихъ, хищника спокойствія земли Русскія! Я исторгъ мечъ — и безчисленная рать его разсыпалась, какъ разсыпается легкій прахъ предъ лицемъ вихря. Рука Вышняго покрывала щитомъ мое воинство. Но учась столь долговременно обязанности Царя, я позналъ и обязанности подвластныхъ ему народовъ!»

«Судить такъ, и покорять стремленія сердечныя, отвѣтствуетъ вождь мудрый, научила и утвердила тебя помощь Вышняя. Не какъ подданный предъ Повелителемъ, но какъ человѣкъ предъ сочеловѣкомъ, повѣдаю: чувство сіе, въ тебѣ господствующее—одно—безъ столькихъ вѣнцевъ твоихъ и скипетровъ, удобно привлечь всѣ народы къ стопамъ твоимъ, наречь тебя своимъ Самодержцемъ, и обожая въ душахъ своихъ твои велѣнія, любить тебя. Соберу я всю гордость вѣковъ протекшихъ, все киченіе вѣковъ грядущихъ, и ничего не найду столько для нихъ ле-

Digitized by Google

спнаго, какъ мысль: и Александръ смертенъ!»

«Сіе-то чувство, вѣщалъ Монархъ съ довѣріемъ друга, — сіе чувство, столь для другихъ владыкъ земли ужасное, есть верхъ моего величія, источникъ душевнаго моего счастія!»

«Такъ! знаю я, увѣренъ, что вѣнцы, на главѣ моей блестящіе, полученные отъ предковъ въ наслѣдіе, и мною пріобрѣтенные, померкнутъ, разсыплются, исчезнутъ, и къ горсти праха моего еще горсть прибавятъ. Но кто сниметъ тѣ вѣнцы, кто уничтожитъ ихъ, коими увѣнчаю я истиннаго Александра, а не тлѣнный образъ его, сію часть земли, на время оживленной? Тѣ украшенія возьму я съ собою въ предѣлы вѣчности.

«Такъ, величіе сана, облекающаго меня по волѣ Провидѣнія, велитъ мнѣ любить Россіянъ, какъ дѣтей своихъ. Тебѣ извѣстно, сколь любовь сія въ душѣ моей безпредѣльна. Они дѣти мои, участники моей славы, трудовъ, моего спокойствія. Но почему жъ семейство мое осудитъ меня, если я хочу, для

его же пользы и славы, усыновить еще посторонних, только бы они были того достойны? Любовь моя хощет, жаждет принять въ объятія свои всѣ племена и народы земные, благословить ихъ родительскимъ благословеніемъ, и воззвать къ нимъ: дѣти! никогда не уклоняйтесь отъ закона правды—и вы благополучны!»

Едва произнесъ онъ слова сіи, румяная заря озлатила небосклонъ свѣтлый, и первые лучи свои разлила на ланитахъ Александра. «Привѣтствую тебя, предвѣстница дня великаго! Онъ будетъ для меня всегдашнимъ источникомъ радости, или горести неизлечимой!»

Мгновенно раздается громовый звукъ изъ мѣдныхъ жерлъ. Не спада орловъ быстролетныхъ оставляютъ вѣтви дубовъ древнихъ и ущелія горныя; подъемлется воинство Александрово съ сырой земли; оно собирается въ ряды пространные и потрясаетъ копьями въ знакъ нетерпѣнія къ битвѣ и побѣдѣ. Бурные кони ихъ ржутъ, и копытами ударяютъ о землю непріязненную. Страшныя орудія, погло-

Digitized by Google

щающія малыми горшками цѣлыя тысячи ратоборцевъ, движутся, и звукъ ихъ движенія, смѣшавшись съ говоромъ людей и бурнымъ ржаніемъ коней, достигаетъ до стѣнъ Люпеціи. Она покрыта глубокимъ гробовымъ молчаніемъ, и изрѣдка пролетающій надъ вершинами башень ея вранъ зловѣщій, плачевнымъ крикомъ своимъ прерываетъ мертвое безмолвіе вождей и народа.

Воспекло солнце свѣтозарное. Возсѣлъ Александръ на коня своего бурнаго; вожди полковъ его послѣдовали ему. Онъ пролетѣлъ ряды свои безчисленные, и ставъ по срединѣ, вѣщалъ: «воины, непобѣдимые на брани кровопролитной, неподражаемые въ великодушіи по дняхъ побѣды! Вижу рвеніе ваше неодолимое отверзть врата гордаго града и пригвоздить къ вершинѣ башень его орловъ Русскихъ! пройти безъ препоны стогны града великаго, и въ жилищахъ крамолъ и гибели воспѣть громко пѣснь побѣды! Хвала воинству Россійскому, хвала вождямъ его! Но я вопрошу васъ: какую судьбу изречемъ мы древней

столицѣ всея Галліи? Какъ встрѣтимъ мы жалкихъ ея обитателей?»

Подобно страшному реву грозной Миссисипи, когда низвергаетъ она необозримые валы свои съ высоты поднебесной въ пропасть преисподнюю, раздался гласъ вопиющаго:

«Смерть и оковы Галлу измѣнщику; смерть лютая, оковы тяжкія клятвопреступному!

«Да сокрушится сей вертепъ крамольниковъ, и хищный пламень да поѣстъ корысти ихъ неправыя!

«Да падутъ подъ мечами нашими мужи ихъ свирѣпые, жены ихъ вѣроломныя, сыновцы ихъ безбожные!

«Да воздымятся храмы ихъ и дворцы Царскіе; да разсыплются углія на стогнахъ окровавленныхъ!

«Да обрушится все и будетъ прахомъ прахъ!

«Сего требуетъ отъ насъ мать святая Русь! О семъ молитъ насъ Москва овдовѣвшая!»

Монархъ пребылъ въ недоумѣніи. Раны

Москвы сѣдовласыя и Смоленска — любимаго ея дѣтища, близко прилегли къ сердцу Царскому. Среди свѣта небеснаго, предъ очами солнца лучезарнаго, въ кристаллѣ сердца его представился видъ ужасный, поражающій. Зритъ онъ:

Отъ Вислы до Нѣмеия, до самыя Оки быстротечныя, разстлались хищныя стаи звѣриныя: то были злобныя полчища вождя кровожаднаго; алчная смерть видна во взорахъ; пѣна клубится изъ устъ ненасытимыхъ! Гдѣ дѣлись вы, громы небесные?

Текутъ они изъ поля въ дебрь, текутъ они изъ дебри въ весь, ведутъ они за собою смерть! Храмы Бога Вышняго преданы во снѣдь пламени всепожирающему. Служители алтарей окованы цѣпями тяжкими; презрѣна дань почтенія ко власамъ сѣдымъ; попраны законы стыда и совѣсти! Подобія Херувимовъ исказились, и міру представились образы Ангеловъ бездны возмутительныхъ!

Почто медлите вы, молніеносныя стрѣлы Вышняго?

Digitized by Google

Разлилось ядовитое Галловъ дыханіе по лицу всея земли Славенскія; коснулись дерзкія длани ихъ до ребръ Москвы первопрестольной; преклонила она главу свою вѣнчанную; слезы ея обильныя оросили запекшіяся уста тигровъ ненапоимыхъ.

Духъ злобы и киченія, въ лицѣ хищнаго опустошителя воззвалъ въ трубу звучную.

«Да преклонитъ Москва предъ стопами моими выю свою; да поклонится мнѣ, владыкѣ своему державному; да принесетъ мнѣ дани богатыя въ знакъ служенія; да пріиметъ изреченія воли моей, яко законы священные! Тогда простру я взоръ милости; тогда сопричту ее къ державѣ моей блистательной!»

Потрясла Москва главою вѣнчанною; воззвала она къ звѣрю лютому:

«Пройдетъ гроза ужасная, проглянетъ къ намъ солнце красное! Воззри ты къ небесамъ: тамъ есть великій Богъ! Воззри вокругъ себя: къ намъ близокъ Русскій Царь! Возгремитъ единъ дланію молніеносною, и ваши полчища превратитъ во

Digitized by Google

прахъ! Повелитъ другой орламъ своимъ, и прахъ сей развѣется по лицу земли. Не огорчитъ Москва Бога небеснаго; не измѣнитъ она Царю Русскому. Подъ сѣнію престола родилась она; колыбель ея было лоно Царское; возмужала она въ вѣнцѣ блистательномъ, сосиарѣлась подъ багряницею; умретъ Москва матерью вѣрною къ чадамъ своимъ добродѣтельнымъ, но не поклонится владыкѣ адскому, не дастъ дани ненасытимому!»

Тяжело, подобно камню твердому, легла рѣчь сія на сердце кровожаднаго. Махнулъ злодѣй чародѣйнымъ жезломъ своимъ —и стогны Москвы воздымились; затрещали ребра гранитныя и разсыпались; твердыя башни пошатнулись и ринулись; пала во прахѣ глава вѣнценосная, не видно Москвы первопрестольныя!

«Я воздвигну тебя—воззвалъ Александръ гласомъ, подобнымъ грому удару грома; — я воздвигну тебя, Москва златоверхая;— я припеку раны твои тяжелыя — пылающими углями обломковъ вѣроломной Люпеціи; освѣжу замершія уста твои—горя-

чею кровью Галла преступнаго; утѣшу померкшій взоръ твой и огнемъ, и дымомъ и пепломъ столицы Содомскія; воскрешу тебя дѣломъ мщенія достойнаго, мщенія безпримѣрнаго!»

Вѣщалъ—и рады его возшумѣли, подобно крику орловъ и соколовъ при видѣ добычи кровавой; заблистали мечи булатные и копья тяжелыя; развѣялись знамена освященныя; возгремѣли бубны и трубы бранныя; возблистали взоры огненные; напряглись мышцы неодолимыя;—возвысилъ Александръ жезлъ повелительный; двинулись вожди и воинство,—и се

На твердыхъ вереяхъ зазвучали врата желѣзныя града гордаго, и разверзлись. Медленно, подобно тѣнямъ, изъ гробовъ выходящимъ, извлеклись граждане Лютеціи. Старцы и мужи, жены, и дѣвы и юноши — съ поникшими главами, съ помертвѣлыми лицами, трепещущими стопами шествовали во срѣтеніе Царю Русскому и его воинству.

Удержалъ Царь за бразды коня рьянаго; вожди и воинство остановились. «По-

Digitized by Google

велитель Сѣвера неодолимаго, владыка земли Русскія!» вѣщалъ старѣйшина Галловъ, простерши къ Александру трепещущія длани свои: «ужасно для насъ пришествіе твое на брега Сены; но во власти твоей—содѣлать его вожделѣннымъ! Кто удержитъ ударъ грома разящаго? Кто осіяноснитъ шествіе Александра, Царя доблестнаго мужей великихъ? Предъ тобою, въ лицѣ нашемъ, лежитъ столица опрометчивая, и въ ней поверженъ щитъ цѣлой Галліи!

«Отъ манія десницы твоей подниметъ она согбенную выю свою, или на-вѣки погрузитъ ее во прахѣ, и время испребитъ имя ея изъ памяти человѣческой.

«Кто исчислитъ зерна песка морскаго? Кто измѣритъ глубину океана? Кто соразмѣритъ неправды и беззаконія, совершенныя сынами и дщерями земли Галльскія? Обагрены руки ихъ святою кровію Царя невиннаго. Они плавали въ морѣ слезъ своихъ соотчичей. Алтари Бога вышняго испроверглишы, и святое имя Его поруганно устами нечестивыхъ! невинносшь

и правосудіе отягчены цѣпями тяжкими. Беззаконіе возсѣло на престолѣ, и черные духи бездны осѣнили его своими крыліями.

«Глубоко низпали сыны Галліи въ пропасть неизмѣримую, и кто озаритъ потемнѣлые взоры ихъ свѣтомъ истины? кто простретъ къ нимъ десницу состраданія? кто извлечетъ ихъ изъ юдоли плачевныя?»

«И се явился къ нимъ сынъ скалъ Корсиканскихъ, въ вѣнцѣ обманчиваго величія. Онъ вѣщалъ языкомъ льстивымъ, обманчивымъ, и милліоны жертвъ отечественныхъ пали у подножія престола его. Онъ поднялъ мечъ,—и Цари и царства низринулись къ ногамъ его. Онъ возвысилъ чело, и безстыдные рабы суеты ничтожной украсили его діадимою. Онъ возвысилъ гласъ, и половина ужаснувшейся Европы нарекла его полубогомъ! — Колико новыхъ слезъ, колико новой крови стоило дѣтское заблужденіе сіе сынамъ и дщерямъ Галліи!

«Сей властитель мрачное око свое про-

Digitized by Google

сперъ въ пучины ада, и обратилъ тусклоогненный взоръ свой на чело владыки геэнскаго, изображенное древле перунами небесными, вовѣки неисцѣлимое. Возсидѣлъ Аббадона, на высокой скалѣ, составленной изъ кипящей сѣры, и пепла и дыму: то былъ престолъ свѣтоносца! имъ темъ послушныхъ ему духовъ коварства, и злобы и хищенія лежали окрестъ престола владыки своего, и ожидали повелѣній!

«Онъ воздвигъ поникшую къ персямъ главу свою; кинулъ взоръ, спокрашно разительнѣйшій стрѣлъ молнійныхъ; проникъ имъ непроницаемые для всѣхъ заклепы ада; обратилъ его къ сыну скалъ Корсиканскихъ, и гласомъ, подобнымъ клокоту океана, когда онъ, наполнясь сѣры и селитры, горитъ и кипитъ, вѣщалъ ему: «Сынъ любви моей, достойный наслѣдникъ моей власти и величія! познаю скорбь духа моего любимаго, возсѣдающаго въ тебѣ до времени, скорбь, украшающую изчадіе ада преисподняго! ты приходишь въ уныніе, что не всѣ еще народы на землѣ твоей познали твое могущество; что есть

еще страны и области, гдѣ могутъ улыбаться съ веселіемъ; гдѣ люди находятъ еще радости; гдѣ дражайшая матерь твоя —смерть—не зритъ себѣ жертвъ обильныхъ! Не смущайся, великій сынъ мой! я шлю къ тебѣ духовъ моихъ, достойнѣйшихъ моего избранія. Они вновь воспламенятъ умы и сердца Галловъ твоихъ своими чарами. Забудутъ отцы потерю сыновъ своихъ, и сами станутъ подъ бранными твоими знаменами. Шагни, и прежде всѣхъ презорливая Россія да познаетъ силу меча твоего, и тяжесть оковъ, тобою налагаемыхъ!»

«Вселенная свидѣтель, колико посланникъ Аббадона послушенъ былъ сему велѣнію и колико малодушные Галлы удобопреклонны ко внушеніямъ духовъ бездны геэнскія!»

«Тако, о Александръ, о великодушнѣйшій изъ владыкъ земныхъ! тако Галлы совершали судьбу свою; но—ты самъ былъ свидѣтель неслыханнаго злополучія, постигшаго ихъ въ предѣлахъ твоего владычества. Они пали, какъ пали нѣкогда

Digitized by Google

кичливые духи свѣта въ пучины геэнскія, пали и не возстанутъ до скончанія вѣковъ.»

«По толикихъ подвигахъ трудныхъ, по толикихъ битвахъ кровопитныхъ, нога твоя стопитъ у врать гордаго града, конечно достойнаго всякаго отмщенія, но и безмѣрно несчастнаго. Александръ! открой душу твою ко внушенію милосердія; изрѣки помилованіе къ преступнымъ несчастливцамъ; дай имъ время горькими, обильными слезами омыть пятна беззаконій съ душъ ихъ; дай намъ облобызать неодолимую десницу твою; дозволь преклонить колѣна во прахѣ ногъ твоихъ, просперть подъ мечемъ выи свои и во услышаніе цѣлыя вселенныя со слезами благодарности, умиленія, надежды жизни лучшія, возвать: Александръ сѣверный есть непобѣдимѣйшій, но вкупѣ съ тѣмъ и великодушнѣйшій изъ всѣхъ вѣнценосцевъ подъ солнцемъ.»

Вѣщалъ спарѣйшина Галловъ и преклонилъ свои колѣна; мужи и жены, старцы и дѣвы, и юноши столицы Галліи пали

Digitized by Google

во прахѣ, подобно лѣсу дремучему, исторгнутому въ едино мгновеніе вихремъ изъ нѣдръ материнхъ; тяжкіе стоны ихъ поколебали воздухъ; слезы горькія, слезы кровавыя оросили чело земли отеческой.

Безмолвіе простерло крылія свои между вождями, воинствомъ и народомъ. Царь обратилъ очи къ своимъ тысячамъ, и зритъ: улыбка осклабила уста, досель угрожавшія мщеніемъ и злобою; и слезы умиленія, слезы сладкія, исторгаясь изъ очей ихъ, спруились по новымъ кровавымъ рубцамъ на ихъ ланитахъ. Они поникли ихъ долу, стыдясь прежняго своего стремленія ко мщенію; ужасаясь быть недостойными своего повелителя.

Въ сіе святое мгновеніе, любезныя наперсницы Неба, Вѣра, Надежда и Любовь, невидимо, божественными устами облобызали чело Александрово. Онъ обратилъ ко звѣздному престолу Царя царствующихъ взоры полные благоговѣнія, и простерши къ Нему десницу свою, вѣщалъ:

«Благодарю Тебя, о Существо великое, благотворное! Ты — въ сіе мгновеніе, да-

Digitized by Google

СЛАВЕНСКІЕ ВЕЧЕРА.

На величественныхъ берегахъ моря Варяжскаго, тамъ, гдѣ вѣчно-юныя сосны смотрятся въ струи Невы крошкія, въ отдаленіи отъ пышнаго града Петрова и вѣчнаго грохота, по стогнамъ его звучащаго, — при склоненіи солнца багрянаго съ неба свѣтлаго въ волны румяныя, часто люблю

Digitized by Google

я наслаждаться красотой земли и неба великолѣпіемъ, склонясь подъ тѣнь деревъ высокихъ, и обращая въ мысляхъ времена протекшія.

Тамо иногда сонмъ друзей моихъ и прелестныхъ дѣвъ земли Русскія окружаетъ меня. Кротkое пѣніе ихъ разливается по берегу, и журча вдали среди кустовъ зеленыхъ, теряется въ пространствѣ воздуха.

Иногда берутъ они звонкія орудія, и свѣтлыми звуками ихъ прославляютъ величіе добродѣтели и вѣрныхъ друзей ея.

Потомъ — гласы ихъ смягчаются, звоны орудій едва примѣтны. Они поютъ любовь невинную, и ея пріятности.

Digitized by Google

Въ крошкомъ упоеніи души я вѣщалъ имъ:

«Видѣлъ я страны чуждыя и красоты земель отдаленныхъ; видѣлъ весну цвѣтнѣе, видѣлъ лѣто блистательнѣе, видѣлъ осень обильнѣе благословеніями полей и вертоградовъ, нежели въ странѣ нашей; но нигдѣ не видалъ я старцевъ почтеннѣе, мужей величественнѣе, юношей любезнѣе и дѣвъ прекраснѣе, какъ въ землѣ Славеновой.

«Воспой намъ,» вѣщали они мнѣ, «воспой намъ пѣсни о доблестяхъ витязей и прелестяхъ дѣвъ земли Русскія во времена давно-протекшія!»

«Исполню желанія ваши,» отвѣтствовалъ я. «При закатѣ солнца лѣт-

Digitized by Google

няго въ воды шихія, приходите сюда внимать моему пѣнію. Повѣдаю вамъ о подвигахъ рашныхъ предковъ нашихъ, и любезности дѣвъ земли Славеновой.»

=

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google